В. В. Святловскій.

Очерки и картинки

«изъ Кавказскихъ воспоминаній».

Книгоиздательство Г. Г. Москвича.

ОДЕССА
«Центральная Типографія» Почтовая ул., № 39.
1898.

Дозволено цензурою. Одесса, Апрѣля 14 дня 1898 г.

Посвящается

А. С. и В. В.

*Святловским*ъ.

въ Азіи.

Путевые очерки и картины.

I.

«Человѣкъ, который видѣлъ только одну свою страну, прочелъ только одну страницу изъ жизни».

Байронъ.

Изъ всѣхъ произведеній Байрона наиболѣе сильное впечатлѣніе у насъ въ Россіи произвелъ, кажется, «Донъ-Жуанъ», — между тѣмъ въ немъ онъ описываетъ Россію, въ которой никогда не бывалъ, по которой никогда не путешествовалъ, но которою всегда сильно интересовался. По отношенію къ Россіи англійскій поэтъ измѣнилъ своему обѣщанію никогда не описывать страну, которой не видалъ собственными глазами, но за то всегдашнею его мечтой оставалось посѣтить Кавказъ.

Признаюсь, и меня чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ манила къ себѣ эта страна, этотъ дикій край, весь улитый потоками русской

крови, этотъ «погибельный Капказъ» съ его громадными, неприступными твердынями, бѣшеными рѣками и красивыми черкешенками. Однако, по волѣ судебъ, мнѣ пришлось впервые посѣтить этотъ край въ тяжелую годину холерной эпидеміи 1892 года, -и я, проведя два мѣсяца на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, въ концѣ августа выѣхалъ изъ Кисловодска во Владикавказъ.

Болѣзненная мечта всѣхъ отъѣзжающихъ съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ—не подвергнуться «обсерваціи» и не попасть въ карантинъ. Дѣйствительно, въ лексиконѣ путешественника врядъ ли можно найти болѣе страшное слово, чѣмъ карантинъ. Теперь карантины чуть ли не повсемѣстно сняты, а курсовые больные продолжаютъ безпокоиться, особенно тѣ, которые возвращаются съ Кавказа моремъ, или ѣдутъ оканчивать сезонъ въ Яльту. Оказывается, что и въ тридцатыхъ годахъ у насъ карантина боялись ничуть не меньше теперешняго. Знаменитый Пушкинъ въ 1831 году писалъ про карантины слѣдующее:

«Покамѣстъ полагали, что холера прилипчива, какъ чума, до тѣхъ поръ карантины были зло необходимое, но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантины должны были тотчасъ быть уничтожены. Шестнадцать губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантины, не подкрѣпленные достаточною цѣпью, военною силою,

суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году (дѣло идетъ о тридцатомъ годѣ) карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извозчиковъ и чуть не взбунтовали шестнадцать губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины—народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лекарямъ и правительству, но покамѣстъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большему, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, объ угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.»

Вотъ что писалъ великій Пушкинъ въ 1831 году, и подъ этими строками можно подписаться и понынѣ.

Изъ Кисловодска намъ путь лежалъ вглубь Кавказа, по знаменитой Военно-Грузинской дорогѣ, на которой, по слухамъ, совершается досмотръ пассажировъ и дезинфекція ихъ багажа.

Дорога изъ Кисловодска до станціи «Минеральныя воды» Владикавказской желѣзной

дороги идетъ отличнымъ шоссе, содержащимся въ образцовомъ порядкѣ, несмотря на то, что этому шоссе чуть не на-дняхъ придется уступить свое мѣсто рельсовому пути. Быстро промелькнула мимо насъ великолѣпная, построенная еще при Воронцовѣ, нарзанная галлерея, воздвигнутая въ стилѣ англійской средневѣковой архитектуры, знаменитая Тополевая аллея и не менѣе знаменитая Крестовая гора, служащая однимъ изъ любимыхъ мѣстъ прогулокъ курсовыхъ больныхъ. Говоря о Крествой горѣ, невольно вспоминается кровавый эпизодъ, разыгравшійся здѣсь при Воронцовѣ же въ 1850 году. Одинъ азіатскій князекъ повздорилъ изъ-за приданаго съ зятемъ, тоже азіатомъ, но въ то же время и генераломъ русской службы. Генералъ, недовольный величиною колыма, полученнаго за дочь, возбудилъ дѣло у русскихъ властей, обвиняя князька въ самовольномъ увозѣ у него дочери. Въ то время начальникомъ центра былъ князь Эристовъ, жившій въ Кисловодскѣ, близъ Крестовой горы. Эристовъ вызвалъ князька къ себѣ для личныхъ переговоровъ, и когда тотъ явился въ сопровождеденіи брата и нѣсколькихъ вооруженныхъ нукеровъ, то начальникъ центра въ присутствіи собранныхъ на дворѣ донцовъ и роты солдатъ приказалъ обезоружить и арестовать князька. Тогда горцы обнажили шашки и съ гикомъ поскакали на Крестовую гору. Затѣмъ началась отвратительная травля; троихъ нукеровъ

убили тутъ же на горѣ, остальные были перебиты послѣ отчаяннаго сопротивленія. Особенно дорого продалъ свою жизнь, отстаивая честь и народные обычаи, одинъ нукеръ, который забаррикадировался на хорахъ казенной гостиницы, расположенной у подножія той же горы, и прежде чѣмъ сложилъ свою буйную голову убилъ кинжаломъ буфетчика гостиницы и застрѣлилъ двухъ солдатъ. Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что вся эта кровавая драма не могла бы имѣть мѣста, еслибы мѣстные обычаи пользовались большимъ уваженіемъ со стороны военнаго начальства, которому были ввѣрены судьбы кавказскихъ народовъ въ свое время *).

На кисловодскомъ шоссе страшныя тучи пыли, которыя съ ногъ до головы напудриваютъ путника, его экипажъ и лошадей. Да и немудрено, такъ какъ вотъ уже скоро полтора мѣсяца, какъ здѣсь стоитъ превосходная погода, перешедшая мало-по-малу въ сильнѣйшую жару и засуху. А между тѣмъ въ паркѣ все пожелтѣло, листья сильно опали и, несмотря на неимовѣрную духоту, вся природа приняла какой-то грустный осенній колоритъ.

Не забудемъ при этомъ, что кисловодскій

*) Зисерманъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», кажется за 1893 годъ, въ чемъ то исправляетъ мое описаніе кроваваго кисловодскаго эпизода, но признаюсь, и послѣ этого исправленія я не могъ ничего измѣнить въ своемъ текстѣ.

паркъ, хотя и размѣщенъ въ котловинѣ между горъ, тѣмъ не менѣе находится почти на одной высотѣ съ вершиной Машука, т. е. поднятъ надъ уровнемъ моря почти на 3.000 футъ. Не могу кстати не отмѣтить невѣрности наблюденія, утверждающаго, что въ Кисловодскѣ не бываетъ ни мухъ, ни комаровъ. Комаровъ, дѣйствительно, я не видалъ лѣтомъ 1892 года, но за то мухи имѣются въ самомъ несносномъ изобиліи. Вообще по части отступленія отъ истины наши путеводители по лечебнымъ мѣстамъ грѣшатъ весьма изрядно. Такъ напримѣръ, въ одномъ весьма обстоятельномъ путеводителѣ по Кавказу при описаніи Нарзана имѣются такія строки: «шумъ и клокотаніе воды въ Нарзанѣ до того громки, что вблизи источника отчасти заглушаютъ разговоръ». Всякій, побывавшій въ Кисловодскѣ (я имѣю въ виду старый до̀ каптажный «Нарзанъ»), знаетъ, что это неправда и, конечно, такія поэтическія вольности не должны бы имѣть мѣста въ серьезной книгѣ.

Какъ ни пыльно и какъ ни жарко на шоссе отъ Кисловодска въ Пятигорскъ *), но дорога почти вплоть до Ессентуковъ такъ живописна, такіе милые ландшафты открываются вокругъ, что путникъ долго не чувствуетъ никакого утомленія. Дорога идетъ сперва по

*) Въ 1892 году минераловодская вѣтвь Ростово-Владикавказской желѣз. дороги находилась еще въ постройкѣ.

правому гористому берегу Подкумка; долина рѣки сначала очень широка, вдали слѣва виднѣется Кольцо-гора, т. е. уступъ съ оригинальною промоиной въ песчаномъ грунтѣ, имѣющей издали поразительное сходство съ искусственно сдѣланнымъ круглымъ окномъ. Еще дальше, совсѣмъ на горизонтѣ, синѣетъ гора Римъ,—также одно изъ излюбленныхъ мѣстъ для эскурсій кисловодскихъ обывателей. Окрестности Кисловодска, какъ и вообще весь Кавказъ, по преданію, видали у себя не только римлянъ, генуэзцевъ и венеціанцевъ, но даже воиновъ Александра Македонскаго и гунновъ. По преданію, самъ великій полководецъ и его сподвижники продѣлывали «минеральный» курсъ въ мало-извѣстномъ еще у насъ въ Россіи и чудесномъ горно-водолечебномъ курортѣ Абасъ-Тумаѣ, расположенномъ недалеко отъ Боржома. А знаменитый Шамиль въ шутку не разъ говаривалъ, что Александръ Македонскій, завоевавъ весь свѣтъ, заселилъ Кавказъ самыми разбойничьими элементами своихъ полчищъ.

Какъ бы то ни было, но близъ горы Римъ отлично сохранились слѣды какого-то города и укрѣпленія. О троглодитахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ изъ земли и изъ сосѣднихъ пещеръ археологами и любителями извлечено не мало монетъ, оружія, крестиковъ и надгробныхъ съ надписями камней, свидѣ-

тельствующихъ, что здѣсь жилъ культурный и христіанскій народъ.

Окружающія Кисловодскъ горы не имѣютъ спеціальныхъ названій и въ сущности составляютъ отроги Пестраго или Скалистаго хребета. Геологи думаютъ, что эти горы представляли собою нѣкогда морскіе коралловіе рифы, поднявшіеся во время земныхъ переворотовъ до настоящей своей высоты. Строеніе горъ изъ известняка съ органическими прослойками изъ рода коралловъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ справедливость этого предположенія.

Извѣстный ученый Абихъ, создавшій, можно сказать, всю геологію Кавказа, признаетъ для этой страны два поднятія морского дна. Поднятія эти совершались въ разныхъ направленіяхъ, въ сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ, и относятся къ концу мѣловаго періода. При первомъ поднятіи появился, между прочимъ, Бештау, а при второмъ—Машукъ, гора Юца, снабжающая прѣсною водой Пятигорскъ и, наконецъ, царь всѣхъ кавказскихъ горъ—двуглавый Эльборусъ. Тогда же образовались трещины въ доломитовыхъ слояхъ и возникъ знаменитый ключъ Нарзанъ.

Отроги Пестрыхъ горъ образуютъ вокругъ Кисловодска настоящія террасы, напоминающія мѣстами гигантскія ступени еще болѣе гигантской лѣстницы. Все пространство между горъ по теченію Подкумка безлѣсно и представляетъ собой богатые пастбища и сѣнокосы.

Чѣмъ дальше подвигаешься по долинѣ Подкумка, переѣхавъ по прекрасному мосту на лѣвый берегъ рѣки, тѣмъ ближе придвигаются къ намъ горы и дорога идетъ почти-что ущельемъ.

Справа безлѣсныя горы имѣютъ такой курьезный видъ, что безъ всякой натяжки ихъ можно сравнить съ окаменѣвшими морскими волнами. Какъ ни однообразна все время эта картина, но благодаря игрѣ свѣта, краски ея получаютъ ежеминутно такіе новые тоны, что глазъ не устаетъ любоваться и поневолѣ вспоминаются слова знаменитаго баснописца: «куда на выдумки природа таровата». Слѣва горы подходятъ къ самому шоссе въ видѣ отвѣсныхъ известковыхъ громадъ съ рѣзко выраженнымъ слоистымъ строеніемъ. Отвѣсныя известковыя скалы лѣвой дороги напоминаютъ Бермамутскую террассу, поднятую на 8.500 футовъ надъ уровнемъ моря и представляющую ближайшій пунктъ, съ котораго можно любоваться главнымъ кавказскимъ хребтомъ.

Мнѣ только-что довелось побывать тамъ. Поѣхали мы туда изъ Кисловодска цѣлою компаніей въ двухъ фаэтонахъ шестериками. Набрали кучу теплаго платья, дровъ, самоваръ и всякой провизіи. Отъ Кисловодска приходилось сдѣлать слишкомъ сорокъ верстъ по простой дорогѣ, по которой на арбахъ возятъ сѣно и гигантскій лѣсъ, растущій у подножія Эльборуса. Дорога начинаетъ подниматься въ

гору почти отъ самаго Кисловодска и хотя въ общемъ нѣтъ ни особенно крутыхъ подъемовъ, ни спусковъ, все же представляетъ значительныя неудобства; мѣстами она проложена по окраинамъ весьма головокружительныхъ балокъ и лощинъ, въ которыхъ шла дѣятельная уборка сѣна, мѣстами по слишкомъ уже крупному щебню размытыхъ и вывѣтренныхъ породъ.

Ландшафты одинъ красивѣе другого смѣняютъ другъ друга: видна сверху и березовая балка, и дальній водопадъ и знаменитое ущелье, въ которомъ расположенъ замокъ «Коварства и Любви». Съ каждою новою пройденною верстой грудь дышетъ легче, воздухъ становится чище и горизонтъ безпредѣльно разширяется. Оглянувшись назадъ къ Кисловодску съ «Косаго извоза», видишь не только Сѣдло-гору, но вдали вырисовывается синій гигантъ Бештау, горы Юца и Машукъ, а спереди, чуть ли не съ полдороги, начинаютъ показываться серебряныя главы Эльборуса. Всю дорогу ни одного жилья, ни одного духана, зато масса табуновъ лошадей, стадъ домашнихъ козъ, овецъ и быковъ. Стада пасутъ верховые—горные татары въ своихъ живописныхъ лохмотьяхъ. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили двухъ татарченковъ, которые стерегли громадное стадо великолѣпныхъ рыжихъ козловъ, но мы тщетно подзывали къ себѣ этихъ дикарей: они пугливо озирались по сторонамъ и поспѣшно отъ насъ скрылись.

Мы выѣхали изъ Кисловодска около 12 часовъ дня, въ страшную жару, но уже къ 5 часамъ, несмотря на солнце, стало свѣжѣть и подулъ порядочный вѣтеръ.

Скоро набѣжали и тучки, закапалъ дождь, но, къ счастію, черезъ нѣсколько минутъ небо снова прояснилось и больше не огорчало насъ. На лошадей жалко было смотрѣть: онѣ изморились уже съ полдороги и еле тянули насъ во всю вторую половину пути.

На самый Бермамутъ пришлось взбираться уже впотьмахъ; воздухъ сильно посвѣжѣлъ и на небѣ стали зажигаться звѣздочки. Бермамутъ представляетъ изъ себя почти голую скалу, на которой всегда бушуютъ вѣтры, дующіе отъ эльборусскихъ снѣговъ. Гулъ и свистъ вѣтра, а главное холодъ, вотъ что первое почувствовали мы, взобравшись на высочайшую точку Бермамута, которая почти на полверсты выше Гудаурскаго перевала на Военно-Грузинской дорогѣ. Луна еще не взошла, и орентироваться въ окружающемъ насъ мракѣ было не легко.

Жилья на Бермамутѣ не имѣется никакого, нѣтъ даже шалаша, гдѣ бы можно было спастись отъ дождя и вѣтра. Воду нужно приносить за 2 версты, и не будь съ нами запаса дровъ и углей, то не удалось бы напиться и чаю. Лѣтъ 7 тому назадъ на Бермамутѣ стоялъ небольшой домикъ—ресторанъ, а теперь домикъ этотъ проданъ съ аукціона и на

мѣстѣ его остался небольшой загонъ вышиною въ полтора или два аршина, сложенный изъ кусковъ известковаго камня.

Крыши у загона нѣтъ, въ длину онъ имѣетъ шаговъ десять и почти столько же въ ширину. Надлежало расположиться въ этомъ загонѣ на ночлегъ, что̀ мы и не замедлили совершить, разложивъ въ одномъ углу нашего суроваго пріюта порядочный костеръ. Скоро поспѣлъ и самоваръ, налитый превосходной ключевою водой, которую принесъ одинъ изъ молодыхъ нашихъ спутниковъ, неустрашимо спустившійся внизъ въ балку въ темнотѣ съ ведерной баклагой за плечами. Наши любезные автомедоны наотрѣзъ отказались идти ночью по кручѣ добывать воду. Зато традиціонный кавказскій шашлыкъ изъ баранины, приготовленный на вертелѣ, совсѣмъ не удался и къ довершенію неудачъ подгуляло и кахетинское, оказавшееся кислымъ. Приходилось довольствоваться яйцами, картофелемъ и хлѣбомъ съ масломъ. Между тѣмъ ночь совсѣмъ спустилась на землю, небо вызвѣздило и изъза горъ медленно началъ выплывать мѣсяцъ. «Хороша украинская ночь», но про бермамутскую при всемъ желаніи я не могу сказать того же самаго, хотя и здѣсь дѣло кончилось тѣмъ, что мѣсяцъ свѣтилъ во всѣ лопатки, звѣзды трепетали самымъ приличнымъ образомъ, но все портилъ анаѳемскій холодъ, который леденилъ кровь, забирался вмѣстѣ съ

вѣтромъ подъ бурку и не давалъ наслаждаться открывавшейся картиной. А картина была дѣйствительно хороша. Бѣлый гигантъ Эльборусъ сидѣлъ прямо противъ насъ, раздѣленный таинственно глубокимъ ущельемъ, фантастически облитымъ причудливымъ луннымъ свѣтомъ. Вдали въ этомъ глубокомъ ущельѣ, въ этой бездонной пропасти, тамъ и сямъ мелькали, какъ звѣздочки, костры пастуховъ и по временамъ доносились ихъ крики и блеяніе овецъ и козъ. Гигантскія фантастическія тѣни пробѣгали по ущелью, придавая всей картинѣ особенно мрачный строгій колоритъ. Но проклятый холодъ не давалъ любоваться какъ слѣдуетъ, всѣ мы тѣснились въ загонѣ и жались къ огню; лошадей и тѣхъ приходилось отгонять,—онѣ тоже искали тепла и рвались къ нашему загону. Костеръ погасъ часамъ къ 2-мъ и сдѣлалось нестерпимо холодно. До разсвѣта оставалось еще очень далеко. Шутки не клеились, а спать не давала все та же стужа. Въ 4 часа еще было совсѣмъ темно, и только на восточномъ краю неба появилась узенькая свѣтло-желтая полоска. Востокъ алѣлъ ужасно медленно, всѣ мы повскакали со своихъ мѣстъ и съ жадностью слѣдили, какъ потухаютъ звѣзды и блекнетъ небосклонъ, переходя изъ синяго въ какой-то свѣтло-бирюзовый. Въ первый разъ пришлось убѣдиться, какъ медленно пробуждается въ горахъ природа отъ своего ночнаго сна. Южная природа

засыпаетъ быстро; не успѣешь оглянуться, какъ уже наступила ночь, зато разсвѣтъ на горахъ, да еще въ холодъ совершается съ убійственною медленностью. Впереди насъ все еще полумракъ, дающій однако понять, на какой головокружительной высотѣ мы ночуемъ, а тамъ далеко на горизонтѣ виднѣются неясные контуры чего-то громаднаго, бѣлаго, поднимающагося къ самымъ небесамъ. Это—Эльборусъ. Но вотъ, вдругъ еще невидимое для насъ свѣтило послало золотой бликъ на голову сѣдого гиганта, еще и еще, и цѣлая золотая корона заблистала на Эльборусѣ, и солнце медленно начало выплывать на горизонтѣ; мало-по-малу заискрилась и засверкала и вся цѣпь горъ большаго Кавказскаго хребта и заиграла на солнцѣ своими вѣчными снѣгами.

Трудно передать словами все величіе открывавшейся предъ нами картины. Одна изъ нашихъ спутницъ была тронута до слезъ, и мы всѣ забыли про холодъ, мучившій насъ въ теченіе этой долгой ночи. Нигдѣ въ жизни, ни на Ригахъ, откуда открывается очаровательный видъ на Альпы и на итальянскія озера, ни на Уралѣ я не видалъ подобной потрясающей величественной панорамы. Казалось взоръ охватывалъ всю карту Кавказскаго хребта, и глазъ не могъ оторваться отъ этого поразительнаго зрѣлища.

Уже солнце высоко поднялось надъ горизонтомъ, а мы все еще точно загипнотизи-

рованные любовались дивнымъ зрѣлищемъ. Ущелье совершенно прояснилось; слѣва въ нѣсколькихъ верстахъ открылся дымокъ, подымающійся изъ ближайшаго аула, близъ коего, говорятъ, имѣется источникъ, по составу одинаковый съ Нарзаномъ.

Спускъ къ этому аулу идетъ по неимовѣрной крутизнѣ; по дну ущелья засеребрилась рѣчка и ленточками обрисовались пересѣкающіяся тропинки. Но нужно было двигаться въ обратный путь. Обратная дорога заняла не болѣе 4 съ половиною часовъ; отдохнувшіе кони везли быстро и порядкомъ даже насъ напугали на одномъ спускѣ, гдѣ одинъ изъ нашихъ экипажей едва не скатился со всѣми пассажирами въ глубокій оврагъ. Отдѣлавшись испугомъ, вернулись мы однако въ цѣлости въ Кисловодскъ, запечатлѣвъ навсегда и эту холодную ночь, и чудесную Бермамутскую панораму.

Лѣтомъ 1895 года мнѣ снова довелось быть на Бермамутской скалѣ; на этотъ разъ загонъ былъ превращенъ въ татарское жилье. Всю ночь накрапывалъ дождь и красавецъ «Эльборусъ» былъ закрытъ грозными тучами. Къ довершенію неудачи у меня сильно разболѣлась голова и я склоненъ думать, что это было ничто иное какъ симптомъ «горной» болѣзни. Одинъ изъ моихъ спутниковъ д-ръ З-цкій убилъ при мнѣ на Бермамутѣ горную курочку, которая подпустила насъ къ себѣ

шаговъ на десять. Третій разъ былъ я на Бермамутѣ зимою 1895 г., но тутъ поднявшаяся метель и трусость одного изъ моихъ спутниковъ заставили насъ всѣхъ вернуться, не доѣзжая пяти верстъ до цѣли. Теперь по дорогѣ къ Бермамуту имѣется два хутора, въ которыхъ, въ крайнемъ случаѣ, можно найти пристанище.

Верстахъ въ 4 отъ Ессентуковъ кисловодское шоссе выходитъ изъ ущелья и идетъ по гладкой, степной мѣстности, которая тянется вплоть до самаго Пятигорска.

Отъ Ессентуковъ до Пятигорска я весь путь (около 15 верстъ) совершилъ пѣшкомъ, вдвоемъ съ однимъ изъ молодыхъ моихъ спутниковъ.

Пѣшеходныя путешествествія, столь принятыя, напримѣръ, въ Швейцаріи, совершенно не въ ходу на Кавказѣ, и когда мы явились отдохнуть въ духанъ, расположенный на окраинѣ Пятигорска, то намъ не хотѣли вѣрить, что мы пришли изъ Ессентуковъ и сдѣлали полтора десятка верстъ.

Дорога изъ Ессентуковъ въ Пятигорскъ, украшенная все время видомъ горы Бештау, не представляетъ ничего интереснаго. Скучная степь въ одномъ только мѣстѣ пересѣкается неглубокимъ оврагомъ, въ которомъ бѣжитъ пересохшая рѣчка Золотушка. На рѣчкѣ порядочное оживленіе, по случаю окончанія постройки желѣзнодорожнаго моста,—вотъ и

всѣ достопримѣчательности этого пути, на которомъ я таки порядочно измучился и утомилъ свои ноги.

Забравъ свой багажъ въ Пятигорскѣ, дальнѣйшій путь до станціи «Минеральныя воды» мы снова сдѣлали въ экипажѣ по прекрасному шоссе. На полпути приходится миновать нѣкогда шотландскую, а нынѣ нѣмецкую колонію «Карасъ», гдѣ Лермонтовъ въ послѣдній разъ напился кофе передъ своею роковою дуэлью.

Чтобы покончить съ мѣстностью района кавказскихъ минеральныхъ водъ, добавимъ, что въ этомъ районѣ, въ 30 верстахъ отъ слiянія Кумы съ Подкумкомъ, кромѣ Бештау и Машука, возвышаются и видны все время по дорогѣ отъ Пятигорска къ вокзалу «Минеральныя Воды» горы: Желѣзная, Змѣиная, Развалъ, Лысая и Быкъ, а позже Верблюдъ и Кипрой. Почти всѣ эти вершины покрыты густымъ лѣсомъ и своимъ красивымъ видомъ оживляютъ дорогу. На станцію «Минеральныя воды» я прибылъ за нѣсколько минутъ до отхода скораго поѣзда во Владикавказъ.

Будущіе посѣтители кавказскихъ минеральныхъ водъ должны порадоваться скорому окончанію желѣнодорожной вѣтви, которая свяжетъ этотъ курортъ съ общею сѣтью россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Уже въ началѣ сентября локомотивъ засвисталъ въ Пятигорскѣ и прозвучалъ громкимъ эхо на вершинахъ Машука и Бештау, гдѣ и понынѣ вьютъ свои

гнѣзда царственные орлы. Вся линія, связавшая между собою и съ «Минеральными водами» Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Ессентуки и Кисловодскъ, имѣетъ около 60 верстъ и была окончательно готова къ концу нынѣшняго года. Въ Россіи изъ-за холернаго вопроса былъ потерянъ вкусъ ко всякаго рода инымъ вопросамъ, и потому даже открытіе Ѳеодосійской желѣзной дороги и окончаніе новой Минеральной и даже линіи отъ Петровска до Беслана *) натолкнулась на крайне обидное равнодушіе общества. Всѣ 60 верстъ новой линіи, отъ которой кавказскія минеральныя воды ожидаютъ великихъ и богатыхъ милостей, обошлись обществу Владикавказской желѣзной дороги вмѣстѣ со станціонными, мостовыми и иными сооруженія почти въ 3 милліона рублей. Такимъ образомъ стоимость одной версты опредѣляется почти въ 50 тысячъ рублей. Желѣзноводскій вокзалъ въ первое время отстоялъ отъ Желѣзноводска въ 4 верстахъ, что давало возможность сократить общую длину всей линіи чуть ли не на 12 верстъ; къ тому же послѣднія 4 версты до Желѣзноводска представляли такія трудности, что на преодолѣніе ихъ нужно было затратить добавочно сумму около 350 тысячъ рублей, и общество предпочло ограничиться организаціей таксированныхъ экипажей, которые будутъ доставлять публику съ вокзала въ Желѣзноводскъ. Съ 1896 года и эти четыре версты пройдены рельсовымъ путемъ.

*) Бесланъ—послѣдняя станція передъ Владикавказомъ по Владикавказско-Ростовской желѣзной дорогѣ, отъ нея поворотъ на Грозное, въ Дагестанъ и Петровскъ.

Петровскую линію строилъ тотъ же молодой и талантливый инженеръ Кербедзъ, который построилъ дорогу и на минеральныя воды. Это сынъ извѣстнаго инженера Кербедза, которому Россія обязана многими капитальными сооруженіями (Николаевскій мостъ въ Петербургѣ, мостъ въ Варшавѣ, связующій Прагу съ Варшавой). Петровская линія обошлась гораздо дешевле «Минеральной», именно 39 тысячъ съ версты. Къ зимѣ 1893 было открыто уже движеніе отъ Петровска до Грознаго. Постройка задержалась тою же общею разорительницею —холерою. На Петровской линіи холера была такъ сильна, что нѣсколько разъ всѣ рабочіе разбѣгались, бросая и вещи, и заработанныя деньги. Приходилось ворочать ихъ и водворять на мѣста казаками. Первоначально смертность въ устроенныхъ дорогой баракахъ доходила до ста процентовъ, что объяснялось тѣмъ, что рабочіе, предубѣжденные противъ бараковъ, скрывали заболѣванія и являлись къ доктору лишь въ послѣднемъ періодѣ болѣзни. Однако мало-по-малу врачи побѣдили предразсудокъ, больные получили довѣріе къ баракамъ, что тотчасъ же отразилось на уменьшеніи процента смертности отъ холеры, и теперь желѣзнодорожные рабочіе новыхъ стро-

ющихся линій отъ Владикавказской желѣзной дороги снабжены широкою врачебной организаціею и по отношенію къ населенію Терской области ихъ уже ни въ коемъ случаѣ нельзя разсматривать очагами заразы. Въ отношеніи врачебной помощи рабочіе поставлены гораздо лучше, чѣмъ окрестное населеніе. Можно пожелать лишь, чтобы администрація дороги, хотя бы на время эпидеміи, взяла бы въ свои руки также и заботу о продовольствіи рабочихъ. Конечно, эта задача не легка, но тѣмъ больше заслуга исполнившему ее. Теперь же рабочіе нанимаются на своихъ харчахъ, а харчи эти натурально ниже всякой критики.

II.

Станція «Минеральныя воды» до того пропахла карболкой, что на ней и дышать трудно, но зато ни въ чемъ остальномъ не чувствуется, что попадаешь на великій путь распространенія холерной эпидеміи. То же впечатлѣніе сохраняется и послѣ того, какъ сядешь въ вагонъ и проѣдешь порядочную толику пути. Всюду на вокзалахъ изрядная суетня, пассажировъ садится вездѣ много, всѣ буфеты завалены фруктами и чуть ли не всякій третьеклассный пассажиръ тащитъ къ себѣ въ ва-

гонъ огромный арбузъ, который восхитилъ бы капитана Копейкина, или набиваетъ карманы румяными яблоками.

Въ вагонахъ просторнѣе и чище обыкновеннаго, но тоже крѣпко надушено карболкою, а въ первомъ классѣ удалены ковры съ половъ.

Въ концѣ поѣзда пристегнутъ чистенькій, окрашенный бѣлою краской, вагончикъ, съ надписью «санитарный вагонъ». Благодаря своему почти щеголеватому виду, вагончикъ не производитъ даже своимъ видомъ того удручающаго впечатлѣнія, которое связано съ представленіемъ объ убѣжище для холерныхъ больныхъ. Нашъ вагончикъ шелъ пустымъ; всѣ встрѣчные поѣзда имѣли въ хвостѣ такіе же бѣлые вагоны, которые, по справкамъ, шли также пустыми. Дѣйствительно, сильная эпидемія, свирѣпствовавшая въ теченіе $1^1/_2$—2 мѣсяцевъ въ Терской области, замѣтно начала ослабѣвать, и тамъ, гдѣ прежде въ день дѣло доходило до двухъ тысячъ заболѣваній, теперь захварываетъ не болѣе пятидесяти человѣкъ (конецъ августа). Даже знаменитая станица Прохладная, въ которой появились первые случаи, вызвавшіе панику среди курсовыхъ больныхъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, и та нынѣ совсѣмъ свободна отъ больныхъ. Въ этой станицѣ населеніе, въ ознаменованіе прекращенія эпидеміи и самоотверженной дѣятельности присланнаго къ нимъ

врача Ильина, устроило ему торжественные проводы и поднесло на память золотые часы съ цѣпочкой. Такой же оваціи удостоился и харьковскій студетъ-медикъ Н. Краинскій отъ жителей станицы Солдатской. Когда Краинскій былъ вызванъ на родину, то общество этой станицы проводило его на станцію въ полномъ составѣ съ женами и дѣтьми и поднесло ему чрезъ атамана серебряный подстаканникъ съ надписью «отъ признательной станицы Солдатской». Сообщаемъ эти факты съ отраднымъ чувствомъ и очень сожалѣемъ, что инородческое населеніе Терской области въ своихъ пораженныхъ эпидеміей аулахъ далеко не раздѣляетъ взглядовъ терскихъ казаковъ на дѣйствительность врачебной помощи въ дѣлѣ прекращенія холеры. Инородцы не вѣрятъ русскимъ врачамъ, неохотно показываютъ имъ своихъ больныхъ и, говорятъ, было не мало случаевъ, гдѣ пріѣздъ врача или фельдшера въ аулъ вызывалъ такую враждебную демонстрацію, что о подачѣ помощи нечего было и думать. Туземное населеніе Терской области да и вообще Кавказа не вышло въ этомъ отношеніи еще изъ сферы самыхъ темныхъ предразсудковъ и суевѣрій. Ингуши, въ огражденіе своихъ селеній и себя лично отъ холеры устраиваютъ таинственныя процессіи по подземнымъ галлереямъ. Для этого вырываютъ два колодца, соединяемые подземнымъ ходомъ. У того и другого колодца муллы читаютъ священный коранъ, а правовѣрные одинъ за другимъ спускаются въ одинъ изъ колодцевъ, проходятъ по тѣсной галлереѣ въ другой, причемъ по пути каждый проходящій отплевывается во всѣ стороны. Вышедшій такимъ образомъ на поверхность земли становится, по мѣстному повѣрью, какъ бы застрахованнымъ отъ холеры. Кабардинцы обносятъ вокругъ селенія цѣлою процессіей бычачью кожу, и мѣстное повѣрье гласитъ, что холера не можетъ перейти черту, по которой прошла такая процессія. Жители осетинской слободки во Владикавказѣ вскорѣ же послѣ появленія въ этомъ городѣ холеры пытались умилостивить ее жертвоприношеніями. Собравшись, они зарѣзали быка, изжарили его и съѣли, обильно запивая пивомъ (*Терск. Вѣд.*). Наши казачки также по временамъ не отступаютъ отъ своихъ туземныхъ собратій: такъ казаки станицы Ассинской прогоняли холеру выстрѣлами. Собравшись чуть ли не всѣ поголовно, они стрѣляли въ воздухъ почти цѣлую ночь. «Опахиваніе» деревень въ предупрежденіе заноса холеры, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ мѣръ, которую довольно широко примѣняли и у насъ во внутренней Россіи въ текущую эпидемію, и до какой дикости дошли бы мы, еслибъ у насъ умирали люди въ такомъ количествѣ, какъ это было на Сѣверномъ Кавказѣ (въ Терской и Кубанской областяхъ), это извѣстно одному Господу

Богу. Мы едва ли ошибемся, если признаемъ, что Терская область въ минувшую эпидемію является одною изъ наиболѣе пораженныхъ во всей Россіи мѣстностей. За одинъ лишь періодъ времени отъ 12 іюля по 10 августа здѣсь заболѣло 24.724 чел. и умерло 11.967, гораздо больше половины того количества людей, которые при нормальныхъ условіяхъ умираютъ здѣсь и притомъ отъ всѣхъ болѣзней за цѣлый годъ. Обыкновенно смертность въ Терской области не превышаетъ 23 на 1.000, что при населеніи области въ 780.000 человѣкъ дало въ 1890 году 18.132 смертныхъ случая за годъ, то-есть по 49 человѣкъ въ день во всей области [1]). Другими словами, азіатская гостья повысила существующую въ краѣ при нормальныхъ условіяхъ смертность чуть ли не въ десять разъ.

Будущему историку холерной эпидеміи 1892 года предстоитъ, безъ сомнѣнія, трудная задача выясненія причинъ такого исключительно рѣзкаго развитія эпидеміи въ краѣ, отличающемся въ общемъ крайне малой плотностью населенія. Извѣстно, что плотность населенія въ Терской области крайне не велика, а именно здѣсь на квадратную версту приходится до 12,6 человѣкъ, а въ частности на территоріи собственно Терскаго казачьяго

[1]) Среднимъ числомъ въ этотъ періодъ времени захварывало въ день по 824 человѣка (maximum 1.158) и умирало 398 (maximum 564).

войска [1]), населеніе еще рѣже, и здѣсь на квадратной верстѣ живетъ на болѣе 8,6 человѣкъ. Приводимъ для наглядности данныя относительно населенности другихъ мѣстностей нашего отечества. Въ Петербургской промышленной области на каждую квадратную версту приходится 108 человѣкъ, въ западныхъ окраинахъ—53 человѣка, въ черноземной не-степной области—40, въ центральной промышленной—36, въ Сѣверо-Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ (части Пермской и Вятской губерній)—24, въ лѣсной черноземно-суглинистой области—17, въ черноземной степной—15, въ Кавказскомъ краѣ вообще и въ Крыму—14, въ Пинскомъ Полѣсьѣ—12, въ Вологодско-Вятскомъ Полѣсьѣ—11, въ Новгородско-Финскомъ Полѣсье—9, въ Уральскомъ Полѣсьѣ—7, въ степной нечерноземной полосѣ—4. Такимъ образомъ, если плотность населенія Россіи въ среднемъ въ девять разъ меньше, напримѣръ, чѣмъ въ Англіи и въ пятнадцать разъ—чѣмъ въ Бельгіи, то сравнительно съ этими государствами Терская область представляется вовсе не заселенною. Если признать, что въ терской области мы, въ лицѣ терскихъ и гребенскихъ казачьихъ поселеній, имѣемъ самыя первыя и раннія русскія колоніи на Кавказѣ, то нельзя не сознаться, что этимъ колоніямъ сильно не ве-

[1]) Собственно территорія Терскаго казачьяго войска охватываетъ собою три административныхъ единицы области: Сунженскій, Кизлярскій и Пятигорскій отдѣлы.

зетъ, что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ русскіе, на нашъ взглядъ, всегда были и есть плохими колонизаторами. Не даромъ существуетъ историческое преданіе, что донцы, переселяясь на Кавказъ, не знали и не хотѣли знать хлѣбопашества и бичами забивали тѣхъ изъ казаковъ, которые брались за соху. Какъ ни смутны и неопредѣленны указанія различныхъ историковъ мѣстной колонизаціи края (Евг. Максимовъ, И. Попко, І. Бехтовскій, Ѳ. Пономаревъ), тѣмъ не менѣе нужно полагать, что первая горсточка русскихъ людей занесена была въ Терскую область въ XVI столѣтіи, въ эпоху, отмѣченную другимъ колонизаціоннымъ теченіемъ казачьей вольницы. Имя Ермака Тимоѳеевича, покорителя Сибири, извѣстно всякому ребенку, но имя атамана Андрея Шадры, который создалъ первую кавказскую колонію и такимъ образомъ положилъ первый камень нашего кавказскаго владычества, еще ждетъ своего бытописателя. Андрей былъ пріятелемъ Ермака Тимоѳеевича, казаки повздорили между собой и разошлись въ разныя стороны, а въ результатѣ этой ссоры получилась колонизація не только Сибири, но и Кавказа. Если первымъ колонизаторамъ Терской области не приходилось сладко, несмотря на громадныя природныя богатства этой страны, то очевидно, и понынѣ еще жизненныя условія въ краѣ и особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ея представляютъ мало

привлекательнаго. Первымъ поселенцамъ приходилось прежде всего отстаивать безопасность своего имущества и свою собственную отъ буйныхъ своихъ сосѣдей, горцевъ, правда, теперь этого давно уже нѣтъ, но зато климатическія условія, повидимому, далеко еще не смягчили своего воздѣйствія на прошлое колонизаціонное населеніе. Такъ, напримѣръ, во всей территоріи Терскаго казачьяго войска проточная вода имѣется лишь въ изобиліи въ западной половинѣ Пятигорскаго отдѣла, да на югѣ и юго-востокѣ Сунженскаго. Въ остальныхъ мѣстностяхъ края недостатокъ проточной воды составляетъ истинную злобу дня, переходящую въ настоящее бѣдствіе во всемъ Кизлярскомъ отдѣлѣ, въ степной части Пятигорскаго и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ долинахъ. Отъ недостатка воды страдаютъ не только люди, но и скотъ и даже вся флора мѣстности. Такимъ образомъ въ странѣ, рядомъ съ изумительнымъ богатствомъ во всевозможныхъ минеральныхъ источникахъ, уживается крайняя бѣдность въ хорошей проточной прѣсной водѣ.

Далѣе вся дельта Терека, не будучи до сихъ поръ осушена отъ болотъ, даетъ такія злокачественныя формы перемежающихся лихорадокъ, что съ ними не акклиматизировалось даже и туземное населеніе. Весь Кизлярскій отдѣлъ, напримѣръ, до такой степени отличается цѣлымъ рядомъ моментовъ, вредно от-

ражающихся на здоровье мѣстнаго населенія, что, по свѣдѣніямъ Терскаго областнаго статистическаго комитета, прибыль населенія въ этомъ отдѣлѣ едва равняется 0,7% (1889 года). Въ иные годы эта прибыль спускается еще ниже и были случаи, когда въ теченіе года убыль населенія превышала прибыль, а въ нѣкоторыхъ станицахъ Кизлярскаго отдѣла это печальное явленіе повторяется слишкомъ часто. Тотъ же комитетъ, какъ извѣстно, еще въ семидесятыхъ годахъ обратилъ всеобщее вниманіе на то, что въ маломъ приростѣ казачьяго населенія въ большинствѣ мѣстностей виновна громадная смертность дѣтей до пятилѣтняго возраста. Во многихъ мѣстахъ Россіи дѣти до этого возраста умираютъ въ поразительныхъ количествахъ, и если признать, что въ среднемъ нормальный для всей Россіи процентъ будетъ 49 на сто душъ умершихъ, то здѣсь этотъ процентъ доходитъ до 70. Къ сожалѣнію, это явленіе, подмѣченное двадцать лѣтъ тому назадъ и объясняемое такъ же, какъ и во внутренней Россіи—недостаткомъ ухода за дѣтьми, остается во всей своей силѣ и поднесь и нами отмѣчается въ настоящее время лишь въ смыслѣ указанія или вѣрнѣе отыскиванія тѣхъ причинъ, коими, быть-можетъ, хотя отчасти объясняется та напряженность, съ которою въ краѣ свирѣпствовала нынѣ холерная эпидемія.

Отъ станціи «Минеральныя воды» почти

вплоть до Терека тянется выжженная голая степь, но зато за Терекомъ начинается та житница, которая въ 1891 году вмѣстѣ съ Кубанскою областью накормила наши пораженныя недородомъ губерніи. На долю Терской области такимъ образомъ впервые выпала благодарная роль кормилицы Земли Русской, и терскіе казаки и въ этой роли оказали своему отечеству такія же почетныя услуги, какъ и на поприщѣ военномъ и боевомъ. На станціи «Даргъ-Кохъ» уже подъ самымъ Владикавказомъ нашъ бѣлый вагончикъ распахнулъ свои двери и принялъ одну больную—жену желѣзнодорожнаго сторожа,—которую нашъ поѣздъ благополучно и доставилъ въ Владикавказскій холерный госпиталь. Въ самомъ Владикавказѣ холера почти прекратилась еще въ серединѣ августа, причемъ за все время отъ начала заболѣванія въ этомъ городѣ почти съ 50-тысячнымъ населеніемъ захворало 918 человѣкъ, изъ коихъ умерло 381, то-есть не болѣе сорока процентовъ. Въ наибольшій разгаръ эпидеміи самое большое количество заболѣвшихъ въ день доходило до 75 человѣкъ, а самое большое количество умершихъ до 46. Такимъ образомъ, въ общемъ, эпидемія здѣсь далеко не достигала той злокачественности, какую она приняла, напримѣръ, въ Гамбургѣ, куда, по мысли Коха, мысли явно политически-тенденціозной, она занесена будто бы изъ Россіи.—Владикавказъ очень хорошенькій городъ.

Его украшаютъ и бурный Терекъ, и чудесныя горы. Главное—горы. Кромѣ чудесной шапки Казбека, изъ Владикавказа видна рѣдкая по красотѣ гора Матъ-хохъ, которую здѣсь называютъ Столовой. Самъ городъ вонючъ и грязенъ, какъ примѣрный азіатъ. Лучшая улица города—Александровскій проспектъ — благоухаетъ повременамъ не лучше помойной ямы. Знатоки дѣла объясняютъ это явленіе не столько неопрятностью города, сколько интезивностью здѣсь всѣхъ процессовъ разложенія и гніенія. Дѣйствительно, вся Владикавказская равнина, а слѣдовательно и городъ, страдаетъ отъ обилія атмосферныхъ осадковъ и пожалуй въ этомъ отношеніи во всей Россіи занимаетъ исключительное мѣсто. По свѣдѣніямъ за послѣднія пять лѣтъ здѣсь было въ теченіе года 140 дней съ осадками (въ томъ числѣ 114 дней съ дождями), общее годовое количество которыхъ превышаетъ 821 милиметръ. Рядомъ съ большою жарой такая вѣчная мокрота и обиліе лужъ, конечно, должны давать большой матеріалъ для гніенія всевозможныхъ органическихъ остатковъ.

Другимъ больнымъ мѣстомъ города является его водоснабженіе и особенно удаленіе нечистотъ и всякихъ помойныхъ и сточныхъ водъ. Лѣтъ семь, восемь тому назадъ городское управленіе устроило прекрасный песчаный фильтръ и такимъ образомъ дало возможность пить очищенную отъ массы мути

воду Терека. Взамѣнъ Сосуна, такъ какъ рѣка въ городѣ очень мелководна, хотя и быстра, въ фильтръ поступаетъ часть теречной воды не изъ самаго русла, а изъ бокового рукава, идущаго вдоль крайне загрязненнаго берега, украшеннаго общественными сортирами и тому подобными ароматичными учрежденіями. Близъ начала этого рукава, изъ котораго пьетъ воду весь Владикавказъ, устроена мельница съ плотиной, на образованіе которой пошло много десятковъ тысячъ возовъ навоза, экскрементовъ и всяческихъ нечистотъ. Плотина эта, конечно, постоянно выщелачивается рѣкой, и естественно, что фильтръ не можетъ справиться съ такою непосильною задачей и даетъ воду худшую, чѣмъ нефильтрованная вода главнаго русла. И дѣйствительно, части города, пившія прямо мутную нефильтрованную воду Терека, страдали отъ эпидеміи ничуть не больше, чѣмъ участки, снабженные прозрачною фильтрованною водой. Даже скорѣе на оборотъ. Сообщаемые мною факты не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ они ни невѣроятны на первый взглядъ, такъ какъ переданы мнѣ мѣстнымъ городскимъ врачемъ, который неоднократно поднималъ вопросъ объ этой злополучной мельницѣ и ея знаменитой плотинѣ изъ навоза. Не лучше стоитъ дѣло и съ удаленіемъ всяческихъ нечистотъ изъ города. Все это спускается и сваливается въ Терекъ, рѣку крайне мелкую и по временамъ крайне не

обильную водой. Даже прачечныя, мывшія госпитальное холерное бѣлье, спускаютъ свои помои въ тотъ же многострадальный Терекъ, который несетъ дальше всѣ эти „запятыя" въ ниже лежащія мѣста человѣческаго обитанія. Повторяю, что сообщаемые мною факты идутъ изъ вполнѣ компетентнаго источника и истинность ихъ никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣна.— Владикавказъ основанъ былъ еще при Екатеринѣ II и вплоть до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія представлялъ изъ себя небольшую крѣпостцу, задача которой сводилась къ охранѣ одного изъ лучшихъ и древнѣйшихъ проходовъ черезъ главный Кавказскій хребетъ. Задача настолько почтенная, что ею объясняется и самое названіе города. Съ окончательнымъ покореніемъ Кавказа роль Владикавказа существенно измѣнилась, а подошедшая желѣзная дорога окончательно упрочила за нимъ крайне важное торговое значеніе. Значеніе это безконечно усилилось бы, еслибы черезъ главный хребетъ шло не шоссе, именуемое Военно-Грузинской дорогой, а рельсовый путь, который, какъ извѣстно, могъ бы быть здѣсь проложенъ безъ особыхъ даже техническихъ затрудненій. Всѣ нужныя изысканія сдѣланы, и общая стоимость такой дороги опредѣлена въ сорокъ милліоновъ рублей,—сумма, которая на западѣ, конечно, не считалась бы громадной.

Несомнѣнно однако, что если Петровскъ

соединится рельсами съ Баку да вдоль Чернаго моря пройдетъ рельсовый путь до Батума, тогда желѣзная дорога черезъ главный хребетъ сдѣлается достояніемъ однихъ туристовъ, а Владикавказъ потеряетъ свое торговое значеніе и отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣть. Въ городѣ теперь имѣется мужская и женская гимназіи, реальное училище, 18 низшихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ ремесленное училище въ память Лорисъ-Меликова, бывшаго нѣкогда начальникомъ Терской области, и до 50 мелкихъ фабрикъ и заводовъ [1]).

Правда, городскихъ достопримѣчательностей мало, да и городу некогда было заниматься такими пустяками, недаромъ еще въ немъ цѣлы и остатки старой крѣпости и новой оборонительной стѣнки, построенной до взятіи въ плѣнъ Шамиля, когда городъ съ часу на часъ ожидалъ нападенія грозныхъ полчищъ знаменитаго имама. Городъ полонъ военными, и этотъ элементъ играетъ здѣсь преобладающую роль. Мы прибыли въ городъ какъ-разъ въ день чествованія (25 августа) войскового круга Терскаго казачьяго войска,— праздника, установленнаго лишь съ 1891 года. Этотъ праздникъ имѣетъ огромное значеніе для всего Кавказа. Онъ чествуетъ тѣхъ удалыхъ выходцевъ изъ московской земли, тѣхъ

[1]) Трудно повѣрить, но—фактъ, что Владикавказъ не имѣетъ н и о д н о й книжной торговли, ни одной книжной лавки. Не получилъ онъ таковой и въ 1896 году.

смѣлыхъ донскихъ, волжскихъ и яицкихъ казаковъ, ту знаменитую «вольницу», которая безстрашно забралась на берега Терека и положила здѣсь прочную основу русской колонизаціи всего Кавказа. Весь знаменательный день 25 августа городскія улицы были покрыты военными въ ихъ живописныхъ черкескахъ, торжественно гремѣла музыка, развѣвались знамена и прошла процессія съ булавами и насѣками древняго казачества. Вечеромъ на многихъ перекресткахъ также играла музыка, говорились тосты, пролито было много кахетинскаго вина и въ казачьей груди вставали былые славные подвиги невозвратнаго прошлаго. Въ Владикавказѣ стоитъ и знаменитый Тенгинскій пѣхотный полкъ, куда былъ назначенъ, но недоѣхалъ Лермонтовъ. Въ этомъ же полку числится и другой безсмерный человѣкъ — безвѣстный сѣрый, рядовой солдатикъ Архипъ Осиповъ, который въ сороковыхъ годахъ вплелъ крупный лавръ въ вѣнокъ знаменитаго полка. Когда громадныя скопища черкесовъ взяли горсточку русскихъ людей, защищавшихъ небольшое Михайловское укрѣпленіе, то простой рядовой Осиповъ, видя, что побѣда клонится на сторону горцевъ, взорвалъ пороховой погребъ и хотя погибъ самъ, но погубилъ и множество враговъ. Осиповъ числится и по настоящее время въ спискахъ полка и его вызываютъ при каждой перекличкѣ, причемъ на вызовъ отвѣчаютъ «погибъ во славу русскаго оружія».

Сѣрому герою нѣсколько лѣтъ тому назадъ поставленъ во Владикавказѣ памятникъ на концѣ Александровскаго проспекта, противъ зданія упраздненной нынѣ военной гимназіи. Да проститъ намъ строитель памятника, но монументъ его, особенно среди окружающей величественной природы, вышелъ какимъ-то черезчуръ маленькимъ, игрушечнымъ. На небольшой мраморной колонкѣ сидитъ орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ въ клювѣ. Орелъ сидитъ на кучѣ ядеръ, но общій масштабъ памятника такъ малъ, что въ одномъ изъ кавказскихъ путеводителей составитель пресерьезно описываетъ, что на колонкѣ лежатъ яйца, а на нихъ сидитъ орлица (Путеводитель Андреева. Спб. 1891 г.) На одной сторонѣ монумента сдѣлана надпись: «штабсъ-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову», а на другой сторонѣ прибита мѣдная доска, на которой вырѣзанъ приказъ графа Чернышева, — бывшаго въ сороковомъ году военнымъ министромъ, о подвигѣ рядового Осипова. Къ сожалѣнію, текстъ приказа вырѣзанъ слишкомъ мелко, какими-то фигурными съ завитушками славянскими буквами. Съ развитіемъ просвѣщенія на Кавказѣ туземнымъ жителямъ, посѣщающимъ областной городъ, было бы полезно умѣть читать описаніе геройскаго подвига рядоваго Архипа Осипова.

III.

Съ Военно-Грузинской дороги.

«Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ
Межъ утесистыхъ громадъ»...

Мысль описывать Дарьяльское ущелье можетъ испугать даже очень храбраго человѣка, и тѣмъ не менѣе ежегодно является какой-нибудь новый конкуррентъ, пытающійся затмить безсмертнаго творца «Демона» и его классическое описаніе Кавказскихъ горъ. Выходитъ блѣдно и слабо, и въ лучшемъ случаѣ получается Фрейшюцъ, разыгранный перстами робкихъ, хотя и самонадѣянныхъ учеництъ.

Однако ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не знали Военно-Грузинской дороги въ ея теперешнемъ, такъ-сказать, усовершенствованномъ видѣ. Теперь на всемъ протяженіи отъ Владикавказа до Тифлиса шоссе, соединяющее Сѣверный Кавказъ съ Южнымъ, почти не оставляетъ желать ничего лучшаго, по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшняго своего благоустройства, тогда же, когда, напримѣръ, Пушкинъ ѣздилъ въ Эрзерумъ, оно еще вовсе не было приспособлено къ экипажной ѣздѣ, и

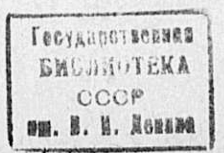
мѣстами путники должны были подвигаться впередъ или верхомъ, или пѣшкомъ. Тогда знаменитый перевалъ былъ такъ крутъ, что легкую коляску еле втаскивали тридцать двѣ пары быковъ; теперь же гигантскій дилижансъ размѣровъ Ноева ковчега легко поднимается на высшую точку перевала простою шестеркой почтовыхъ лошадей. Дарьяльское дефиле испоконъ вѣковъ пользуется славой лучшаго прохода черезъ Кавказскій хребетъ. И кого только не видало это знаменитое дефиле, отмѣченное у многихъ писателей изъ временъ сѣдой древности! И дикій скиѳъ, и грозный сарматъ и свирѣпый монголъ — всѣ ходили этою дорогой, этими воротами алановъ. По преданію, за 140 лѣтъ до Р. Хр. иверійскій царь Мирванъ построилъ крѣпость (ворота) въ тѣснинахъ Дарьяла. Въ V вѣкѣ черезъ эти же ворота прошли гунны, въ VIII в. здѣсь уже хозяйничали хазары и арабы, и наконецъ въ XII в. сюда забрались сами господа крестоносцы. Извѣстно, что ополченія крестоносцевъ третьяго похода (1189 года) поссорились подъ Антіохіей съ византійскимъ императоромъ, который отказался дать имъ корабли для возврата на родину. Крестоносцы пустились въ обратный путь въ Европу черезъ Кавказъ въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, съ женщинами и съ дѣтьми. Попути крестоносцы разсѣялись по разнымъ землямъ, нанимаясь на службу къ владѣтелямъ ихъ, а въ томъ числѣ и по Кав-

казу. И теперь еще среди горцевъ Кавказа имѣются три небольшихъ удалыхъ племени (хевсуры, тушины и пшавы), которыя живутъ близъ Военно-Грузинской дороги и которыхъ нѣкоторые считаютъ за остатки рыцарей—крестоносцевъ.

Строгая научная критика, повидимому, отвергаетъ это предположеніе, основанное на нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ, хотя и рѣзкихъ особенностяхъ костюма и вооруженія этихъ племенъ. Особенность эта состоитъ въ нашиваніи разноцвѣтныхъ крестовъ на всѣ части костюма и ношеніи во время сряженій полнаго рыцарскаго металлическаго вооруженія.

Наконецъ, этой же дорогой, черезъ Дарьялъ, въ XIV и XV вѣкахъ движутся полчища страшнаго Тамерлана, разорявшаго нѣсколько разъ Грузію, и здѣсь же совершаютъ свой путь грузинскіе послы, отправляемые въ Россію съ просьбой о покровительствѣ. Извѣстно, что въ первый разъ еще при великомъ князѣ Іоаннѣ III, кахетинскій царъ Александръ отправлялъ посольство съ просьбой о взятіи страны подъ русское покровительство. Въ XVI и XVII вѣкахъ и наши русскіе послы съ невѣроятными трудностями отдавали визитъ Грузіи, проходя черезъ этотъ знаменитый дефиле. Даже въ концѣ XVIII столѣтія (1799) г.) путь черезъ Дарьяльское ущелье былъ такъ невозможенъ, что когда Лазаревъ съ знаменитымъ 17-мъ Егерскимъ полкомъ (нынѣ лейбъ-гренадерскій Ериванскій) былъ посланъ на помощь Грузіи, то молодцы-егеря совершили этотъ двухсотверстный путь лишь въ тридцать шесть дней, причемъ приходилось ползти на четвереренькахъ по непроходимымъ горнымъ тропинкамъ и кручамъ.

Съ утвержденіемъ русскаго владычества на Кавказѣ почти всѣ выдающіеся кавказскіе дѣятели, въ родѣ князя Циціанова, Ермолова, Воронцова, прикладывали свою энергію къ этой дорогѣ—и тѣмъ не менѣе можно сказать, что лишь въ концѣ 70-хъ и даже 80-хъ годовъ текущаго столѣтія она доведена до той степени совершенства, въ которой находится въ настоящее время. Однако и понынѣ дорога эта не вполнѣ безопасна, и техникѣ предстоитъ еще сказать послѣднее слово, дабы гарантировать Дарьяльское ущелье отъ періодически повторяющихся грозныхъ обваловъ или заваловъ. Завалы эти дѣлаетъ одинъ изъ ледниковъ горы Казбека или Бешламъ-Корта, какъ его называютъ туземцы. Съ вершинъ Казбека спускается восемь ледниковъ, но одинъ изъ нихъ, именно Девдоракскій, спускается по долинѣ рѣчки Кабахи въ Дарьяльское ущелье. Обвалы Девдоракскаго ледника были въ слѣдующихъ годахъ: 1776, 1808, 1817 и 1832. Особенно грозенъ былъ обвалъ, заваливішій русло Терека въ 1832 году. При своемъ паденіи онъ засыпалъ ущелье на протяженіе слишкомъ двухъ верстъ слоемъ снѣга, льда, грязи и камня толщиною

или вышиною въ сорокъ саженей. Весь объемъ упавшей массы, по разсчету очевидца инженеръ-капитана Грауэрта, можетъ быть исчисленъ въ 1.600.000 куб. саженей. Воды Терека почти на восемь часовъ были совершенно запружены, образовавъ выше завала огромное озеро, тогда какъ ниже, во Владикавказѣ, рѣка моментально пересохла и ее можно было переходить въ бродъ, не замочивъ ступни ногъ. Два года не могла растаять эта масса снѣга, которую копилъ у себя на вершинѣ Казбекъ въ теченіе долгихъ пятнадцати лѣтъ, и въ теченіе двухъ лѣтъ не могли привести въ полный порядокъ засыпанную дорогу. Путешественниковъ переводили по тропѣ, протоптанной въ снѣгу, а въ въ одномъ мѣстѣ образовалась такая широкая и глубокая трещина, что черезъ нея перевозили путниковъ въ корзинѣ, двигавшейся на блокѣ по толстому канату. Среди туземцевъ, живущихъ вблизи отъ Казбека, существуетъ повѣрье, что Казбекъ изрѣдка скидаетъ свою снѣжную шапку, которая будто бы и составляетъ казбекскій завалъ, но это повѣрье ни на чемъ не основано, и очевидцы завала 1832 года видѣли бѣлую вершину Казбека въ томъ же положеніи, какъ она представлялась до завала и послѣ него. Еще поэтичнѣе легенда, преписывающая происхожденіе обваловъ злому духу, обитающему на вершинѣ Казбека. Злой духъ регулярно черезъ каждые семь лѣтъ бросаетъ въ Дарь-

яльское ущелье громады снѣга, льда и камня.

Однако съ 32 года прошло добрыхъ шестьдесятъ лѣтъ, и злой духъ, очевидно, перемѣнилъ гнѣвъ на милость, такъ какъ съ тѣхъ поръ не было ни одного сколько-нибудь значительнаго обвала. Въ 1842 году снова ожидался громадный обвалъ съ Казбека; онъ и случился, но, не дойдя 4 верстъ до Дарьяльскаго ущелья, остановился и постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разстаялъ на мѣстѣ. Въ 1855 году снова ожидали завала, но онъ вовсе не образовался, хотя всѣ признаки его приближенія находились на лицо. Въ наукѣ и до сихъ поръ не имѣется строго установленнаго взгляда, опредѣляющаго движеніе ледниковъ. Существуютъ три главныхъ теоріи поступательнаго движенія ледниковъ: теорія скольженія, теорія расширяемости и теорія растяжимости. Знаменитый Агасиссъ, знатокъ ледниковаго вопроса, признавалъ, что ледники движутся всегда въ зависимости отъ совокупности силъ, признаваемыхъ всѣми этими тремя теоріями, а русскій ислѣдователь происхожденія казбекскаго завала инженеръ путей сообщенія Б. Статковскій присоединяетъ къ этому и четвертую причину: именно поперемѣнное сжиманіе и расширеніе льда отъ дѣйствія температуры воздуха. Эту причину движенія можно объяснить слѣдующимъ примѣромъ, даваемымъ Тиндалемъ. Хоры бристольскаго собора были покрыты свинцовыми ли-

стами. Свинецъ былъ положенъ въ 1851 году, а два года спустя онъ всею массой подвинулся внизъ на восемнадцать дюймовъ. Попытка остановить это движенiе вколачиванiемъ гвоздей въ стропила не удалась, потому что сила, съ которую опускался свинецъ, вырывала гвозди. Крыша была не крутая, и свинецъ могъ бы оставаться на ней, не скользя внизъ вслѣдствiе силы тяжести. Спрашивается, какая же была причина его пониженiя? Свинецъ былъ подверженъ перемѣнѣ температуръ дневной и ночной. Теплота, сообщаемая ему днемъ, заставляла его расширяться. Еслибъ онъ лежалъ на горизонтальной плоскости, то расширялся бы вездѣ одинаково; но лежа на наклонной плоскости, онъ рясширялся къ низу свободнѣе, нежели вверхъ. Наоборотъ, ночью, когда свинецъ сжимался, его верхняя часть легче подвигалась внизъ, чѣмъ нижняя поднималась вверхъ. Движенiе свинца, слѣдовательно, совершенно походило на движенiе земляного червяка: днемъ онъ поднималъ впередъ свою нижнюю часть, а ночью верхнюю, и такимъ образомъ за два года онъ подвинулся на пространство восемнадцати дюймовъ.

Какъ бы то ни было, но намъ крайне интересно было бы знать, почему явленiе казбекскаго завала такъ долго не повторялось, повторится ли оно снова и не имѣется ли въ рукахъ у современной техники инженернаго искусства вѣрнаго средства, чтобы предупре-

дить это явленiе или какъ-нибудь обойти его. На всѣ эти крайне важные и далеко не праздные вопросы приходится, къ сожалѣнiю, отвѣтить отрицательно.

Цѣлый рядъ коммиссiй, назначаемыхъ для изслѣдованiя Казбекскихъ ледниковъ, мало выяснилъ дѣло, равно не удалась и попытка, сдѣланная въ пятидесятыхъ годахъ, поднять полотно шоссе выше уровня обваловъ. Остается, слѣдовательно, терпѣливо ожидать, когда всемогущее время придетъ на помощь и разъяснитъ и этотъ вопросъ, какъ и многiе другiе. И то уже шагъ впередъ, что теперь къ Девдоракскому леднику устроена удобная тропинка, а возлѣ ледника выстроенъ небольшой домикъ, гдѣ живетъ сторожъ, на обязанности котораго лежитъ донесенiе обо всѣхъ сколько-нибудь тревожныхъ перемѣнахъ въ ледникѣ. Во время паденiя завала 1832 года развился сильнѣйшiй ураганъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что часовой, находившiйся въ ущельи Терека, былъ сорванъ съ мѣста и отнесенъ по воздуху на двадцать саженъ. Весьма вѣроятно, что не самъ завалъ производитъ такой вѣтеръ и что ураганъ, какъ явленiе самостоятельное, помогаетъ въ такихъ случаяхъ лишь стремительности заваловъ. Ураганы въ горахъ явленiе весьма частое; вихрь, пронесшiйся въ 1864 году безъ всякаго завала у Кулагинскаго временнаго моста въ Байдарской долинѣ, не только разрушилъ самый мостъ, но сбросилъ

въ оврагъ двухъ солдатъ, находившихся на расчисткѣ пути отъ снѣга, а третьяго перенесъ черезъ оврагъ на разстояніе тридцати саженъ. Очевидно, что такіе вихри могутъ сами являться причиной образованія обваловъ.

Первыя двѣ станціи по Военно-Грузинской дорогѣ отъ Владикавказа — Балтская и Ларская - идутъ настолько еще ровною дорогой, хотя и извивающеюся между горъ, что проложеніе здѣсь рельсовъ не представило бы, конечно, ни малѣйшихъ затрудненій. Знаменитый Дарьялъ начинается собственно за Ларсомъ, и здѣсь на этомъ коротенькомъ пространствѣ до станціи Казбекъ собственно и сосредоточены самыя дикія и величественныя красоты всей Военно-Грузинской дороги. Зачастую любоваться дорогой ѣздятъ только до Казбека и затѣмъ поворачиваютъ обратно во Владикавказъ. Дорога до Ларса не представляетъ ничего особенно примѣчательнаго, хотя виды и здѣсь превосходные, такъ какъ шоссе огибаетъ все время необычайно красивую Столовую гору, имѣющую до 10 т. ф. высоты. На дворѣ было начало сентября, но горы еще были покрыты зеленью съ необыкновенно красивыми желто-оранжевыми осенними переливами и тонами. На дорогѣ встрѣчается множество духановъ съ затѣйливыми надписями на вывѣскахъ, въ родѣ «Не уѣзжай, голубчикъ мой» и т. д., а на склонахъ горъ начинаютъ встрѣчаться заброшенныя и

очень декоративныя сторожевыя башни. Тутъ же до Ларса пріютились и два маленькія укрѣпленьица—остатки нѣкогда грозныхъ для горцевъ передовыхъ казачьихъ пунктовъ. Теперь эти укрѣпленія (Редантъ и Джерахъ) превращены въ стоянку для десятка казаковъ, оберегающихъ безопасность почтоваго движенія. Разбой это больное мѣсто Кавказа, но въ утѣшеніе для нашей культуры не мѣшаетъ напомнить, что и западная Европа, несмотря на успѣхи въ ней цивилизаціи, не освободилась еще также отъ этого наслѣдія варварства. Разбойничьи шайки южной Италіи, Греціи и Испаніи перещеголяли нашихъ кавказскихъ разбойниковъ, а про Турцію, Сербію и Болгарію даже и говорить не приходится. Кавказскій разбойникъ отлично владѣетъ не только кинжаломъ, но револьверомъ и винтовкой, и въ этомъ отношеніи можетъ дать двадцать очковъ впередъ нашимъ доморощеннымъ Ванькамъ Каинамъ съ ихъ пресловутою дубиной. Разбои на Кавказѣ производятся и отдѣльными личностями, и большими шайками, и притомъ въ большихъ размѣрахъ. И хотя Россія считаетъ Кавказъ подъ своимъ владычествомъ около 90 лѣтъ, но мы до сихъ поръ мало могли сдѣлать къ искорененію этихъ дикихъ и грубыхъ видовъ преступленій; кавказскіе разбои носятъ острый и опасный характеръ, такъ какъ, не встрѣчая въ населеніи серьезнаго отпора, они завоевываютъ себѣ большое поле

для дѣятельности. Нерѣдки нападенія на большихъ дорогахъ, въ деревняхъ, даже въ городахъ—на улицахъ и въ домахъ. На большихъ дорогахъ среди бѣлаго дня, почти на виду земской стражи, останавливается масса пассажировъ, иногда до 200 человѣкъ, которыхъ грябятъ разбойники безъ всякой церемоніи. Не менѣе часты нападенія, сопровождаемыя убійствами на желѣзнодорожныхъ сторожей и ихъ жилища, на почты, почтовыхъ чиновниковъ и на проѣзжающихъ въ желѣзнодорожныхъ поѣздкахъ. Разбойники не останавливаются даже отъ нападенія на цѣлыя учрежденія, гдѣ могутъ встрѣтить отпоръ, такъ какъ сами организуются въ хорошо вооруженныя шайки (Джанъ-Ятагское дѣло). Нѣкоторые уѣзды сильно страдаютъ отъ разбойничьихъ шаекъ, которые рекрутируются пришлыми разбойниками изъ Персіи и Турціи. До сихъ поръ всѣ усилія администраціи не могутъ окончательно искоренить кавказскій разбой, и здѣшнія шайки иногда даютъ правильныя сраженія высланнымъ полицейскимъ отрядамъ, оставаясь нерѣдко побѣдителями. Всѣ эти свѣдѣнія сообщилъ намъ одинъ тифлисскій пріятель, членъ мѣстнаго юридическаго общества. Онъ теперь готовитъ обширное изслѣдованіе по вопросу о происхожденіи разбоя на Кавказѣ и объ обстоятельствахъ, питающихъ его и благопріятствующихъ его развитію. На первый разъ имъ приготоляется къ печати монографія о знаме-

нитомъ тифлисскомъ разбойникѣ Тато Цулукидзе, что въ свою очередь дастъ возможность ближе подойти къ причинамъ и корнямъ, производящимъ эти разбои. Кавказскіе разбойники рекрутируются не только изъ числа мусульманъ, но и изъ христіанъ, причемъ всѣ народности: грузины, осетины, тушины и даже армяне конкурируютъ въ созданіи легендарнаго героя, мѣстнаго Ринальдо-Ринальдини, предъ которымъ низко преклоняется народная толпа. И теперь еще почта на Кавказѣ сопровождается не только вооруженнымъ почталіономъ, но и казаками съ винтовками. И тѣмъ не менѣе, когда я пишу эти строки *), почта ограблена близъ города Шуши и ограбленъ ѣхавшій съ нею военный слѣдователь. По Военно-Грузинскому тракту ѣзда теперь почти безопасна, но очень недалеко то время, когда еще предписывалось задерживать проѣзжающихъ на станціяхъ за два часа до сумерекъ и отпускать утромъ не ранѣе, чѣмъ будутъ выставлены дневные пикеты. Тѣмъ не менѣе дня, за три до нашего проѣзда, злоумышленники напали на почту при слѣдованіи ея со станціи Казбекъ на станцію Ларсъ. Встрѣтивъ отпоръ, разбойники скрылись въ горы, отстрѣливъ палецъ у казака, сопровождавшаго поѣздъ. Въ Терской области до сихъ поръ такъ часты случаи

*) Строки эти писаны въ 1893 г., но съ тѣхъ поръ дѣло ничуть не измѣнилось къ лучшему и газеты послѣдняго времени полны описаній похожденій кавказскихъ разбойниковъ, которые держутъ въ осадѣ всю мѣстную уѣздную администрацію.

кражъ, грабежей и разбоевъ, гдѣ виновные въ этихъ преступленіяхъ ускользаютъ отъ правосудія, что съ 1879 года въ краѣ введены «Временныя правила объ имущественной охранѣ русскаго населенія Терской области отъ хищничества горцевъ». Этими правилами установлена круговая отвѣтственность туземныхъ сельскихъ обществъ за всякое насиліе противъ жизни, здоровья и права собственности населенія станицъ, слободъ и городовъ. Особенно часты случаи грабежей въ Сунжѣ, населенной ингушами. Грабежи—это какъ бы племенная профессія ингушей, которые всѣ, отъ-мала до-велика, носятъ оружіе и нерѣдко злоупотребляютъ имъ.

Въ виду холеры движеніе по Военно-Грузинской дорогѣ путешественниковъ было очень невелико. Ѣхавшихъ въ Тифлисъ пугала дезинфекція, производимая на станціи Пасанауръ, а въ послѣднее время на станціи Мцхеты; наоборотъ, ѣхавшіе изъ Закавказья избѣгали Дарьяла, не желая попадать въ сильно зараженную эпидеміей Терскую область. На многихъ станціяхъ Военно-Грузинской дороги были сдѣланы всѣ нужныя приспособленія для оказанія помощи путешественникамъ, заболѣвшимъ въ дорогѣ. Всюду выстроены были небольшіе деревянные бараки, разбиты палатки, запасены медикаменты и дезинфекціонныя средства, но, къ счастію, почти всѣ эти приспособленія оставались безъ употребленія

и холерные больные не появлялись почти ни на одной станціи, и такимъ образомъ Военно-Грузинское шоссе должно разсматривать какъ путь, почти совсѣмъ пощаженный эпидеміей, а слѣдовательно и не загрязненный.

На третьей станціи, считая отъ Владикавказа, именно въ Казбекѣ, мы еще засвѣтло остановились на ночлегъ. Красоты пути отъ Ларса до Казбека, какъ мы уже упоминали выше, таковы, что ихъ не въ силахъ описать слабое человѣческое перо *). Это не дорога, а роскошная сказка въ пятнадцать верстъ длины. Только въ сказкахъ Шехерезады можно найти столько богатой фантазіи, и только въ поэмахъ Байрона столько мрачности и силы красокъ, какъ въ этой дивной дорогѣ! Для одной этой станціи стоитъ ѣхать на Кавказъ! Зато этотъ кусокъ пути является и самымъ опаснымъ мѣстомъ всей дороги. Кромѣ ледниковыхъ заваловъ, о которыхъ мы уже говорили, на этомъ же участкѣ бываютъ и жестокіе каменные обвалы. Такъ, за нѣсколько дней до нашего проѣзда черезъ Дарьялъ, здѣсь произошелъ на девятой верстѣ жестокій каменный обвалъ, прекратившій сообщеніе на цѣлыя сутки. Когда ѣдешь между Ларсомъ и Казбекомъ подъ нависшими надъ самою головой гигантскими сѣдыми скалами, то на душѣ

*) Человѣческій языкъ, сказалъ Флоберъ это лопнувшій сосудъ, на которомъ мы разыгрываемъ наши мелодіи, какъ бы аккомпанируя медвѣжьей пляскѣ, а между тѣмъ мы желаемъ растрогать звѣзды.

становится жутко, и отлично сознаешь, что рано или поздно именно этому участку дороги грозитъ жестокая катастрофа, рано или поздно придется или рвать эти скалы, или поднимать дорогу выше. Возлѣ станціи Казбекъ Дарьяльское ущелье сильно расширяется, и со станціи получается превосходный видъ на снѣжную вершину Казбека и сосѣднюю съ нею гору Квенемъ-Мта, на которой стоитъ древняя каменная церковь въ честь Святой Троицы (Самеба-Цминда). Близъ станціи, тутъ же въ ущельи, расположены два грузинскихъ аула—Гергеты и Казбекъ, которые намъ хотѣлось посѣтить, а кстати и совершить подъемъ до церкви на Квенемъ-Мта на высоту 7,673 фута надъ уровнемъ моря.

Въ обоихъ изъ этихъ ауловъ холеры совсѣмъ не было, хотя оба они насчитываютъ у себя по нѣскольку сотъ жителей. Хотя Грузины и христіане, но эпидемическія болѣзни олицетворяются ими въ видѣ одушевленныхъ существъ. Конечно, я говорю лишь про сельскихъ жителей.

Вообще на Кавказѣ многіе туземцы представляютъ себѣ холеру въ видѣ ангелоподобнаго существа, которое само боится воды и черной собаки. При встрѣчѣ съ ними, холера якобы превращается въ иглу, которая втыкивается въ платье своего проводника, избираемаго изъ числа простыхъ смертныхъ. Обходя всѣ дома, холера отмѣчаетъ свои жертвы, ко-

торыя, впрочемъ, заранѣе предопредѣлены, и ударяетъ ихъ особыми зелеными прутиками, оставляющими синяки на тѣлѣ обреченнаго болѣзни человѣка. Кто получилъ такой синякъ, тотъ непремѣнно умретъ, простое же посѣщеніе холеры въ домъ хотя и сопровождается болѣзнью,но не смертельной.Подобное воззрѣніе само по себѣ конечно не содержитъ ничего особенно вреднаго съ точки зрѣнія общественной гигіены, зато этого далеко нельзя сказать, хотя бы, напримѣръ, про мусульманскій обрядъ погребенія. Собственно говоря, этотъ обрядъ содержитъ въ себѣ два вредныхъ момента особенно при погребеніи лицъ, умершихъ отъ заразныхъ болѣзней. Вопервыхъ, омовеніе трупа, причемъ въ лучшемъ случаѣ вода, взятая для этой цѣли, выливается тутъ же, возлѣ дома, а въ худшемъ, всю эту процедуру продѣлываютъ въ ручьѣ, изъ котораго пользуются всѣ жители даннаго селенія. Во вторыхъ, до укладыванія трупа въ могилу *) происходитъ нѣчто въ родѣ нашего отпѣванія: «мулла громко прочитываетъ главу изъ Корана, а тридцать человѣкъ, изъ знающихъ читать по-арабски, берутъ по одной тетради (съ тридцати) Корана и также прочитываютъ ихъ. Въ это время покойникъ долженъ быть закрытъ шелковою или бумажною матеріей. По окончаніи отпѣванія эта матерія снимается

*) У мусульманъ покойниковъ не кладутъ въ гробъ, а завертываютъ въ бѣлый саванъ и въ такомъ видѣ предаютъ землѣ.

съ трупа и распредѣляется между муллой и тридцатью читальщиками. Не нужно никакихъ комментарій, чтобы понять, какой вредъ могутъ принести обѣ эти процедуры, особенно въ холерное время!

Крайне живописенъ издали видъ грузинскихъ и осетинскихъ ауловъ. Подобно ласточкинымъ или орлинымъ гнѣздамъ, они лѣпятся на невообразимой кручѣ, и съ перваго взгляда трудно отличить эти сложенныя изъ дикаго камня сакли отъ темно-сѣрыхъ скалъ, на которыхъ онѣ выстроены. Издали такіе аулы имѣютъ видъ какихъ-то старинныхъ рыцарскихъ зȁмковъ или недоступныхъ разбойничьихъ притоновъ. Вблизи вся иллюзія разлетается въ прахъ, все рыцарство сводится къ полуразрушеннымъ башнямъ и осыпавшимся каменнымъ заборамъ, а остальное состоитъ изъ камня и навоза. Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь грязнѣе осетинскаго или грузинскаго горнаго аула. А ихъ сакли безспорно даже хуже и грязнѣе нашихъ курныхъ избъ. Оговариваюсь, что я имѣю въ виду только горные аулы, такъ какъ выстроенные на равнинахъ и плоскостяхъ, представляются несравненно болѣе благоустроенными. Обыкновенно горные аулы очень невелики, а сами сакли складываются изъ каменныхъ плитъ, зачастую безо ьсякаго скрѣпляющаго цемента.. Грузинъ-поселянинъ, съ которымъ я вмѣстѣ осматривалъ аулъ Казбекъ,

обратилъ мое вниманіе на громадной величины плоскую плиту, цѣлую скалу, которая уложена была въ стѣнѣ одного изъ лучшихъ домовъ аула. Домъ этотъ принадлежитъ наслѣдникамъ генерала Казбека.—А, что? сказалъ мой проводникъ,—у васъ въ Россіи можно найти камни такой величины? Мнѣ не хотѣлось смущать душевное спокойствіе вопрошавшаго, и я утѣшилъ его, сказавъ, что у насъ нѣтъ ничего подобнаго. Зачастую солнечная сторона постройки, имѣющей обыкновенно два этажа, снабжена навѣсомъ и галлерейкой.

Рыцарскія башни, о которыхъ мы только-что упомянули, иногда также обращаются въ жилье, причемъ въ верхнихъ этажахъ размѣщаются люди, а внизу скотъ. Самыя башни эти строились въ тѣ блаженныя для горцевъ времена, когда грубая сила являлась исключительнымъ правомъ и когда всѣ житейскія дѣла къ удовольствію той или другой стороны рѣшались съ оружіемъ въ рукахъ. Основаніе башни рѣдко имѣетъ болѣе трехъ квадратныхъ саженей, кверху она сильно съужена, вышина нерѣдко доходитъ до 10 саженей. Одно жилище обыкновенно занимается одною семьей, и только у ингушей нѣсколько семей соединяются въ одномъ помѣщеніи, разгороженномъ на соотвѣтствующее число квартиръ, выходящихъ въ общій корридоръ. Сакля бѣдныхъ осетинъ или грузинъ состоитъ обыкновенно изъ одной

только комнаты. Прошло не болѣе 10—15 лѣтъ, какъ стали снабжать эти помѣщенія окнами, а то это были темные, закопченые каменные мѣшки, въ которыхъ, какъ въ курной избѣ, отъ копоти и гари ѣло глаза и свѣжій человѣкъ просто задыхался.

Въ рѣдкихъ только случаяхъ даже и теперь можно встрѣтить вымазанную глиной и выбѣленную саклю; крыши у всѣхъ плоскія, земляныя, а стѣны голыя, довольно искусно сложенныя изъ едва отесанныхъ каменныхъ плитъ. Посреди сакли располагается очагъ съ традиціоннымъ котелкомъ, въ которомъ изготовляются незатѣйливыя кушанья горцевъ. И въ стужу и въ жару хозяйка дома, подобно древней весталкѣ, поддерживаетъ огонь въ своемъ очагѣ, наполняя удушливымъ кизячнымъ дымомъ все помѣщеніе. Вдоль одной изъ стѣнъ тянется нѣчто въ родѣ наръ, которыя завалены постельными принадлежностями и всевозможною рухлядью. Все это грязно, сѣро и крайне, нужно сознаться, непривлекательно. У нашего русскаго крестьянина нерѣдко вся постель, всѣ постельныя приспособленія, сводятся къ одному рваному полушубку, за то у грузина имѣется и тюфякъ, набитый овечьей шерстью, и одѣяло и даже подушка, но все это до такой степени грязно и смрадно, что мой ямщикъ—бѣднякъ мужичекъ изъ бѣднѣйшей русской губерніи--объявилъ, что онъ согласенъ скорѣе лечь спать въ придорожную

грязь, чѣмъ на тюфякъ зажиточнаго грузина, который надѣваетъ чистую рубаху, только когда старая окончательно сопрѣетъ на плечахъ. Такимъ образомъ разрѣшается еще надѣвать бѣлье; но снимать его не полагается ни въ какомъ случаѣ. Познакомившись съ этими подробностями, я признаюсь не безъ содраганія смотрѣлъ на всякую черкеску, которая еще такъ недавно представлялась мнѣ верхомъ изящества и граціозности. Женскій костюмъ также неопрятенъ, хотя грузинки обязательно составляютъ его изъ очень яркихъ цвѣтовъ; не спасаютъ его и цвѣтные шальвары которыми очень дорожатъ кавказскія красавицы. Извѣстно что нерѣдко на Кавказѣ народные вожаки умѣли возбуждать волненіе въ массахъ, распуская слухъ, что русское правительство собирается воспретить женщинамъ носить шаровары, а мужчинъ всѣхъ думаетъ обратить въ казаковъ!

Спятъ всѣ въ повалку, какъ и въ нашей русской деревнѣ. Такъ какъ постельнаго и ночнаго бѣлья не полагается, а въ саклѣ отъ неугасимаго очага бываетъ страшно душно, то нерѣдко спятъ всѣ au naturel, то-есть въ костюмахъ нашихъ праотцевъ Адама и Евы.

Въ такіе горные аулы можно добраться только пѣшкомъ, да и то нужно извѣстное искусство, чтобы взобраться по этимъ тропинкамъ, которыя иногда почти отвѣсно вырублены въ скалѣ въ видѣ лѣстницы. Сообщенія

ауловъ другъ съ другомъ также самыя примитивныя, и тамъ гдѣ туземецъ нерѣдко пробирается съ арбой, не пройти и иному пѣшеходу. Дорога вьется то надъ глубочайшей пропастью, то спускается въ темное ущелье, то идетъ по берегу какого-нибудь бѣшенаго, капризнаго ручья—оттого на Кавказѣ такъ много бѣлыхъ рѣкъ—вдоль котораго пріютились крохотныя туземныя мельницы, которыя издали никто не приметъ за постройку, а просто за груду свалившихся камней.

Ѣдятъ и грузины и осетины очень скверно. Они такіе же вегетаріанцы по-неволѣ, какъ и нашъ русскій крестьянинъ, хотя въ сущности всѣ горцы страшные охотники до мяса, въ лучшей формѣ его приготовленія, именно въ видѣ шашлыка. Однако мясо достается горцу не особенно часто. Въ горахъ мясо принято заготовлять сразу на весь сезонъ. Рѣжутъ сразу нѣсколько барановъ и сохраняютъ мясо въ сушеномъ видѣ. Обыкновенно это дѣлается въ концѣ сентября. Бѣдняки ѣдятъ мясо не болѣе 10—12 разъ въ годъ, зажиточные чаще, но преимущественно за вечерней трапезой. Увѣряютъ, что общественное мнѣніе, которое, увы очень сильно въ горахъ, смотритъ весьма неблагосклонно на горца, который помимо торжественнаго случая, ради удовлетворенія мамона, рѣшится закласть тельца, а тѣмъ болѣе зарѣзать быка. Общественный ригоризмъ не допускаетъ никакой неумѣренности, особенно по части ѣды. Любителямъ свѣженькаго мяса приходится пускаться на выдумки и, не дожидаясь смерти близкаго пріятеля, когда мясо полагается ѣсть въ волю, остается придумывать басню объ издохшей овцѣ, которую все равно нужно съѣсть, ибо кавказскіе горцы охотно ѣдятъ мясо палаго скота, хотя бы смерть послѣдовала отъ повальной болѣзни. Въ этомъ случаѣ необходимо успѣть лишь перерѣзать горло животному и увидать хотя нѣсколько капель крови. Въ горахъ сѣютъ по преимуществу ячмень и изрѣдка овесъ и рожь. Въ послѣднее время начинаютъ воздѣлывать и картофель. Изъ ячменя горскія дамы приготовляютъ превкусныя прѣсныя лепешки (чурекъ), которыя впрочемъ очень быстро черствѣютъ. На плоскостяхъ ячмень замѣняетъ кукуруза, а ячменный чурекъ —чурекъ кукурузный. Черный хлѣбъ не въ ходу, а бѣлый пшеничный вымѣнивается горцами въ русскихъ селеніяхъ на другіе продукты ихъ незатѣйливаго хозяйства. Вообще горецъ въ ѣдѣ поражаетъ своей умѣренностью. Ужъ на что неприхотливъ русскій мужикъ, но онъ просто бы умеръ съ голоду отъ тѣхъ ничтожныхъ порцій пищи, которыя удовлетворяютъ вполнѣ горца. Зимой горецъ довольствуется кускомъ сыра и чашкой кислаго молока, а лѣтомъ наѣстся черемши *) или луку съ кускомъ ячменной лепешки.

*) Черемша—родъ дикаго чесноку.

Осетины всѣ по преимуществу заняты земледѣліемъ. Положеніе земледѣлія въ Осетіи мало у насъ извѣстно, и о немъ стоитъ сказать поподробнѣе. Климатъ горной Осетіи очень суровъ; зима здѣсь длинная и суровая, а лѣто очень коротко. Земли плодородной совсѣмъ не имѣется, а созданная искусственно на горахъ и скалахъ, путемъ громадныхъ усилій, ежеминутно подвержена разнымъ случайностямъ, въ родѣ обваловъ, осововъ и ливней которые уносятъ не только урожай, но и почву. Главное богатство здѣсь сводится къ альпійскимъ пастбищамъ и сѣнокосамъ. Не то въ плоскостной Осетіи, гдѣ почва превосходна, а климатъ уже настолько мягокъ, что здѣсь свободно воздѣлывается куркуруза и даже можетъ дозрѣвать виноградъ. Земельные надѣлы у плоскостныхъ Осетинъ весьма удовлетворительны; они значительно выше самыхъ высокихъ надѣловъ нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ и приближаются къ надѣлу государственныхъ крестьянъ въ черноземной трехпольной полосѣ. Къ тому же осетинскія земли еще не истощены и даютъ, въ общемъ, лучшій урожай, чѣмъ въ средней черноземной полосѣ Россіи. Совсѣмъ не то у горныхъ Осетинъ; здѣсь земельный надѣлъ, въ среднемъ, не достигаетъ и одной десятины на каждую наличную душу мужскаго пола, и зачастую вся земля, которой владѣетъ цѣлое общество, состоитъ изъ однихъ громадныхъ хребтовъ и скалъ съ крутыми боками и почти отвѣсными спусками. Напримѣръ, одно общество владѣетъ здѣсь 100 тыс. десятинъ земли, изъ которой, по увѣренію одного большаго знатока мѣстныхъ земель, едва ли наберется 50 десятинъ совершенно ровнаго мѣста. Когда проѣзжаешь по Военно-Грузинской дорогѣ, то не устаешь буквально поражаться той удивительной, просто нечеловѣческой энергіей, которую долженъ проявлять горецъ, чтобы обрабатывать свои пастбища на такой баснословной крутизнѣ. Здѣсь, какъ и въ Каталоніи, горецъ буквально дѣлаетъ хлѣбъ свой изъ камня; но, очистивъ свой участокъ отъ камня и щебня, горецъ не гарантированъ, что его колоссальный трудъ сохранится на долго. Первый каменный обвалъ снова засоритъ почву и Сизифовъ трудъ начинается снова. Навозъ и плодородную землю изъ глубокихъ ущелій горецъ на своихъ плечахъ встаскиваетъ на страшную крутизну, и нерѣдко первый ливень смываетъ внизъ всю его ниву. Когда приходится пахать на такой высотѣ на уклонѣ, доходящемъ до 70 градусовъ, нерѣдко скотъ срывается съ обрыва и погибаетъ въ пропасти. Пашутъ на быкахъ, слабосильныхъ и мелкихъ, самой примитивною легкою сохой, которая царапаетъ землю не глубже полутора вершковъ. На гору всю соху горецъ свободно несетъ на плечѣ,—такъ она легка. Среди горныхъ Осетинъ много безземельныхъ, и потому

естественно, что земли здѣсь цѣнятся чуть ли не на вѣсъ золота. Земля для горца такое же излюбленное дѣтище, какъ и для русскаго крестьянина, и десятина пахатной земли въ горахъ нерѣдко стоитъ болѣе 3000 рублей, а заливной лугъ до 700 рублей. При такихъ условіяхъ, въ которыхъ поставлено земледѣліе, очевидно, что ни усилія отдѣльной личности, ни даже цѣлой семьи не могли доставить гарантій успѣшной борьбы съ суровою природой. А потому въ горной Осетіи весьма крѣпко общинное родовое владѣніе, при которомъ, вообще говоря, землей не *владѣютъ*, а лишь *пользуются* ею. Редакторъ «Терскихъ Вѣдомостей» Е. Максимовъ высчитываетъ, что въ среднемъ населеніе Владикавказскаго округа ежегодно производитъ 195 тыс. четвертей хлѣба или болѣе 2 милліоновъ пудовъ различнаго зерноваго хлѣба. Вычитая отсюда 25.350 чет. идущихъ ежегодно на обсѣмененіе полей, получимъ остатокъ, приблизительно 170 тыс. четвертей, служащихъ уже исключительно нуждамъ населенія Владикавказскаго округа. Такъ какъ это послѣднее превышаетъ 83½ тыс. душъ обоего пола, то на каждую душу приходится лишь немного болѣе 2 четвертей хлѣба, т.-е. норма лишь достаточная на пропитаніе населенія. Что касается средней урожайности, то въ этомъ отношеніи сѣверная Осетія не выдѣляется въ Терской области ни въ сторону minimum'а, ни въ сторону maximum'а, и въ ряду другихъ мѣстностей Имперіи занимаетъ такое же положеніе, какъ губерніи царства Польскаго, а также средняя полоса, юго-западныя, черноземныя, восточныя и южныя губерніи. *)

Скотоводство у Осетинъ Сѣвернаго Кавказа находится въ весьма неблестящемъ положеніи. По числу лошадей Осетія занимаетъ чуть ли не самое худшее мѣсто во всей Россіи (на 100 душъ населенія приходится 17 лошадей) **) Крупный рогатый скотъ, т.-е. волы, имѣющіе главное значеніе въ живомъ сельскохозяйственномъ инвентарѣ, хотя и отличаются большою выносливостью, но крайне невзрачны по наружному виду. На каждыя сто душъ населенія приходится не менѣе 67 головъ крупнаго рогатаго скота, и это уже такое богатство, которымъ не можетъ похвалиться ни одинъ уголокъ Россіи, ни даже Финляндія, гдѣ на 100 жителей имѣется около 57 головъ рогатаго скота. Мелкаго скота, т.-е. овецъ, козъ и ословъ, въ Осетіи также не мало, и овцеводство въ общемъ поставлено несравнено выше огромнаго большинства мѣстностей Россіи. Свиней въ Осетіи совсѣмъ не разводятъ, и даже христіане изъ Осетинъ придерживаются въ этомъ отношеніи мусульман

*) Е. Максимовъ и Г. Вертеповъ. Туземцы Сѣвернаго Кавказа 1892.

**) Первое мѣсто въ этомъ отношеніи изъ народностей Россіи принадлежитъ Кабардинцамъ (46 лошадей на 100 жителей).

скихъ традицій и считаютъ мясо свиньи нечистымъ и негоднымъ для употребленія въ пищу. Огородничество и садоводство не играютъ пока въ жизни Осетіи никакой роли. Изъ промысловъ, стоящихъ въ связи съ сельскохозяйственной промышленностью, стоитъ отмѣтить три: производство пива, сыра и суконъ. Горское осетинское пиво, напоминающее по вкусу и цвѣту хорошій англійскій портеръ, изготовляется самымъ примитивнымъ способомъ; въ продажу оно не пускается и, подобно русской брагѣ, изготовляется каждой семьей исключительно на собственную потребу.

Сыродѣліе, и по техникѣ производства и по сбыту продуктовъ, выходитъ уже на путь чисто промышленнаго производства, не имѣющаго значенія исключительнаго предмета, идущаго для домашняго употребленія. Осетинскій сыръ, онъ же «кобинскій» и «трусовскій», очень вкусенъ. Лучшіе сорта его изготовляются близъ станціи Коби (4-я станція по Военно-Грузинской дорогѣ). На Кавказѣ этотъ сыръ имѣетъ огромное распространеніе, и въ каждомъ кавказскомъ духанѣ, начиная отъ Ростова и кончая любымъ закавказскимъ захолустьемъ, осетинскій сыръ составляетъ любимую придачу къ мѣстному кахетинскому вину. Изъ первыхъ рукъ сыръ этотъ пріобрѣсти можно не дешевле 15—17 коп. за фунтъ, но, благодаря скупщикамъ, розничная продажа этого вкуснаго продукта всюду на Кавказѣ доходитъ до 30 и 35 коп. за фунтъ. Правильно устроенныхъ сыроваренъ, конечно, нигдѣ нѣтъ, и всѣ сыры въ горной Осетіи изготовляются исключительно домашнимъ образомъ женскимъ персоналомъ семьи. Сыръ готовятъ изъ неснятаго, процѣженнаго однако, молока, которое заквашивается отъ прибавленія на ведро молока полустакана сыворотки съ прибавкой бараньяго или телячьяго желудка. Горныя альпійскія травы придаютъ молоку осетинскихъ коровъ особенно пріятный вкусъ, и нѣтъ сомнѣнія, что при улучшеніи техники производства эта отрасль промышленности могла бы создать для Осетіи такую же извѣстность, какую создаетъ сыръ для маленькой Швейцаріи. Размѣры производства сыра въ горной Осетіи никому неизвѣстны, и даже для аула Коби мнѣ на мѣстѣ не удалось запастись сколько-нибудь серьезными данными. Въ горной Осетіи каждый дворъ изготовляетъ не только сыръ, но и прекрасное сукно, которое очень высоко цѣнится на всемъ Кавказѣ. Сукна здѣсь готовятъ или изъ козьяго пуха или изъ шерсти горныхъ овецъ. Двѣ работницы за годъ могутъ изготовить 6 кусковъ сукна восьми-вершковой ширины и 16 аршинъ въ длину, и такимъ образомъ, по вычисленію знатока кавказскаго кустарничества Марграфа, чистый заработокъ семьи горныхъ Осетинъ въ годъ на сукнѣ доходитъ до 25 р. Цѣна штуки сукна колеблется отъ 5 до 40 р. за штуку

причемъ на приготовленіе наиболѣе цѣннаго сукна изъ козьяго пуха на одинъ кусокъ идетъ пухъ съ 200 козъ. Пухъ вычесывается отъ руки въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и пушинки сортируются чуть ли не по отдѣльному волоску. Вообще техника этого чисто женскаго производства крайне несложна и примитивна. Принципъ раздѣленія труда заключается въ томъ, что ткачествомъ и отчасти изготовленіемъ пряжи занимаются взрослыя дѣвушки и женщины, а сортировкой шерсти и расческой ея, какъ занятіемъ болѣе легкимъ, исключительно дѣвочки-малолѣтки и старухи. Расческа производится отъ руки на гребнѣ и взбивается лучкомъ съ соблюденіемъ пріемовъ, практикуемыхъ и у насъ въ Россіи. *) Ткацкіе станки и всѣ приспособленія для пряденія устроены самымъ примитивнымъ способомъ. Сукна сбываются главнымъ образомъ во Владикавказѣ; но и здѣсь сбытъ не минуетъ рукъ скупщиковъ. Въ самую глубь Осетіи забираются горные евреи и скупаютъ сукна, такъ-сказать, на корню, получая на свою долю львиный барышъ.

Бурокъ въ Осетіи совсѣмъ не изготовляютъ,—это уже спеціальность кабардинцевъ, причемъ лучшіе сорта бурокъ изготовляются

*) Взбиваніе лучкомъ есть также своего рода сортировка. Шерсть размѣщается на рѣшеткѣ, причемъ отъ вибраціи лучка мелкая проваливается сквозь петли рѣшетки, а крупныя шерстинки летятъ въ сторону.

изъ чистаго подшерстка. Марграфъ исчисляетъ количество бурокъ, изготовляемыхъ въ Кабардѣ, въ 6—7 тыс. штукъ на сумму въ 40—50 тыс. рублей, причемъ хорошую бурку работница не можетъ изготовить скорѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ. Производства пива, сыра и суконъ являются, какъ мы сказали, чисто женскими отраслями домашней промышленности; мужскихъ производствъ у осетинъ совсѣмъ не имѣется, если не считать земледѣлія, которымъ занимаются также не одни только мужчины, но и женщины. Къ числу спеціально мужскихъ производствъ на Кавказѣ принадлежитъ сѣдельное производство, слагающееся, въ свою очередь, изъ трехъ обособленныхъ другъ отъ друга промысловъ: шорнаго, арчаковаго (изготовленіе деревяныхъ частей сѣдла) и металлическаго. Всѣ эти производства ведутся пока исключительно мужскими руками, и женщины допускаются къ нимъ въ видѣ исключенія. Говорю *пока*, потому что опытъ болѣе культурныхъ народовъ давно уже установилъ, что въ промышленности не существуетъ, строго говоря, ни чисто женскихъ, ни чисто мужскихъ профессій. Гдѣ нынче заняты одни мужчины, завтра, съ измѣненіемъ условій жизни, становятся женщины, и нерѣдко профессія чисто женская въ одномъ государствѣ, въ другомъ выполняется работниками мужчинами. Наконецъ, чисто дѣтскою профессіей на Кавказѣ является нагаечный промыселъ, то-есть изго-

товленіе нагаекъ, без которой не можетъ обойтись, какъ извѣстно ни одинъ джигитъ. Если въ аулѣ имѣется мечеть, то при ней содержится почти всегда духовная школа, ученики которой обязательно занимаются нагаечнымъ ремесломъ, чѣмъ и зарабатываютъ себѣ пропитаніе. Несомнѣнно, что такое отношеніе нагайки къ школьнику представляется болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ въ школахъ болѣе культурныхъ народовъ, и европейскій школьникъ можетъ позавидовать въ этомъ отношеніи своему кавказскому коллегѣ. Горный промыселъ поддерживается въ Осетіи только казной, самъ народъ не принимаетъ никакого участія въ разработкѣ своихъ громадныхъ минеральныхъ богатствъ, и это обстоятельство, несомнѣнно, крайне неутѣшительно, такъ какъ въ старину осетины славились, какъ искусные рудокопы, и серебро-свинцовая руда и даже золото добывались здѣсь въ глубокой древности. Въ настоящее время только въ одномъ ущельи Осетіи (въ Алатри) имѣется богатѣйшій казенный заводъ, гдѣ добывается свинцово-серебряная руда. Народной массѣ, какъ и всегда, недостаетъ знаній и капитала, чтобъ эксплоатировать естественныя богатства своей территоріи.—Исторія Осетіи крайне ничтожна и вся можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ.

Прежде весьма въ ходу было мнѣніе, что осетины являются предками теперешнихъ

германцевъ, которые не боятся никого кромѣ Бога. Мнѣніе это охотно раздѣляется и поднесь нашею публикой, беззаботною по части филологическихъ изысканій, и поддерживается, главнымъ образомъ, любовью осетинъ къ сыру и сходствомъ нѣкоторыхъ осетинскихъ словъ съ нѣмецкими. Однако работы Шегрена и особенно профессора В. Миллера доказали самымъ неоспоримымъ образомъ, что по языку осетины представляютъ собою иранскую вѣтвь индо-европейскихъ народовъ. Блестящихъ періодовъ въ исторіи осетинъ никогда не было, хотя они и хвалятся, что у нихъ когда-то существовала многолюдная и блестящая столица въ Курталинскомъ ущельи на рѣкѣ Фіагъ-Донѣ. Въ древнѣйшія времена главною професcіей этого народа, какъ и многихъ другихъ, была война, причемъ приходилось драться не только за свои личные, кровные интересы, но и служить въ качествѣ наймитовъ для Византіи и Грузіи. Христіанство здѣсь водворилось внѣшнимъ образомъ очень рано, еще въ IV вѣкѣ, но уже въ X всѣ священники были прогнаны, и въ Осетіи снова установилось мусульманство. Вторично христанство проникло въ Осетію въ XI вѣкѣ уже подъ вліяніемъ грузинскихъ миссіонеровъ. XI вѣкъ вообще считается кульминаціоннымъ пунктомъ осетинскаго могущества, которое, собственно говоря, представляло лишь слабое отраженіе тогдашняго положенія Грузіи, гдѣ царствова-

ла знаменитая Тамара, взявшая себѣ въ мужья Давида Сослана, осетинскаго князя. Первымъ супругомъ коварной Тамары, воспѣтой Лермонтовымъ, какъ извѣстно, былъ Георгій, сынъ русскаго великаго князя Андрея Боголюбскаго, изъ рода Всеволодовичей. Это было, такъ-сказать, первое соприкосновеніе и родство Грузіи съ Россіей. Со смертію Тамары (1212 г.) потухло и могущество Осетіи; раздоры феодаловъ и народная вражда къ нимъ быстрыми шагами вели Осетію къ подчиненію другимъ государствамъ. Вскорѣ съ сѣвера ихъ начали одолѣвать кабардинцы, которые наградили ихъ снова и мусульманствомъ, а съ юга ихъ загоняли въ горныя кручи грузины, и бѣднымъ осетинамъ, отрѣзаннымъ отъ плоскости, оставались однѣ безплодныя скалы ущелій, да взаимныя ссоры и распри. Народъ быстро дичалъ, бѣднѣлъ и опускался. Русское владычество на Кавказѣ встрѣтило въ осетинахъ наиболѣе мирный элементъ, съ которымъ удалось поладить всего легче. Россія освободила въ Осетіи крѣпостныхъ и дала новый толчекъ къ переходу отъ мусульманства въ христіанство, но осетины еще плохіе христіане. Насколько опредѣленно у нихъ понятіе о Богѣ, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа.

Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ Богъ, или поосетински Хцау, не давалъ урожая ни на хлѣбъ, ни на сѣно; осетины терпѣли, но наконецъ пришелъ конецъ и ихъ долготерпѣнію; они

собрались всѣмъ обществомъ и рѣшили написать отъ имени всего общества прошеніе къ дзуарамъ (святымъ), чтобъ они, посовѣтовавшись между собою, смѣстили Хцау и поставили на его мѣсто другаго, который бы относился къ нимъ милостивѣе. Приговоръ былъ привязанъ къ хвосту ласточки, которую затѣмъ и пустили, чтобъ она отнесла прошеніе общества къ дзуарамъ. Что сказать про характеръ осетинъ? Говорятъ, они веселы, добродушны и гостепріимны выше всякаго описанія. Отрицать этого не могу, равно какъ и того, что по духовнымъ своимъ способностямъ осетины считаются наиболѣе богато одареннымъ племенемъ среди всѣхъ кавказскихъ горцевъ. Несомнѣнно, что поэтическаго творчества имъ не занимать стать, и богатая фантазія ихъ пѣсенъ, легендъ и сказокъ извѣстна всякому этнографу. Положеніе женщины у этого богато одареннаго племени однако очень тяжелое и грустное. Самыя тяжелыя работы лежатъ на ея плечахъ, значеніе ея въ семьѣ, въ смыслѣ уваженія, равно нулю, даже появленіе на свѣтъ дѣвочки встрѣчается осетиномъ чуть ли не проклятіемъ. Гдѣ кроется корень этого восточнаго третированіе женщины, понять трудно, ибо какъ не вертись, а все же въ концѣ-концовъ женщина для человѣка Востока представляетъ собою не только вьючный скотъ, но и неизсякаемый источникъ наслажденій.

Вообще же Осетіи прежде всего нужны школы и хорошія дороги. ,,Осетинская и всякая кавказская дичь, говоритъ Е. Марковъ, ждетъ отъ насъ впередъ широкой и плодотворной дѣятельности во всѣхъ смыслахъ и искренняго уврачеванія старыхъ золъ, чтобы мы могли оправдать, наконецъ, предъ всѣмъ міромъ и свои завоеванія и свой горделивый титулъ цивилизующаго народа, который мы такъ любимъ носить, но еще не умѣемъ оправдывать.“

IV.

Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза
Снѣгами вѣчными сіялъ...

Почтовая станція Казбекъ помѣщается въ большомъ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи весьма незатѣйливой архитектуры. Изъ оконъ прямо видъ на Терекъ, который своимъ аккомпаниментомъ чудесно баюкаетъ и усыпляетъ усталые отъ дороги нервы; по ту сторону Терека поднимается Квенемъ-Мта съ храмомъ на вершинѣ, а за нею высится прямо къ небесамъ гигантъ Казбекъ со своею бѣлоснѣжною шапкой на головѣ. Между станціей и Терекомъ каменьщики подготовляютъ фундаментъ для имѣющаго здѣсь быть поставленнымъ монумента въ память проѣзда Царя и Царицы въ 1888 году. Памятникъ высѣкается изъ какой-то зеленой каменной глыбы, взятой изъ Дарьяльскаго ущелья. Верхній этажъ станціоннаго дома занятъ нумерами для проѣзжающихъ; стоютъ эти нумера очень дешево (50 к.), но нужно имъ отдать справедливость содержатся омерзительно грязно. Не лучше содержится и

кухня, наполняющая весь домъ какимъ-то зеленоватымъ чадомъ. Вообще всѣ станціи по Военно-грузинской дорогѣ по отношенію къ опрятности оставляютъ желать весьма многаго; буфеты всюду также ниже всякой критики; особенно плохъ буфетъ на Казбекѣ, содержимый какою-то русскою дамой, вышедшею замужъ за грузина-повара. При массѣ туристовъ на этой единственной въ своемъ родѣ дорогѣ такое отношеніе просто непростительно. Стыдно даже и въ Азіи являться такими азіатами. Одна лишь станція на всей дорогѣ—Млеты—представляетъ пріятное исключеніе, но о ней будетъ рѣчь ниже.

Ни на одномъ кавказскомъ великанѣ я не видалъ такого блестящаго головнаго убора, какъ на Казбекѣ; въ шапкѣ его точно вкраплены цѣлые десятки сотенъ крупныхъ бриллiантовъ, которые переливаютъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Но за то Казбекъ не производитъ своимъ видомъ того потрясающаго впечатлѣнія, которое на меня произвелъ Эльборусъ съ Бермамутской скалы. Тамъ что-то сдавливаетъ горло, а здѣсь человѣкъ остается равнодушнымъ. Вѣроятно это объясняется тѣмъ, что Казбекъ слишкомъ заставленъ другими горами, изъ-за которыхъ видна только его снѣжная голова. Обыкновенно принято считать Казбекъ второй по вышинѣ вершиной послѣ Эльборуса. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Каштанъ-Тау выше Казбека на 550 футовъ, а

Дыхъ-Тау на 389 футовъ. У насъ не только въ Россіи, но и на самомъ Кавказѣ, какъ-то мало интересуются восхожденіемъ на вершины главныхъ кавказскихъ горъ. Альпійскій спортъ у насъ совсѣмъ не имѣетъ адептовъ: во всей странѣ нѣтъ ни одного горнаго клуба, ни одной газеты, посвященной вопросамъ горной жизни; между тѣмъ высочайшія горныя вершины находятся именно у насъ, на Кавказѣ, гдѣ наберется, пожалуй, болѣе десятка горъ, которыя выше и грандіознѣе швейцарскаго Монъ-Блана.

Въ 1888 году англійскіе альпинисты Донкинъ и Фоксъ пріѣхали на Кавказъ съ цѣлью изслѣдовать главный хребетъ между Эльборусомъ и верховьемъ рѣки Уруха. Профес. Донкинъ уже бывалъ раньше на Кавказѣ, знакомъ былъ съ мѣстностью и съ жителями и потому отклонилъ предложеніе члена Кавказскаго Географическаго общества, Н. Жукова, предоставлявшаго въ распоряженіе англійскихъ альпистовъ двухъ казаковъ изъ своей команды.

Съ англичанами были два швейцарскихъ проводника, Фишеръ и Штрейхъ. Альписты начали восхожденіе на ледники Каштанъ-Тау около середины августа (собственно 13 августа), 16-го отъ нихъ была получена записка съ просьбой выслать хлѣбъ, чай, сахаръ и табакъ къ балкарской караулкѣ подъ главнымъ хребтомъ на рѣкѣ Дыхъ-Су, куда, намѣрены они были спуститься, побывавъ на Каштанъ-

Тау. Затѣмъ объ англичанахъ никто не слыхалъ и когда ихъ хватились, то прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ и всѣ слѣды ихъ экспедиціи были потеряны. Всѣ розыски, хотя и поздніе, но подъ конецъ весьма энергичные, не повели ни къ чему. Члены Лондонскаго альпійскаго клуба хотѣли сами ѣхать разыскивать пропавшихъ товарищей, но въ это время на горахъ Кавказа уже выпалъ глубокій снѣгъ, и высокіе ледники стали совершенно недоступными.

Всесторонне выясненіе дѣла привело къ убѣжденію, что причиной несчастія могло быть только паденіе снѣжнаго завала или большой массы льда, висѣвшей въ видѣ карниза на краю какой-нибудь скалы, подъ которой пробиралась экспедиція, или же наконецъ нужно предположить, что альписты безслѣдно погибли, проходя по крутому склону, покрытому густымъ слоемъ снѣга.

Снѣгъ, слабо-приставшій къ ледяному основанію, съѣхалъ внизъ, и мягкая могила закрыла на вѣки отважныхъ изслѣдователей. До сихъ поръ отъ нихъ не найдено клочка перчатки или куска сапога. Изъ восхожденій на Эльборусъ стоитъ отмѣтить восхожденіе русскаго топографа Пастухова, совершенное въ іюлѣ 1891 года. Вмѣстѣ съ нимъ достигли высшей вершины (западной) горы (18.470 фут.) и три казака: Дорофей Мерновъ, Дмитрій Нехорошій и Яковъ Тарановъ. Восхожденіе началось 27 іюля въ 10 ч. утра изъ Баксанскаго ущелья, между рѣками Азау и Терсколъ. Пастухова сопровождало 7 человѣкъ казаковъ Хоперскаго полка, изъ коихъ названные три достигли съ нимъ вмѣстѣ вершины. Подъемъ считался собственно съ высоты 6.944 футъ и начался изъ небольшаго хуторка, въ которомъ живутъ татары. Всякая растительность прекратилась на высотѣ 11.081 футъ, гдѣ путешественники и расположились на ночлегъ, такъ какъ началась гроза съ дождемъ и градомъ. Весь слѣдующій день Пастуховъ шелъ ледниками, но благодаря оттепели подвигаться было очень трудно; люди связанные между собой веревками, ежеминутно проваливались въ трещины, къ тому же съ запада надвигались страшныя тучи, предвѣщавшія непогоду, и потому рѣшено было сдѣлать второй ночлегъ на высотѣ 12.040 футъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы продолжать восхожденіе рано утромъ. когда отъ мороза снѣга станутъ крѣпче. Дѣйствительно, на слѣдующее утро въ четыре часа термометръ показывалъ пять градусовъ мороза, и казаки пошли дальше. Было 29 іюля. Въ этотъ день безъ особыхъ приключеній взобрались они до высоты 16.590 футъ, то-есть на 44 фута выше горы Казбекъ, на которую, кстати сказать, тотъ же Пастуховъ вошелъ въ 1890 году также въ іюлѣ мѣсяцѣ. На ночлегъ, въ виду дурной погоды, снова остановились очень рано, за нѣсколько часовъ до

сумерекъ. Въ девять часовъ вечера морозъ на этой высотѣ достигъ десяти градусовъ, а внизу гремѣлъ громъ, блестѣла молнія и началась сильная гроза. Сверху небо оставалось темно-голубымъ, и на немъ ярко блестѣли звѣзды. Спали между камней, плотно прижавшись другъ къ другу и накрывшись бурками. Всѣмъ было тепло и спалось хорошо. Утромъ тридцатаго стали подниматься дальше, тутъ нѣкоторые казаки стали чувствовать тошноту, а вскорѣ и всѣ стали страдать тѣмъ же. При движеніи тошнота усиливалась, при остановкахъ замѣтно уменьшалась, а потому подвигались медленно и съ трудомъ.

Лимонный сокъ и гофманскія капли не уменьшали тошноты. За весь день шли всего четыре часа и поднялись до высоты 17.514 футъ. Головокруженіе и тошнота нѣсколько смягчались отъ питья чая, который изготовлялся изъ талаго снѣга на фотогенной печкѣ. На слѣдующій день, то-есть 31 іюля, въ семь часовъ пошли дальше, но съ Пастуховымъ пошли лишь три казака, а остальные вслѣдствіе тошноты и головокруженія не могли идти. Морозъ дошелъ до осьмнадцати градусовъ по Цельсію, и въ девять часовъ утра неутомимые путники достигли своей цѣли, то-есть высшей точки Эльборуса. Здѣсь термометръ никогда не поднимается выше нуля, а слѣдовательно, никогда не происходитъ и таянія. Снѣгъ сухъ, и избытокъ его легко сносится вѣтромъ. Такимъ образомъ на все восхожденіе потребовалось четверо сутокъ, да на возвратную дорогу по тому же самому пути потребовалось двое сутокъ.

Нѣсколько раньше, именно въ 1879 г., другая русская экспедиція, имѣя въ своемъ составѣ двухъ особъ женскаго пола, взбиралась на Эльборусъ, но, не доходя на 3.500 футъ до вершины, экспедиція повернула обратно. Женщины поднялись лишь на высоту 12.000 футъ, то-есть были ниже Монблана, на который, какъ извѣстно не разъ уже взбирались туристки разныхъ націй. Отчетъ объ этой экспедиціи напечатанъ въ Извѣстіяхъ кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго общества за 1880 г. (т. VI, № 3). Всѣ кавказскія вершины окружены ореоломъ недоступности, и о каждой изъ нихъ имѣется цѣлая серія легендъ. Всѣхъ недоступнѣе считается, конечно, Эльборусъ, который у горцевъ носитъ названіе «царя духовъ» (джинъ-падишахъ), что одно уже указываетъ на эту гору, какъ на центральное мѣстожительство всякихъ духовъ. Народная фантазія увѣряетъ, что въ пещерахъ Эльборуса прикованъ великанъ, который рвется оттуда и потрясая цѣпи, вызываетъ бури и обвалы; дуновеніе его сметаетъ дерзкаго смѣльчака, осмѣливающагося взбираться на вершину горы.

Казбекъ считается еще неприступнѣе, чѣмъ Эльборусъ, а туземцы и до сихъ поръ пре-

серьезно утверждаютъ, что ни одному живому существу еще не удавалось достигать вершины этого гиганта. Я много разспрашивалъ у туземцевъ про восхожденіе англичанъ (Фрешфельдъ, Мури и Тукеръ) на Казбекъ, но всѣ они увѣряютъ, что этого никогда не было и что дѣйствительно много иностранцевъ пріѣзжало пробовать свои силы, но взойти не удавалось никому. Одинъ проводникъ-грузинъ, сопровождавшій подобную компанію иностранцевъ, пріѣхавшихъ подняться на Казбекъ, пресерьезно увѣрялъ насъ, что компанія эта, понявъ всю тщету своихъ усилій, воротилась обратно на станцію и склонила его обѣщаніемъ денежной награды показать, что они взобрались до самой вершины. Проводникъ, будто бы, съ негодованіемъ отвергъ такое предложеніе.

По грузинскому преданію на Казбекѣ спрятаны ясли, въ которыхъ родился Христосъ. Ни одинъ смертный не можетъ добраться до этого мѣста; лишь только смѣльчакъ-охотникъ или кто-нибудь взберется до извѣстной вышины, тотчасъ начинается буря, и идти дальше можно лишь рискуя жизнью. Всѣхъ осетинскихъ и грузинскихъ фантазій о Казбекѣ не перечислишь, да въ этомъ и нѣтъ надобности, такъ-какъ съ 1868 года англійскіе туристы первые нарушили иллюзію этихъ дѣтски-наивныхъ вѣрованій и съ тѣхъ поръ не мало людей перебывало на вершинѣ Казбека и даже

твердо установлено, что хорошій горный ходокъ, при благопріятной погодѣ, легко въ два дня можетъ совершить это восхожденіе. На границѣ вѣчныхъ снѣговъ, то-есть на высотѣ 11.000 футовъ, еще въ 1811 году проф. Парротъ открылъ на самомъ краю ледниковъ нѣкое подобіе примитивнаго, пещернаго монастыря. Очевидно, здѣсь когда-то жили, потому что въ кельяхъ до сихъ поръ сохранились остатки жернововъ и мельницъ, на которыхъ монахи готовили свою грубую пищу. Существуетъ очень поэтическое преданіе относительно монаховъ-старцевъ, спасавшихся возлѣ этихъ ледниковъ. Эти старцы, въ числѣ семи, управляли якобы съ вершинъ Казбека судьбами всего міра. Пищу и все нужное они имѣли отъ Бога. Но любопытство одной дѣвушки погубило ихъ. Доступъ къ нимъ женщинамъ былъ строго воспрещенъ; она же, желая видѣть ихъ житье, переодѣлась въ мужское платье, нарядилась охотникомъ за турами и явилась уже къ нимъ поздно вечеромъ, прося пристанища для ночлега. Послѣ продолжительныхъ отказовъ со стороны святыхъ отцовъ и угрозъ со стороны дѣвушки, что она оповѣстить всему міру объ ихъ безчеловѣчьи, по настоянію младшаго изъ святыхъ, ей дозволено было переночевать, но только подальше отъ нихъ, у дверей. Но младшаго святого, близъ котораго ей пришлось лечь, вдругъ обдало ночью женскимъ духомъ... Когда свя-

тые проснулись на другой день, то Богъ отъ нихъ все отнялъ. Даже солнечный лучъ, являвшійся къ нимъ прежде всѣхъ, на которомъ они просушивали свои платья, и тотъ не явился. На усиленныя ихъ мольбы Богъ простилъ имъ, но взялъ ихъ всѣхъ на небо, — и они съ тѣхъ поръ, въ видѣ семи звѣздъ Большой Медвѣдицы, изъ которыхъ самая маленькая принадлежитъ самому младшему, постоянно вращаются кругомъ горы Казбека. Существуетъ много варіантовъ этой легенды, и идея ея найдется и въ другихъ странахъ, подобно тому, какъ извѣстный миѳъ о Прометеѣ существуетъ чуть ли не у всѣхъ народовъ міра. Кстати о Прометеѣ, который, какъ извѣстно, также страдалъ на Кавказскихъ горахъ, гдѣ онъ былъ прикованъ на цѣпь за дерзновенное похищеніе небеснаго огня. По преданію кавказскихъ народовъ, Прометей былъ прикованъ именно къ Эльборусу, и Евгенію Маркову въ его путешествіи изъ Имеретіи въ Сванетію показывали даже обрывистую «скалу Прометея». Горцы пріурочиваютъ всѣ историческіе факты къ своимъ знаменитымъ снѣговымъ великанамъ; по ихъ понятіямъ, послѣ потопа первымъ открылся Кавказскій хребетъ; Ноевъ Ковчегъ остановился на Эльборусѣ и, толкнувъ его, разбилъ его вершину на двѣ части.

Кавказскій снѣговой хребетъ вообще мало изученъ. Попытки Вагнера (1808) и Паррота (1811) подняться на Казбекъ, такъ же какъ и

ген. Эммануэля на Эльборусъ (1829)—были осуществлены лишь на половину или на ²/₃, т.-е. не увѣнчались достиженіемъ вершины. Съемки, производившіяся въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, хотя и включили въ свой районъ горный хребетъ, но лишь настолько, насколько это было неизбѣжно для ближайшихъ практическихъ и военныхъ цѣлей, т.-е. для картографическаго изображенія населенныхъ мѣстностей, долинъ, лѣсовъ, нижнихъ склоновъ горъ, доступныхъ переваловъ. Были опредѣлены, правда, и высоты нѣсколькихъ вершинъ, намѣчены въ общихъ чертахъ горные снѣга и ледники, но лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они могли быть видимы съ нижнихъ уровней. Въ дополненіе къ бывшимъ уже давно извѣстными Казбеку и Эльборусу, генералъ Ходзько, завѣдывавшій тогда съемками на Кавказѣ, указалъ на существованіе другихъ высокихъ пиковъ – Дыхтау, Коштантау, Адайхоха, но ему остались неизвѣстными Ушба, Тетнульдъ, Джанга, Шкара и другіе, не видные съ прилегающей къ Кавказу съ сѣвера степи. Вообще, высокія снѣговыя вершины Кавказа долго оставались недоступными и дѣвственными; на нихъ не ступала нога ни туземца-горца, ни русскаго изслѣдователя и топографа. Соотвѣтственно тому, и составленная въ 60-хъ годахъ карта Кавказа въ масштабѣ 5 вер. въ 1 англ. дюймѣ, при всѣхъ ея достоинствахъ сравнительно съ прежними, была несовершенною и неточною по от-

ношенію къ снѣговому Кавказу. Между тѣмъ, эта карта и нѣкоторыя, сдѣланныя на основаніи ея, описанія, легли въ основу представленій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ о Казказскомъ хребтѣ, — представленій, во многихъ отношеніяхъ неправильныхъ, но которыя, благодаря тому, что ихъ раздѣляли крупные научные авторитеты, держались долго и не исчезли даже вполнѣ и въ настоящее время.

Самая крупная ошибка заключалась въ признаніи Кавказскаго хребта бѣднымъ снѣгами и ледниками. Извѣстный швейцарскій геологъ Фавръ, а затѣмъ и знаменитый Реклю выступили съ утвержденіемъ, что «кавказскія вершины, хотя и достигаютъ большей высоты, чѣмъ альпійскія, однако менѣе покрыты снѣгомъ и льдомъ, не только по причинѣ ихъ болѣе южнаго положенія и другихъ климатическихъ условій, но и вслѣдствіе узкости гребня и отсутствія цирковъ, въ которыхъ накопляющіеся снѣга могли бы служить резервуарами глетчеровъ или горныхъ ледниковъ». Бѣдность Кавказа ледниками удостовѣрялъ и извѣстный цюрихскій геологъ Геймъ, по опредѣленію котораго на всемъ Кавказскомъ хребтѣ занято снѣгомъ и льдомъ только 46 кв. англ. миль, — ничтожное пространство сравнительно съ Альпами. То же утверждали Абихъ, Статковскій и даже еще недавно Мушкетовъ, признавая, что кавказскіе ледники и по своему числу, и по занимаемной имъ площади значительно, вчетверо и даже болѣе, уступаютъ альпійскимъ. Нынѣ, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій и болѣе тщательныхъ съемокъ, мы знаемъ, что ледники одного Эльборуса занимаютъ площадь, почти вдвое бо́льшую указанной Геймомъ для всего Кавказа; вся же поверхность ледниковъ западнаго Кавказа (къ западу отъ Военно-грузинской дороги) едва ли меньше 625 кв. миль. Число кавказскихъ ледниковъ, еще недавно принимавшееся равнымъ только 40, теперь оказывается достигающимъ едва ли не тысячи, и въ томъ числѣ имѣется не менѣе 230 большихъ, перворазрядныхъ глетчеровъ.

Первымъ извѣстіемъ о богатствѣ Кавказа снѣговымъ и ледянымъ покровомъ наука обязана иностраннымъ, главнымъ образомъ англійскимъ альпинистамъ. Исходивъ Альпы, не оставивъ нетронутою почти ни одну ихъ вершину, эти любители горнаго спорта обратили свое вниманіе и на заманчивый, считавшійся недоступнымъ горный Кавказъ. Въ 1868 г. знаменитый нынѣ Фрешфельдъ, о которомъ мы упоминали выше, тогда только что окончившій университетскій курсъ въ Оксфордѣ, отправился на Кавказъ съ двумя товарищами, Тукеромъ и Муромъ, и съ швейцарскимъ гидомъ изъ Шамуни, Девуассу, и, пользуясь усвоенною въ Альпахъ практикою, первый совершилъ восхожденіе на вершины Казбека и Эльборуса, къ удивленію туземцевъ и русскихъ, отказывавшихся вѣрить ихъ подвигу. Съ этихъ высо-

кихъ пиковъ англійскіе альпинисты могли усмотрѣть цѣлый рядъ другихъ, немногимъ меньшихъ, и первые принесли въ Европу свѣдѣніе, что Кавказъ богаче ледниками, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ. Затѣмъ въ 70-хъ годахъ по слѣдамъ Фрешфельда направился на Кавказъ Гровъ съ нѣсколькими спутниками и тоже съ швейцарскимъ гидомъ; онъ также взобрался на Эльборусъ, перешелъ главную цѣпь вблизи истоковъ Ріона и посѣтилъ нѣсколько ледниковъ сѣвернаго склона. Въ 1884—86 гг. три поѣздки на Кавказъ предпринялъ Дечи, венгерецъ, жившій нѣкоторое время въ Одессѣ; онъ также всходилъ на Эльборусъ и на одинъ изъ пиковъ около Мамисонскаго перевала и первый приложилъ къ изученію снѣговаго Кавказа фотографію, сдѣлавъ рядъ интересныхъ снимковъ. 80-е года были вообще особенно замѣчательными въ дѣлѣ изслѣдованія центральнаго Кавказа. Въ 1886 г. здѣсь странствовалъ Клинтонъ Дентъ, совершившій восхожденіе на Гестолу (15,932′); въ 1887 г.—Дечи и Фрешфельдъ, впервые взобравшіеся на Тетнульдъ (15,918′); въ 1888 г.—Муммери, взошедшій на Шкару и прошедшій ледникомъ Безинги; Гольдеръ, Вуллей и Коккинъ,—одолѣвшіе Дыхтау, Катынтау, Шкару, Ушбу и другіе. Въ 1889 г. Кавказъ посѣтилъ извѣстный итальянскій альпинистъ и фотографъ-любитель Витторіо Селла, повторившій свой визитъ и въ слѣдующемъ году и собравшій богатую коллекцію превосходнѣйшихъ фотографическихъ снимковъ—снѣговыхъ вершинъ и ледниковъ Эльборуса, Лайлы, Бурджулы и другихъ горъ.

Разъ начатыя, экскурсіи альпинистовъ продолжались и въ 90-хъ годахъ. Въ 1890 г. Коккинъ, Гольдеръ и Муммери поставили цѣлью своихъ экскурсій Адайхохъ и Бурджулу, причемъ сняли первыя фотографіи ихъ ледниковъ. Въ 1891 г. на Кавказъ явились два нѣмецкихъ альпиниста, Мерцбахеръ и Пуртшеллеръ, съ двумя тирольскими гидами, и совершили рядъ восхожденій на Лайлу, Тетнульдъ, Донгусорумъ, Джангу, Гимарай-хохъ и Казбекъ, на послѣдній по совершенно новому пути. Въ 1893 г. четыре англійскихъ альпиниста, Солли, Вуллей, Ньюмарчъ, Коккинъ, а въ 1894 году Солли и Ньюмарчъ посѣтили Сванетію и взошли впервые на нѣкоторые изъ ея пиковъ. Въ 1895 году на Кавказъ явились снова Клинтонъ Дентъ и Вуллей въ компаніи съ художникомъ Макъ-Кормикомъ и совершили восхожденіе на одну изъ вершинъ въ группѣ Лабода; наконецъ, въ 1896 году на Кавказѣ странствовалъ опять Витторіо Селла для пополненія своихъ альпійскихъ экскурсій и своей коллекціи фотографическихъ снимковъ.

Эти смѣлыя восхожденія иностранныхъ альпинистовъ, открывъ новую область для ихъ отважнаго спорта, въ то же время принесли значительную пользу и для орографіи края, впервые ознакомивъ съ рядомъ бывшихъ неиз-

вѣстными ранѣе пиковъ, ледниковъ, переваловъ и указавъ на многія неточности въ изображеніи ихъ на русскихъ картахъ. По всей вѣроятности эти экскурсіи послужили новымъ стимуломъ и для русскихъ топографовъ, которые, начавъ съ 80-хъ годовъ новую подробную съемку Кавказа (въ масштабѣ 1 вер., даже мѣстами 250 саж. въ дюймѣ), начали обращать гораздо большее вниманіе на горные районы и стали даже сами взбираться на высочайшія вершины. Послѣднее было дѣломъ далеко нелегкимъ при недостаткѣ въ необходимыхъ приспособленіяхъ и въ опытныхъ проводникахъ. Иностранные альпинисты являются съ прекрасно приспособленною обувью, одеждою, мѣшками для спанья на снѣгу, веревками, костылями-топорками для цѣплянья за ледъ и вырубанія въ немъ ступеней, а главное— съ опытными и неутомимыми гидами и съ пріобрѣтенной годами практикой; русскіе же топографы не имѣютъ обыкновенно никакихъ приспособленій кромѣ «кошекъ» (стальныхъ подошвъ съ шипами) и вынуждены подниматься по скалистымъ склонамъ и крутымъ ледникамъ въ сопровожденіи лишь состоящихъ при нихъ казаковъ и горцевъ, которые обыкновенно сами столь же неопытны въ этомъ дѣлѣ и часто питаютъ даже суевѣрный страхъ къ высокимъ снѣговымъ пикамъ. И тѣмъ не менѣе, несмотря на весь рискъ восхожденія при такихъ условіяхъ, нѣкоторымъ топографамъ за послѣдніе

годы удалось взойти на самыя высокія вершины; особенно слѣдуетъ указать на А. В. Пастухова, совершившаго отважныя восхожденія на Казбекъ, Халацу и Эльборусъ (дважды).

Послѣднее восхожденіе Пастухова на Эльборусъ относится также къ 1896 году. (Въ 1895 году лѣтомъ на Казбекъ взошелъ полк. генер. штаба Ерофѣевъ).

Всѣ означенныя горныя экскурсіи послужили, конечно, матеріаломъ для многихъ отчетовъ, сообщеній и описаній, доложенныхъ въ засѣданіяхъ различныхъ обществъ и горныхъ клубовъ и напечатанныхъ въ соотвѣтственныхъ изданіяхъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ матеріалъ настолько разбросанъ и трудно доступенъ, что пользоваться имъ, по крайней мѣрѣ не спеціалисту, почти невозможно. То же можно сказать и о новѣйшей одноверстной картѣ горнаго Кавказа, такъ какъ, хотя новыя съемки кавказскаго топографическаго отдѣла и не оставляютъ почти желать лучшаго, тѣмъ не менѣе, листовъ этихъ съемокъ такъ много и добываніе ихъ такъ затруднительно, что пользоваться ими могутъ только спеціалисты; притомъ по своему крупному масштабу эти съемки не совсѣмъ пригодны для нагляднаго обозрѣнія всей области центральнаго Кавказа въ ея совокупности. Являлась существенная потребность въ общемъ сочиненіи, которое заключало бы въ себѣ сводку всѣхъ имѣющихся данныхъ по центральному Кавказу и давало бы возможность нагляднаго

ознакомленія съ его хребтами, пиками, ущельями и ледниками при посредствѣ хорошихъ рисунковъ и компактной, но точной карты. Эта потребность была сознана и иностранными альпинистами, и уже въ 1895 году появился слухъ, что такія общія сочиненія готовятся къ печати Фрешфельдомъ—на англійскомъ языкѣ и Мерцбахеромъ—на нѣмецкомъ.

Изъ этихъ трудовъ вышелъ уже трудъ Дугласа В. Фрешфельда, съ иллюстраціями Витторіо Селла, въ двухъ томахъ gr. 8°, подъ заглавіемъ «Изслѣдованіе Кавказа» (The Exploration of the Caucasus, by Douglas W. Freshfield, with Illustrations by Vittorio Sella». Vol. I—II. L. 1896). Это роскошное изданіе, напечатанное на прекрасной толстой бумагѣ, заключаетъ въ себѣ безъ малаго 600 страницъ и украшено 76 фотогравюрами, тремя большими фототипическими панорамами, 136 иллюстраціями и виньетками въ текстѣ и 4 картами, въ томъ числѣ одна въ масштабѣ 5 вер. въ 1 д., составленная на основаніи новѣйшей русской одноверстной карты, но съ болѣе точнымъ нанесеніемъ всѣхъ вершинъ, ледниковъ и перевал овъ. Кромѣ фотографій В. Селлы, авторъ воспользовался и снимками другихъ альпинистовъ; причемъ большинство фотогравюръ исполнено извѣстной берлинской фирмой Meisenbach, Riffarth u. Co. Если принять во вниманіе, что фотографіи В. Селлы не имѣютъ себѣ равныхъ по отчетливости изображенія снѣговыхъ горъ, снятыхъ притомъ большей частью съ пунктовъ, недоступныхъ для обыкновенныхъ фотографовъ, не-альпинистовъ, и что воспроизведеніе этихъ снимковъ фотогравюрой было исполнено первоклассною фирмой, то станетъ понятнымъ, какое наслажденіе получаетъ всякій любитель горъ, способный любоваться ихъ величественными формами, при разсматриваніи подобнаго роскошнаго изданія. Самый текстъ представляетъ тоже немало любопытнаго, такъ какъ, кромѣ собственныхъ наблюденій, Фрешфельдъ воспользовался еще данными Дечи, Гольдера, Вуллея и Коккина, а равно содѣйствіемъ проф. Бонни (Bonney), составившаго геологическій очеркъ центральнаго Кавказа.

Первый томъ посвященъ очеркамъ, имѣющимъ цѣлью дать общую характеристику центральнаго Кавказа и его изслѣдованій, а также описать, на основаніи, главнымъ образомъ, собственныхъ наблюденій, нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его группъ: Казбекъ и горную Осетію, Мамисонскій перевалъ и группу Адайхоха, долину Уруха, Балкарію и Безинги, Сванетію и ея перевалы, Тетнульдъ. Второй томъ заключаетъ въ себѣ описанія отдѣльныхъ экскурсій и восхожденій (на Коштантау, Шкару, Ушбу, Эльборусъ и т. д.) какъ самого Фрешфельда, такъ и Гольдера, Коккина, Вуллея и Дечи. Въ приложеніяхъ помѣщенъ геологическій очеркъ проф. Бонни, спеціальныя топо-

графическія данныя, цифры высотъ нижнихъ окончаній главнѣйшихъ ледниковъ и т. п. данныя. (Изъ «Русск. Вѣдом.»)

Вмѣсто недоступнаго Бешламъ-Корта мы, остановившись на станціи Казбекъ, рѣшили ограничиться восхожденіемъ на Квенемъ-Мта и осмотромъ выстроенной тамъ съ незапамятныхъ временъ церкви. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, военный врачъ, ѣхавшій въ Батумъ, отправился верхомъ; я же вмѣстѣ съ его женой и еще однимъ юношей рѣшились совершить это восхожденіе пѣшкомъ въ сопровожденіи двухъ оборванныхъ грузинскихъ мальчugановъ, которые, какъ стаи галчатъ, поджидаютъ путниковъ возлѣ ауловъ. Эти босоногіе карапузики вмѣстѣ съ осетинскими ребятишками одолѣваютъ проѣзжихъ своимъ попрошайничествомъ на всей Военно-Грузинской дорогѣ. Они то бѣгутъ взапуски возлѣ колесъ экипажа, повторяя жалобнымъ голосомъ «дай копѣйку», то пляшутъ лезгинку, то суютъ вамъ въ руки кусокъ горнаго хрусталя или другого, болѣе рѣдкаго минерала, находимаго тутъ же въ горахъ. Обыкновенно подобнымъ нищенствомъ занимаются мальчуганы, и только въ одномъ случаѣ мы видѣли въ этой роли дѣвочку-осетинку. Наши крошечные чичероне прекомично отгоняли другихъ дѣтей, желавшихъ также предложить намъ свои услуги и сопровождать на гору, и пресерьезно, на ломаномъ русскомъ языкѣ, желали дознать отъ насъ, сколько соб-

ственно они получатъ за свои труды. Сначала подъемъ идетъ очень полого, начинаясь тотчасъ по переходѣ на другой берегъ Терека по прекрасному желѣзному мосту. Поднявшись на пригорокъ, вступаешь въ аулъ Гергеты, гдѣ дорога извивается то по узенькимъ уличкамъ, точно умышленно посыпаннымъ мелкими и преострыми камнями, то ведетъ по дворамъ, то по крышамъ сакель. Въ аулѣ при нашемъ появленіи все пришло въ движеніе: всѣ ребятишки высыпали изъ сакель, на крышахъ появились женскія головы, и даже огромные и очень свирѣпые грузинскіе псы выскочили насъ привѣтствовать. Не безъ труда отбившись отъ собакъ, при помощи подоспѣвшаго взрослаго грузина, мы выбрались изъ аула и стали подниматься на гору, къ которой прислоненъ аулъ Гергеты. Каждые 15—20 шаговъ приходилось отдыхать, до того тяжелъ здѣсь подъемъ и остры камни, которыми усыпана горная тропинка. Отправляясь въ путь, мы еще со станціи посылали сторожа къ грузинскому священнику, проживающему въ аулѣ Казбекъ, за ключомъ отъ нагорной церкви; но намъ отвѣтили, что священникъ самъ пошелъ туда и что мы, навѣрное, застанемъ его еще въ церкви. И дѣйствительно, не прошли мы и полпути, какъ на-встрѣчу показался худенькій черненькій батюшка въ сопровожденіи другого очень грузнаго и очевидно русскаго «батюшки» и церковнаго сторожа. Послѣ взаимныхъ при-

вѣтствій оказалось, что русскій батюшка пріѣхалъ издалека и по обѣту служилъ обѣдню на вершинѣ горы, и теперь они, усталые, спускаются уже внизъ. Грузинскій священникъ охотно предлагалъ снова подняться съ нами, показать намъ свой храмъ, въ которомъ служба идетъ раза два въ недѣлю, но мы, видя его утомленіе, отклонили эту любезность и согласились взять съ собой церковнаго сторожа съ огромными ключами въ рукахъ. Распростившись съ «батюшками», мы двинулись дальше круговою дорогой, которая довольно полого вьется вокругъ горы и поднимается сзади ея по очень живописному ущелью. Тропинка, по которой мы поднимались, идетъ все время въ виду Казбека, который въ этотъ день, какъ и во всѣ дальнѣйшіе дни нашего пребыванія возлѣ него, былъ совершенно свободенъ отъ облаковъ и тумана. Бѣлый великанъ ободряюще смотрѣлъ на насъ съ небесной выси, и мы любовались имъ, не спуская съ него глазъ. Подъемъ занялъ добрыхъ три часа, и мы, страшно измученные, подошли къ церкви, когда въ воздухѣ уже засвѣжѣло и въ ущелье спустилась вечерняя тѣнь. Казбекъ горѣлъ огнями, и его вершина казалась столь близкою, что просто рукой подать. Наши мальчуганы ни мало не утомились, всю дорогу они кувыркались, плясали лезгинку и въ трудныхъ мѣстахъ разомъ протягивали мнѣ свои ручонки и тянули вверхъ. Церковь Самеба-Цминда

пользуется у грузинъ большою популярностью. Это одна изъ стариннѣйшихъ церквей Грузіи, въ которой нѣсколько разъ въ годъ стекаются кавказскіе паломники. Грузія вся полна этими нѣмыми памятниками сѣдой старины, и народъ свято чтитъ эти святыя развалины, служившія оплотомъ въ безконечной борьбѣ съ мусульманствомъ. По преданію, церковь эту выстроила все та же легендарная царица Тамара, которая натворила столько чудесъ во всей Грузіи. Церковь сложена также незатѣйливо, какъ и сакли въ горныхъ аулахъ. Вся разница въ величинѣ камней, и если на постройку сакли идутъ камни величиной съ нашъ тротуарный плитнякъ, то сюда, почти на отвѣсную неприступную гору древніе христіане ухитрились вкатить цѣлыя каменныя глыбы, чудовищныя плиты, изъ коихъ безъ цемента и сложена эта единственная въ своемъ родѣ ветхая церковь. Стиль постройки древне-грузинскій; рядомъ съ церковью стоитъ крошечная каменная колокольня, въ которой живетъ столѣтній сторожъ, съ лицомъ величаваго патріарха, какъ ихъ рисуютъ на ветхозавѣтныхъ картинахъ. Патріархъ напоилъ насъ ключевою водой, которую онъ принесъ за нѣсколько верстъ съ Казбека въ глиняномъ кувшинѣ. Внутри церковка совершенно темна, и все въ ней ветхо самымъ невѣроятнымъ образомъ. Любителямъ старины это цѣлая находка. Въ длину церковь имѣетъ не болѣе десяти шаговъ,

да столько же въ ширину; стѣны не только безъ живописи, но даже не выбѣлены; иконостасъ низенькій, на которомъ свѣтлыми пятнами выдаются нѣсколько образовъ, въ томъ числѣ одинъ подаренный однимъ изъ нашихъ великихъ князей. Алтарь крошечный, а престоломъ служитъ простая каменная глыба. Все бѣдно и просто, какъ въ Евангельскія времена. Лермонтовъ зналъ эту церковь, и вѣроятно къ ней относятся знаменитыя строфы изъ «Демона», говорящія про церковь, построенную разбойникомъ, братомъ Гудала—отца Тамары близъ Казбека. Какъ бы то ни было, покоятся ли здѣсь кости стараго грѣшника, или нѣтъ, нужно было спѣшить уходить изъ церкви; начинало сильно смеркаться, а спускъ ожидалъ насъ нешуточный. Окрестныя горы одѣвались румяною пеленой заката,

И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой,
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

Я чувствовалъ себя до того измученнымъ совершеннымъ восхожденіемъ, что съ радостью согласился на предложеніе патріарха воспользоваться при спускѣ услугами двухъ охотниковъ-грузинъ, зашедшихъ навѣстить старика. Предложеніе это было тѣмъ болѣе заманчиво, что мы рѣшили, для выигрыша времени, идти назадъ не старой дорогой, а спускаться напрямки. Охотники подхватили подъ руки меня

и мою спутницу, и мы тронулись съ кручи. Я, кажется, во вѣки не забуду этой ужасной дороги; казалось, конца не будетъ этому страшному спуску: ослабѣвшія ноги поминутно скользили по осыпавшимся острымъ камнямъ, которые дырявили сапогъ и рѣзали ноги. Но молодцы-грузины не давали упасть, ловко держали подъ руки, и уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы, еле передвигая ноги, явились на станцію, употребивъ на всю прогулку около шести часовъ. Отъ станціи Казбекъ по направленію къ станціи Коби Терекъ становится совсѣмъ смирнымъ, вовсе «не дикъ и не злобенъ», ущелье расширается, однако подъемъ все еще крутъ и мрачныя до самыхъ небесъ скалы, лишенныя всякой растительности, тянутся вдоль всей дороги. Всѣ тоны вокругъ дики, суровы и мрачны. Въ воздухѣ свѣжо и пахнетъ по зимнему. Около Казбека любимое мѣсто охоты за турами. Сюда съѣзжается охотиться не тольке разная мѣстная кавказская знать, разные кавказскіе князьки, но даже англичане изъ Лондона, любители сильныхъ ощущеній и дикаго горнаго спорта.

Я не люблю охоты и такихъ чувствъ не понимаю, но говорятъ, что охота за турами можетъ перейти въ чистѣйшую страсть, причемъ несчастный охотникъ, весь въ лохмотьяхъ, лазитъ цѣлые дни по убійственнымъ кручамъ, откуда, даже и подстрѣливъ звѣря, нѣтъ возможности притащить его въ селеніе и слѣ-

довательно воспользоваться трудами нѣсколькихъ дней. Остаются одни рога, которыхъ никто не хочетъ покупать, хотя въ старину ихъ оправляли въ серебро и пили изъ нихъ кахетинское. Турьи рога можно пріобрѣсти на каждой станціи по военно-грузинской дорогѣ, и грузины наравнѣ съ осетинами охотно приносятъ эти украшенія въ даръ, какъ христіанскому Богу, такъ и своимъ языческимъ божествамъ. Увѣряютъ, что и теперь туры сохранились въ достаточномъ количествѣ въ Дагестанѣ, гдѣ они подпускаютъ къ себѣ человѣка очень близко. То же самое продѣлываетъ и нашъ камчатскій медвѣдь въ Сибири, который не боится человѣка и не бѣжитъ при его приближеніи. Мнѣ удалось видѣть четыре превосходныхъ экземпляра туровъ (Aegoceros Pallasi), самцовъ и самокъ, въ Тифлисскомъ музеумѣ. Это большой коренастый козелъ ростомъ въ годовалаго теленка, и не будь у него прекраснаго головного убора, на него право не стоило бы обращать никакого вниманія. Въ томъ же музеумѣ имѣется превосходная коллекція турьихъ роговъ изъ часовенъ Сванетіи.

По дорогѣ къ станціи Коби попадается нѣсколько желѣзистыхъ ключей, съ богатымъ содержаніемъ въ нихъ угольной кислоты. Почти у каждаго ключа мы останавливались и пили безъ конца эту холодную, вкусную кисленькую воду съ слабымъ отвкусомъ желѣза. Вода одного ключа показалась намъ даже

вкуснѣе пресловутаго кисловодскаго Нарзана. Ручьи этой воды, впадая въ Терекъ, окрашиваютъ почву яркимъ желто-краснымъ цвѣтомъ, —результатомъ осажденій желѣзныхъ соединеній. Отъ Коби Терекъ отходитъ въ сторону, вправо, и ущелье дороги тянется вдоль одного изъ притоковъ Терека—Байдары. Между Коби и слѣдующею станціей Гудуаръ лежитъ собственно высшая точка всей Военно-Грузинской дороги. Это такъ-называемый «перевалъ», отъ котораго начинается спускъ въ Грузію. Перевалъ теперь совсѣмъ не тотъ, по которому проѣхалъ Пушкинъ и Лермонтовскій Максимъ Максимовичъ. Отъ прежней крутизны не осталось и слѣда. Старая дорога остается много влѣво, и ее кнутомъ показывалъ бойкій ямщикъ-татаринъ, сидѣвшій у насъ на козлахъ. На высшей точкѣ дороги стоитъ бѣлый столбъ, съ надписью: «Крестовый перевалъ, высота 7.690 фут. Мнѣ думается, что взамѣнъ маленькаго столбика здѣсь слѣдовало поставить грандіозный монументъ, съ двумя обращенными въ разныя стороны досками. На одной нужно было бы написать Азія, на другой Европа. Вышло бы и трогательно, и грандіозно. Такой монументъ мы видѣли на Уральскомъ перевалѣ, при переѣздѣ на лошадяхъ, кажется, изъ Перми въ Екатеринбургъ. Тутъ же, недалеко отъ дороги, на вершинѣ Крестовой горы, чуть виднѣется крестъ, поставленный Ермоловымъ и почему-то приписываемый ту-

земцами Петру Великому, который, какъ извѣстно, здѣсь никогда и не бывалъ, а былъ лишь въ Дагестанѣ.

Отъ этого же креста и самый перевалъ принято называть «Крестовымъ». Путешественникъ Гамба, бывшій при Ермоловѣ французскимъ консуломъ въ Тифлисѣ, не понявъ значенія названія Крестовая гора, передѣлалъ ее въ Mont Saint-Christophe. Отъ Гамбы это названіе перешло въ нѣкоторыя французскія и даже русскія сочиненія о Кавказѣ. Про это поминаетъ и Лермонтовъ въ своей «Белѣ». Отъ Коби до Гудаура бываютъ самые страшные снѣжные завалы. Обыкновенное время этихъ заваловъ отъ декабря по мартъ и даже до середины апрѣля. Завалы эти тѣ же лавины, которыя также страшны, если не больше чѣмъ описанный нами выше девдоракскій обвалъ. Ледниковые обвалы по крайней мѣрѣ рѣдки, а снѣжныя лавины въ горахъ могутъ въ любой зимній день похоронить подъ своею бѣлою пеленой цѣлый караванъ проѣзжающихъ. Отъ этихъ лавинъ Военно-Грузинская дорога пока обезпечена весьма слабо. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ возведены плотные каменные заборы, шириной въ добрый крѣпостной бастіонъ, и какими жалкими кажутся предъ этими стѣнами щиты, уставливаемые желѣзными дорогами въ защиту отъ заносовъ. Устроенъ по дорогѣ и небольшой туннель подъ горой Майоршей, названной такъ потому, что здѣсь засыпало

когда-то лавиной сварливую майоршу, ѣхавшую вмѣстѣ съ молодою служанкой, которую она терзала всю дорогу. Служанку вихремъ отнесло въ сторону, и она осталась цѣла, а майоршу погребла подъ собою холодная лавина. Съ Майорши обыкновенно завалы и начинаются; она подаетъ сигналъ, и сотрясеніе воздуха отъ первой лавины заставляетъ осыпаться и другія снѣжныя горы. Тутъ же по дорогѣ путейское вѣдомство для пробы выстроило небольшой тоннель, съ полукруглою желѣзною крышей. Тоннель долженъ простоять въ самомъ опасномъ мѣстѣ три года, и если крыша выдержитъ, то проектируютъ протянуть подобную же постройку на много верстъ, гдѣ завалы всего страшнѣе. Зимой вся перевальная дорога до того бываетъ засыпана снѣгомъ, что на перевалѣ днюютъ и ночуютъ въ особо устроенныхъ казармахъ цѣлыя сотни спеціальныхъ рабочихъ съ лопатами, которые заняты постоянною очисткой пути и прорытіемъ траншей для проѣзда экипажей въ снѣжныхъ сугробахъ. Тутъ же на горѣ пріютился каменный домикъ, въ которомъ поселена осетинская семья, обязанная звонить въ колоколъ во время заваловъ и подавать помощь путникамъ. Въ этомъ домикѣ когда-то останавливался на ночлегъ Печоринъ съ извѣстнымъ Максимомъ Максимовичемъ. У подножія Крестовой горы чернѣетъ извѣстная Чертова долина, (отъ слова «черта», а не «чортъ»). Здѣсь

когда-то была черта Старой Грузіи. Послѣднія версты до станціи Гудауръ дорога проложена по бокамъ знаменитой Гудъ-горы, которая и въ нашъ проѣздъ «курилась», а «по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ». «На вершинѣ Гудъ-горы лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ». Моросилъ дождь, и мы кутались во все теплое, что было подъ рукой. Про мрачное чудовище, именуемое Гудъ-горой, пылкая фантазія осетинъ сложила слѣдующую поэтическую легенду. «Давно, очень давно въ одномъ аулѣ жила бѣдная семья, которую Господь, милосердый къ бѣднякамъ, благословилъ рожденіемъ дочери Нины, красивѣе которой не было ребенка во всей Осетіи. Не только все населеніе аула, но и далекіе путники, горцы и курьеры, видя малютку, взбирающуюся на гору, останавливались и любуясь ею, забывали свои обязанности, проѣзжавшіе съ караванами купцы дарили ее блестящими бездѣлушками и кусками яркой ткани. Влюбился въ Нину также и старый Гудъ-духъ, властитель Гудъ-горы, не видавшій во все время своей продолжительной жизни такой красавицы. Онъ полюбилъ ее со всею пылкостію юноши. Хотѣла ли Нина подняться на гору—влюбленный старикъ выравнивалъ тропинку подъ ея ножкой, искала ли Нина съ своими подругами цвѣтовъ и травъ—Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты и травы подъ

сводомъ камней, разсыпавшихся при ея приближеніи. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ, принадлежавшихъ отцу Нины, не падалъ въ кручу и не дѣлался добычею злыхъ волковъ. Однимъ словомъ, Нина была царицею всего пространства, гдѣ царствовалъ древній Гудъ,—такъ любилъ ее могучій старецъ.

«Прошло пятнадцать лѣтъ; изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась невиданною красавицей и любовь стараго Гуда разгорѣлась еще сильнѣе; онъ сталъ даже подумывать о томъ—нельзя ли какъ-нибудь изъ могучаго духа сдѣлаться простымъ смертнымъ, хотя бы даже бѣднымъ осетиномъ. Но молодая дѣвушка не замѣчала любви Гуда, она засматривалась на молодого красавца, своего сосѣда Сасико.

«Сасико былъ молодъ, статенъ, славился силою и ловкостью, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и умѣлъ не только танцовать свой осетинскій танецъ, но даже и лезгинку, чѣмъ могли похвалиться немногіе.

«Старый Гудъ сталъ ревновать Нину къ Сасико; началъ преслѣдовать его, заводить въ трущобы во время охоты, застилать туманомъ пропасти подъ его ногами, или засыпать его неожиданно мятелью. Однако всѣ хитрые замыслы стараго ревнивца были тщетны. Наступила зима, и Гудъ лишился возможности часто видѣть свою любимицу; зато Нина и Сасико стали видѣться чаще и чаще. Гудъ

все это видѣлъ, ревновалъ, бѣсился и, наконецъ, ярость его достигла крайнихъ предѣловъ.

«Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Обвалъ этотъ скорѣе обрадовалъ, чѣмъ испугалъ, влюбленныхъ, и они были рады, что на нѣкоторое время могутъ остаться наединѣ другъ съ другомъ.

«Разведя огонь, они сѣли около него и безпечно предались мечтамъ и разговорамъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ. Сердца влюбленныхъ были полны любовью, но желудки просили пищи; отысканныя двѣ лепешки и кусокъ сыру утолили не надолго ихъ голодъ. Прошелъ еще день, и вмѣсто веселаго разговора въ саклѣ послышались вопли отчаянія; узники не думали больше о любви,—они думали о хлѣбѣ. Прошелъ и третій день, гододъ еще больше усилился, а надежды на освобожденіе не было. На четвертый день голодная смерть казалась неминуемой. Сасико кидался изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился; впалые глаза его устремились на Нину,—онъ бросился къ ней, крѣпко обхватилъ ее руками и впился зубами въ ея плечо. Дѣвушка вскрикнула, упала на полъ, но въ это время послышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, открылась для узниковъ.

«Нина и Сасико бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствомъ ненависти и отвращенія другъ къ другу...

«Обрадовался старый Гудъ, узнавши что любовь Нины и ея возлюбленнаго замѣнилась взаимною ненавистью; не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая туча камней посыпалась съ горы въ долину. Большое пространство ея и до сихъ поръ густо усѣяно осколками гранита...»

На Гудаурѣ очень холодно; да и немудрено, такъ какъ средняя годовая температура здѣсь равняется 4 градусамъ, а средняя лѣтняя температура едва достигаетъ 12 градусовъ. Замѣчательно при этомъ, что всякій разъ при двукратномъ нашемъ проѣздѣ черезъ Гудауръ здѣсь шелъ дождь, горы курились, и весь ландшафтъ напоминалъ глубокую осень, хотя дѣло было въ концѣ августа и началѣ сентября. Отъ Гудаура начинается спускъ, и если часть дороги отъ Ларса до Казбека можетъ считаться верхомъ совершенства съ точки зрѣнія величія и грандіозности окружающей природы, то часть шоссе между Гудауромъ и слѣдующей станціей Млетами можно смѣло признать за верхъ совершенства съ точки зрѣнія инженернаго искусства. Гудауръ лежитъ подъ облаками, а Млеты, почти прямо подъ нимъ, въ ущельи на берегу Арагвы. Паденіе сразу совершается на $3^1/_2$ т. футовъ, и вы точно въ сказкѣ въ какіе-нибудь полчаса отъ глубокой осени, даже отъ зимы, перехо-

дите къ цвѣтущему лѣту. Прямымъ путемъ изъ Млетъ въ Гудауръ пѣшеходъ можетъ спуститься въ двадцать минутъ, а почтовое шоссе на этомъ же пространствѣ дѣлаетъ десятки зигзаговъ, равняющихся въ общей сложности пятнадцати верстамъ. Обратные ямщики верхами также иногда рискуютъ спускаться напрямки, и въ день нашего проѣзда одинъ такой смѣльчакъ, пустившись съ четверкой по крутымъ горнымъ тропинкамъ, едва не сдѣлался жертвой своей отваги. Двѣ лошади у него сорвались съ кручи и убились на мѣстѣ, самъ же онъ и другая пара уцѣлѣли. Бѣднягу, конечно, тотчасъ же разсчитали. Когда мы спускались въ Млеты, то нашъ ямщикъ, нагнувшись надъ пропастью, показывалъ намъ темно-красный мѣшокъ съ костями, въ который превратились упавшія лошади. Млетскій спускъ открытъ только въ 1861 году, причемъ его дѣлали въ теченіе четырехъ лѣтъ подърядъ. Четыре года рвали динамитомъ скалы и создали воистину замѣчательную дорогу, строитель которой, инженеръ Статковскій, съ полнымъ резономъ начерталъ свое имя на одномъ изъ зигзаговъ этого гигантскаго сооруженія. Очевидно, что ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не ѣздили этимъ спускомъ, хотя и поднимались отъ Коби на Крестовый перевалъ. Межлу тѣмъ многіе описатели Кавказа и Военно - Грузинской дороги, даже наиболѣе обстоятельные, какъ, напримѣръ, С. Филипповъ, впадаютъ въ эту странную ошибку и не замѣчаютъ, что извѣстное описаніе Пушкина въ его «Путешествіи въ Арзерумъ» относится не къ Млетскому спуску, котораго въ то время не существовало, а къ необычайно крутому спуску, который велъ отъ Крестовой горы чрезъ Койшауръ. Въ тѣ времена ни Млетской, ни Гудаурской станцій не существовало, и творецъ «Евгенія Онѣгина» прямо изъ Коби переѣзжалъ на Койшаурскую станцію, нынѣ упраздненную и остающуюся влѣво отъ теперешней дороги, съ которой виденъ и этотъ Пушкинскій спускъ. «Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей, писалъ Пушкинъ, и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза, его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣни, благодарилъ Бога и пр., что очень изумило проводниковъ...» Теперь на Млетскомъ спускѣ ничего подобнаго не бываетъ, да и не можетъ быть. Самые тяжелые экипажи, громадные, пузатые, почтовые дилижансы спускаются безъ тормазовъ, и всѣ предосторожности сводятся къ тому, что отпрягаютъ пристяжныхъ лошадей. Тѣмъ не менѣе спускъ въ Земомлетскую долину остается и очаровательнымъ, и грандіознымъ, и къ нему вполнѣ до мельчайшихъ подробностей можно примѣнить то, что сказано Лермонтовымъ про сосѣднюю Койшаурскую долину: «славное

мѣсто эта долина! со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, и очерченные промоинами, а тамъ, высоко, высоко золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуей».

Въ Млетахъ было чудное, жаркое лѣто, когда мы подъѣзжали къ станціи. «Роскошная» Грузія смотрѣла на насъ своимъ горячимъ, южнымъ солнцемъ, всюду роскошная зелень, въ воздухѣ свѣтло и прозрачно, и мы быстро забыли про Гудаурскую непогоду и мрачныя краски Крестоваго перевала. Здѣсь предъ нами «иной картины красы живыя расцвѣли»:

Счастливый пышній край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ,
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,

Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.

Въ Млетахъ мы рѣшили сдѣлать дневку и ночевать на станціи.

V.

Верхній этажъ Млетской станціи, гдѣ мы остановились на ночлегъ, представляетъ собою довольно благоустроенные номера порядочной гостиницы, снабженные электрическими звонками, приличными постелями, съ чистымъ бѣльемъ и мягкими подушками. Всѣ номера въ одну цѣну, 50 коп. за сутки. Внизу помѣщается столовая, общія комнаты для пріѣзжающихъ, почтовое отдѣленіе и телеграфъ. Кухня безъ затѣй, но всегда имѣется выборъ изъ 5—6 блюдъ цѣной не выше 35 копѣекъ; за ту же цѣну даютъ и прекрасную форель и лососину, которая ловится въ Арагвѣ. Непонятно, почему бы всѣмъ станціямъ на Военно-Грузинской дорогѣ не содержать себя въ такомъ же видѣ, какъ содержится Млетская. Изъ оконъ видъ на серебряную чешую Арагвы и на неизбѣжныя горы, покрытыя здѣсь роскошною кудрявою растительностію. Южная природа манила на воздухъ, и мы весь вечеръ провели на берегу рѣки, ходили въ Зимомлетскій аулъ и заглянули также въ неизбѣжный

духанъ. Между духаномъ и нашимъ россійскимъ парламентомъ—кабакомъ такая же разница, какъ между серьезнымъ государственнымъ дѣятелемъ, какимъ нибудь Гладстономъ, и ну хоть Стамбуловымъ что ли. Сельскій кавказскій духанъ это премилое и преполезное учрежденіе, тогда какъ всероссійскій кабакъ это самая непотребная мерзкая выдумка откупной формаціи. Деревенскій духанъ всегда почти скомбинированъ вмѣстѣ и съ деревенскою лавочкой. Въ духанѣ не только пьютъ, но и ѣдятъ вкусный шашлыкъ и кавказскій сыръ, а главное—пьютъ не тяжелую водку, а легкое пріятное кахетинское вино! Кавказскій духанъ напомнилъ мнѣ деревенскій кабачекъ во Франціи. Въ такомъ кабачкѣ мнѣ пришлось побывать нѣсколько лѣтъ тому назадъ при посѣщеніи города Ножанъ на Марнѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Парижа. Мы застали въ кабачкѣ компанію французскихъ блузниковъ: нѣсколько человѣкъ сидѣли за графиномъ краснаго вина, одинъ читалъ газету, одинъ что-то ѣлъ. Чисто, весело, не слишкомъ шумно и во всякомъ случаѣ вполнѣ прилично. Молодая женщина, оказавшаяся хозяйкой, сидѣла тутъ же и что-то шила. Полы, чисто вымытые, столы обтянуты свѣтлою клеенкой, стѣны бѣлыя, снаружи весь домъ въ зелени, въ плющѣ и виноградѣ. А между тѣмъ это былъ простой «Cabaret» — не болѣе того. Мой парижскій пріятель поселилъ въ этомъ

же домѣ на лѣто свою семью, изъ однихъ женщинъ, которымъ «Cabaret» отпускалъ ежедневно и обѣдъ изъ двухъ вкусныхъ блюдъ. Не правда ли, какъ все это непохоже на нашъ отвратительный русскій кабакъ, который самъ сталъ чуть не браннымъ словомъ въ русскомъ языкѣ. Грузинскій духанъ это именно французскій cabaret,—повторяю, однако, что я говорю о сельскихъ духанахъ, а не о городскихъ. Тифлисскіе духаны, напримѣръ, также порядочная мерзость, очень похожая на русскій кабакъ. Польскій шинокъ или корчма стоятъ ближе къ духану, но это учрежденіе загрязнено и убито евреемъ, и пока еврей вьетъ себѣ гнѣздо въ Польшѣ и на Литвѣ, до тѣхъ поръ шинокъ останется учрежденіемъ такимъ же несимпатичнымъ и зловреднымъ, какъ и русскій кабакъ.

Слѣдующая станція за Млетами будетъ Пасанауръ, что на древнемъ персидскомъ языкѣ означаетъ «святая возвышенность». Характеръ мѣстности на столько уже иной, что отъ Млетъ безъ всякаго труда можно снова вести желѣзную дорогу до самого Тифлиса. Такимъ образомъ на всей Военно-Грузинской дорогѣ только четыре станціи изъ 12, т.-е. отъ Ларса до Млетъ, представляютъ серьезныя затрудненія для проведенія жеаѣзной дороги; на остальномъ пути можно хоть сейчасъ класть рельсы. Изъ 200 верстъ дороги только 60 дадутъ серьезную работу инженерамъ.

Знаменитая С. Готардская дорога представляла такимъ образомъ гораздо большія трудности. Тамъ, какъ говоритъ Джаншіевъ, («Въ Европѣ») пришлось взорвать горы на протяженіи 250 верстъ. Туннелей построено 56, длиной въ 41 версту, мостовъ 32, віадуковъ 10 и насыпей 24. Высшая точка дороги (въ туннелѣ) около 3,500 футовъ, наибольшій уклонъ 26%. Большой 15-ти верстный туннель строился 7½ лѣтъ, причемъ среднимъ числомъ въ день работало 2.500 человѣкъ. Несмотря на то, что одно прорытіе С. Готардскаго туннеля стоило 57.000.000 фр., верста дороги обошлась около 200.000 руб. золотомъ. Первая и труднѣйшая въ Европѣ горная дорога—Земмеринская обошлась нѣсколько дороже, именно по 220.000 рублэй золотомъ съ версты, т. е. ровно столько во сколько обошлась и наша Николаевская линія. Мы уже говорили, что будущая дорога черезъ главный Кавказскій хребетъ исчислена въ 40.000.000 рублей, причемъ считаютъ, что вести ее гораздо выгоднѣе, не черезъ Военно-Грузинскій перевалъ, а нѣсколько западнѣе, по такъ называемой Военно-Осетинской дорогѣ. Самый длинный туннель въ дорогѣ не будетъ превышать 6 верстъ, а подъемъ не превыситъ 25 саженъ на 1.000. (Извѣстно, что на Поти-Тифлисской линіи, на Сурамскомъ перевалѣ, допущенъ былъ подъемъ въ 45 саженъ на 1.000.)

Торговое движеніе довольно сильно на

Военно-Грузинской дорогѣ, и хотя мы не встрѣтили ни одного каравана верблюдовъ, но за то поминутно приходилось обгонять то обозы арбъ, то четверни русскихъ извозчиковъ-молоканъ. Арба—это совершенно допотопный инструментъ, то-есть простой помостъ, грубо сколоченный изъ досокъ, на двухъ громадныхъ колесахъ. Скрипитъ этотъ инструментъ чуть ли не за сто верстъ и влекутъ его пара или четверка буйволовъ—этихъ родныхъ братьевъ носороговъ или гиппопотамовъ.

Наши молокане возятъ товаръ изъ Владикавказа въ Тифлисъ въ колосальныхъ фургонахъ, напоминающихъ крытыя платформы, въ которыхъ перевозятъ мебель въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Съ пуда клади они берутъ по 40 коп. и нагружаютъ фургоны стопудовою тяжестью. Въ дорогѣ такой фургонъ остается пять дней, дѣлая такимъ образомъ въ день по 40 верстъ. Красныя рубахи молоканъ, ихъ русская пѣвучая рѣчь, ихъ славныя лица, представлявшія рѣзкую противоположность съ загорѣлыми, бронзовыми лицами аробщиковъ —все это, по теоріи контрастовъ, пріятно освѣжало глазъ, напоминая далекую милую родину.

Вся дорога отъ Млетъ до Пасанауръ восхитительно хороша, и многіе считаютъ, что этотъ кусокъ лучшее мѣсто всего Военно-грузинскаго шоссе. Свѣтлая долина Арагвы совсѣмъ не похожа на холодное ущелье Терека. Другое солнце—другіе и виды.

Взамѣнъ мрачной Осетіи, оставшейся за горами, экипажъ катитъ по счастливой Грузіи, гдѣ на всемъ лежитъ печать избытка и зажиточности. Грузины стоятъ того, чтобы сказать о нихъ нѣсколько словъ. Грузины стали православными гораздо раньше русскихъ, и вся исторія ихъ до присоединенія къ Россіи въ 1801 году представляетъ изъ себя безконечную и упорную борьбу христіанства съ исламомъ. Грузія приняла христіанство въ первыхъ вѣкахъ по Р. Хр., и съ той поры маленькое государство вело непрестанныя войны съ своими сосѣдями персами, турками и татарами.

Легендарное Картвельское племя дало перваго грузинскаго царя Картли, подъ державой котораго сгруппировались не только грузины, но и имеретины, гурійцы, мингрельцы и пр. Сынъ его Мцхетъ уже основалъ древнюю грузинскую столицу, названную его именемъ, которая нынѣ представляетъ собою скромную станцію Военно-грузинскаго шоссе, станцію, до которой мы еще не доѣхали въ нашемъ описаніи.

Историческая роль грузинскаго народа выяснена нынѣ съ большою ясностью, хотя несомнѣнно, что ни Западная Европа, ни даже Россія не знаютъ, да и не хотятъ знать этой роли. Это роль передоваго редута въ колоссальной вѣковой битвѣ съ массой враговъ. Редутъ—это христіанство, враги—это полчи-

ща мусульманъ. Редутъ, какъ крошечный, жалкій островокъ, то заливается волнами вражескаго моря, то снова—грозный и страшный—высоко держитъ свое знамя съ крестомъ на верху, высылаетъ смѣльчаковъ во всѣ стороны и неустанно борется съ наплывомъ исламизма.

Всѣ силы Грузіи, нравственныя и умственныя, пошли на эту борьбу, изъ которой она вышла побѣдительницей, отстоявъ своею кровью религіозную свободу сосѣднихъ христіанскихъ народовъ, которые уже во второй линіи, а не непосредственно грудью и ежедневно должны были отражать грознаго врага.

Недаромъ кто-то назвалъ грузинскій народъ крестоносцами; вся разница ихъ съ крестоносцами заключается въ томъ, что сами они никакихъ походовъ не совершали, но съ мечемъ и крестомъ въ рукахъ сотни лѣтъ отстаивали и свою религію, и христіанство всей Европы. Волны исламизма перекатывали и дальше черезъ маленькую Грузію, но первый оплотъ, первую плотину встрѣчало мусульманство именно здѣсь, въ сердцѣ маленькаго государства. Плотину сколачивали и задѣлывали сотни разъ и кончили тѣмъ, что она прочно стала сдерживать о свою грудь шумное море, и только мелкіе брызги напоминаютъ о силѣ нѣкогда бушевавшей здѣсь стихіи. Правда, народъ въ этой борьбѣ растратилъ много силъ, потерялъ и быть можетъ навсегда много способностей, отсталъ во многомъ отъ

своихъ сосѣдей, но тѣмъ не менѣе миссію свою исполнилъ добросовѣстно, испилъ до конца чашу, ниспосланную ему исторіей, и заслужилъ вѣчную признательность со стороны всѣхъ культурныхъ христіанскихъ народовъ.

Я скажу больше—не выполни Грузія такъ добросовѣстно свою миссію, многія народности теперь не были бы добрыми христіанами, а исповѣдывали бы исламизмъ. Этимъ объясняются, а слѣдовательно и оправдываются, многія черты народнаго характера: грузинъ крайне суевѣренъ, безпеченъ, мало трудолюбивъ и не энергиченъ во всѣхъ вопросахъ народнаго хозяйства. Если грузинъ къ своимъ христіанскимъ именамъ и понынѣ присоединяетъ мусульманскія прозвища, то очевидно, что и въ другихъ отношеніяхъ въ народномъ характерѣ должно было сказаться вѣковое подчиненіе, хотя и ненавистному, но болѣе сильному врагу.

По природѣ грузины—крайне мягкій, добрый и гостепріимный народъ, несмотря на то, что постоянныя войны и превратили ихъ какъ бы въ военную націю. Мягкость характера замѣчается искони въ грузинѣ и, быть-можетъ, отчасти объясняется стародавними сношеніями Грузіи съ греческою цивилизаціей.

Стоитъ познакомиться съ знаменитымъ кодексомъ грузинскаго царя Вахтанга VI, составленнаго до 1709 года, когда Вахтангъ былъ правителемъ Грузіи, въ отсутствіе царя

Георгія XI, бывшаго въ Персіи, чтобы понять всю глубину гуманности грузинскаго характера. Въ кодексъ Вахтанга вошли не только законы, обычаи и преданія грузинскаго народа, но составитель изучилъ и ввелъ въ него и законы греческіе, римскіе, еврейскіе и армянскіе.

Не забудемъ, конечно, что кодексъ этотъ относился къ началу XVIII столѣтія, и тѣмъ не менѣе въ немъ сквозитъ необыкновенно гуманное отношеніе къ неприкосновенности человѣческой личности и къ характеру наказаній.

Если сравнить, напримѣръ, угололовные законы царя Вахтанга съ законами европейскихъ государствъ того же періода времени, то перевѣсъ останется на сторонѣ законовъ грузинскаго царя—по мягкости и снисходительности ихъ къ человѣческимъ слабостямъ. Тѣхъ страшныхъ, поражающихъ даже воображеніе, казней, которыми изобиловали прежніе европейскіе кодексы, вовсе не встрѣчается въ грузинскихъ законахъ, *) хотя эти же законы признавали шесть доказательствъ справедливости: первое присягу, второе каленое желѣзо, третье кипятокъ, четвертое поединокъ, пятое свидѣтелей и шестое принятіе грѣха.—Грузины поразительно суевѣрны; можно сказать, что отъ рожденія и до похоронъ на всякій

*] Предисловіе А. Френкеля къ «Сборнику Законовъ грузинскаго царя Вахтанга VI». Тифлисъ 1887 г.

моментъ жизни у грузина найдется какой-нибудь обрядъ, повѣрье или примѣта.

Если неугомонный ребенокъ много капризничаетъ и кричитъ, то къ колыбели привязываютъ ослиное копыто; если женщина стонетъ въ родовыхъ мукахъ, то въ огражденіе новорожденнаго и самой матери, которой угрожаетъ нечистая сила во образѣ змія, подъ голову родильницы кладутъ кинжалъ и шашку, а кровать окружаютъ освященною сѣтью. Особая ночная стража («гамисъ тева») защищаетъ въ теченіе двухъ недѣль и новорожденнаго и мать, стрѣляетъ, шумитъ по ночамъ и отгоняетъ нечистаго.

Въ Великій Четвергъ всѣ вѣдьмы, какъ извѣстно, отправляются на шабашъ верхомъ на кошкахъ на вершину Эльборуса, и каждая порядочная хозяйка въ этотъ день запираетъ свою кошку въ чуланъ или сундукъ. Поэтому въ этотъ день всюду раздается жалобное мяуканье запертыхъ животныхъ. Всѣ двери, окна и, главное, трубы загораживаются шиповникомъ въ формѣ креста. Вѣдьмы не переносятъ этой эмблемы и не рѣшаются перешагнуть черезъ нее. Костры разводятся въ этотъ день во всякой богобоязненной семьѣ, и всѣ отъ мала до велика прыгаютъ черезъ огонь, гарантируя себя тѣмъ отъ чаръ и заговоровъ.

Особенно много суевѣрныхъ примѣтъ сопряжено съ полевыми работами, со сборомъ винограда и пр.

Знатоки считаютъ красоту грузинской женщины неотразимою. Особенно хвалятъ ихъ чарующіе глаза и нѣжный овалъ лица. Но я не поклонникъ глазъ въ видѣ черносливинъ, острыхъ, какъ бритвы, носовъ и бровей въ видѣ двухъ дугъ, точно сдѣланныхъ китайскою тушью, и знаю, что грузинка весьма быстро старится, и тогда, по единогласному свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, становится весьма похожею на вѣдьму, которая уже, конечно, никому нравится не можетъ. Востокъ, очевидно, смотритъ на это дѣло нѣсколько иначе, и искони всѣ мусульманскіе народы, грабившіе и терзавшіе Грузію, смотрѣли на нее какъ на своего рода поставщика живаго товара, въ видѣ гаремныхъ женщинъ и мальчиковъ. Это была своего рода охотничья роща, изъ которой ad libitum таскали красоту и населяли ею гаремы богатыхъ турокъ, персовъ и другихъ восточныхъ лакомокъ.

Сами грузины до того привыкли къ подобному обращенію съ ними, что и сами торговали своими плѣнными и развели у себя въ странѣ такое крѣпостничество, такое рабство, что оно не снилось ни одной странѣ, занимавшейся эксплоатаціей невольниковъ. Все это было уничтожено въ шестидесятыхъ годахъ, когда и въ Россіи окончилось крѣпостное право. Красота грузинки и еврейки по-моему одинакова, что вѣроятно находится въ связи съ историческимъ происхожденіемъ первыхъ отъ послѣднихъ.

Въ этой красотѣ есть для насъ что-то чужое, отталкивающее, не интеллигентное, и кто ищетъ въ женщинѣ подругу, а не только самку, тотъ не удовлетворится этой красотой. Взгляните на портретъ царицы Тамары, повѣшенный въ сѣняхъ Тифлисскаго музея, и вы поймете, какъ намъ дороги наши бѣлокурыя красавицы, съ голубыми глазами, тяжелыми ногами и совсѣмъ инымъ интеллигентнымъ выраженіемъ лица.

Въ Грузіи я впервые познакомился съ тѣмъ, что называется «бурдюкомъ», и, признаюсь, несмотря на всѣ удобства этого аппарата, онъ не завоевалъ моихъ симпатій. Бурдюкъ представляетъ изъ себя цѣлую шкуру козы, теленка, козленка, кабана, быка или буйвола. Выдѣлка шкуры это цѣлая сложная процедура. Кожа съ животнаго снимается цѣликомъ, выворачивая черезъ шею.

Кожу сперва солятъ (смѣсью соли и квасцовъ), потомъ вывернувъ шерстью наружу, выстригаютъ шерсть, намазываютъ ее дегтемъ или нефтью и снова выворачиваютъ. Затѣмъ бурдюкъ сушатъ, задѣлываютъ всѣ отверстія, оставляя одно для налива черезъ него, и посредствомъ особой дудки растягиваютъ весь бурдюкъ, нагнетая въ него воздухъ. Затѣмъ бурдюкъ еще много разъ выполаскивается свѣжею водой, которая уменьшаетъ его природ-

ный и зависящій отъ обработки запахъ. Передъ наливомъ прополаскиваютъ бурдюкъ еще разъ спиртомъ или ромомъ, но и это не устраняетъ вполнѣ свойственнаго ему запаха, а потому хорошіе сорта кахетинскаго вина, особенно сорта, назначаемые къ отправкѣ въ Россію, напримѣръ, вина князя Багратіонъ-Мухранскаго, которыя, какъ говорятъ, выдѣлываются на деньги одного изъ Ротшильдовъ, не знаютъ бурдюка и перевозятся такъ же, какъ и въ Россіи, въ бочкахъ.

Когда нужно налить вина изъ бурдюка, одну изъ ножекъ развязываютъ и затѣмъ, по мѣрѣ расхода вина, перетягиваютъ шнуркомъ все выше и выше, чтобы воздухъ не забирался въ бурдюкъ и не окислялъ вина. Въ бурдюкѣ не происходитъ ни утечки, ни усушки, вино не нагрѣвается и не окисаетъ, но самъ бурдюкъ для непривычнаго глаза всегда остается чѣмъ-то невкуснымъ и неопрятнымъ. Есть маленькіе бурдючки, которые вмѣщаютъ въ себѣ не болѣе ведра вина, тогда какъ буйволовый бурдюкъ содержитъ въ себѣ до 1.200 бутылокъ.

При перевозкѣ по горамъ бурдюкъ, конечно, вещь незамѣнимая, но, съ проведеніемъ на Кавказѣ хорошихъ путей сообщенія, бурдюкъ несомнѣнно исчезнетъ и замѣниться обыкновенною хорошею бочкой, тѣмъ болѣе нужной для кавказскаго винодѣлія, что оно значительно страдаетъ отъ ароматизированія вина специфическимъ бурдючнымъ запахомъ.

Вина кахетинскія на мѣстѣ баснословно дешевы: хорошее вино можно имѣть отъ 12 до 20 коп. за бутылку, такъ что за арбу вина, вмѣщающую 2.000 бутылокъ, нужно отдать отъ 240 до 400 рублей. Но есть вина, которыя вдвое даже втрое дешевле этого и все же еще очень вкусны.

Въ самомъ сердцѣ Кахетіи, въ знаменитой Алозанской долинѣ, цѣны на виноградники стоятъ еще очень умѣренныя: не выше 800—1.000 р. за десятину хорошо воздѣланнаго виноградника, и кому знакомы бѣшенныя крымскія цѣны на этотъ предметъ, тотъ пойметъ, какъ это дешево. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ кахетинское винодѣліе не ушло далѣе самыхъ примитивныхъ, чисто библейскихъ пріемовъ. Старикъ Ной является чуть не прототипомъ современнаго грузинскаго винорадаря. Для храненія вина до сихъ поръ никто не имѣетъ сколько-нибудь благоустроенныхъ погребовъ. И по-днесь вино, какъ и въ сѣдую старину, хранятъ въ колоссальныхъ глиняныхъ кувшинахъ (квеври), которые зарываются въ землѣ. Есть кувшины чудовищной величины, вмѣщающіе по 5 и даже по 8 тысячъ бутылокъ вина. Такой кувшинъ откупориваютъ лишь въ томъ случаѣ, если имѣется покупатель на все количество содержащагося въ немъ вина; въ противномъ случаѣ, если

взять изъ кувшина только часть его содержимаго, то остальное можетъ скиснуть; да и вообще храненіе вина въ такихъ кувшинахъ крайне нераціонально и непрактично: вино легко перегрѣвается въ нихъ и окисаетъ.

Не забудемъ, что въ одной только Кахетіи считается нынѣ 35.000 десятинъ винограда, то-есть почти въ $3^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ Ялтинскомъ уѣздѣ. Въ среднемъ каждая десятина приноситъ около 57 ведеръ, что еще очень много, если принять во вниманіе низкую вообще урожайность кавказскихъ виноградниковъ, благодаря плохому уходу за ними, что зависитъ отъ невѣжества населенія, лѣни и недостатка средствъ.

Не малый уронъ терпятъ также здѣсь виноградники отъ различныхъ грибныхъ болѣзней самой лозы—этого Ноева наслѣдія, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ должно поставить всѣмъ извѣстную мильдіу, плѣсень (oidium Tuckeri) и другія (антракнозъ, хлорозъ и т. д.)

Кахетинское вино пьетъ въ Грузіи и старъ, и младъ,—и увѣряютъ что даже дѣти умѣютъ отличать вино, разбавленное водой. Я, впрочемъ, отнюдь не восторгаюсь этою національною особенностью и полагаю, что во всякой странѣ вино не дѣтское дѣло, хотя увѣренъ, что народный характеръ въ странѣ, пьющей вино, лучше, чѣмъ въ странѣ, пьющей водку, а тѣмъ болѣе тянущей пиво, которое дѣлаетъ

человѣка мрачнымъ и придавливаетъ его фантазію.

Есть грузинки, которыя тянутъ кахетинское такъ лихо, что ихъ не перепьетъ никакой пожарный солдатъ; этимъ, впрочемъ, и оканчивается вся равноправность обоихъ половъ въ Грузіи, и въ остальномъ мусульманство наложило неизгладимую печать на положеніе грузинской женщины.

Пасанаурская станція вся въ зелени, и каменный двухэтажный домикъ ея весь утонулъ въ тѣни черешенъ, персиковыхъ и другихъ не обычныхъ для сѣверянина деревьевъ.

Не доѣзжая станціи, близъ самаго шоссе выстроена крошечная церковь въ русско-византійскомъ стилѣ, вся сплошь затянутая тоже зеленью. Общій ансамбль напоминаетъ хорошенькую дачку въ горахъ; все вокругъ зелено, уютно и чистенько. Тутъ же пріютился и изящный, чисто дачный домикъ мѣстнаго начальника дистанціи; домикъ тоже весь въ зелени, а сзади шумитъ немолчная Арагва, получающая здѣсь подкрѣпленіе отъ Черной Арагвы, которая уже дальше катитъ свои волны вмѣстѣ съ Бѣлою Арагвой.

Отъ Пасанаура къ слѣдущей станціи Ананура и далѣе къ Душету дорога все еще очень живописна, но характеръ ея сильно измѣняется, горы отступаютъ на второй планъ, появляются ровныя пространства, и мѣстность вся сплошь раздѣлана подъ разнаго рода хлѣба. Во время

нашего проѣзда хлѣбъ не вездѣ еще былъ убранъ съ полей; во многихъ мѣстахъ ячмень и пшеница стояли въ копнахъ или даже не сжатыми, мѣстами шла дѣятельная пахотьба, причемъ громадные, тяжелые плуги, запряженные по 16—20 воловъ или буйволовъ, чуть не на аршинъ разворачивали темную, плодородную землю. Возлѣ каждаго плуга суетится по 5—6 человѣкъ грузинъ: картина совсѣмъ не похожая на мрачную Осетію съ ея крошечною, игрушечною сохой, запряженной такими же маленкими, игрушечными быками.

Въ 20-хъ годахъ въ Ананурѣ русское правительство устроило карантинъ въ защиту Грузіи отъ чумы, свирѣпствовавшей на Сѣверномъ Кавказѣ; съ тѣхъ поръ это селеніе обзавелось кучей построекъ, которыя и теперь еще придаютъ Анануру видъ небольшаго городка. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи сохранились остатки древней крѣпости, въ которой проживали эриставы, то-есть помѣщики арагвскіе. Въ старину эта крѣпость, съ двумя церквами внутри, играла не малую роль, и въ годины бѣдствій и смутъ, переживаемыхъ Грузіей, не разъ грузинскіе цари находили спасеніе и пріютъ за толстыми стѣнами Ананурскаго укрѣпленія. Ананурскіе эриставы *)

*] Титулъ эриставъ (намѣстникъ) создалъ въ грузіи многочисленную фамилію князей Эристовыхъ. Эта фамилія весьма часто встрѣчается въ Грузіи въ разныхъ закоулкахъ страны.

считались одними изъ важнѣйшихъ феодаловъ древней Грузіи, которые не только отражали нападеніе мусульманъ, но были въ постоянной враждѣ съ другими грузинскими намѣстниками и съ грузинскими царями. Борьба ксанскихъ эриставовъ съ арагвскими извѣстна даже исторіи, и знаменитый Дюма-отецъ въ своемъ «Le Caucase» разсказываетъ такой кровавый этюдъ изъ исторіи этого свирѣпаго времени.

Однажды, когда эриставомъ ксанскимъ былъ Шамше (1735 года), а арагвскимъ Георгій, и эти князья, по обычаю, были въ сильной ссорѣ—исторія Монтеки и Капулети на Кавказѣ повторялась очень часто—произошелъ такой случай. Одна изъ сестеръ Шамше—молодая красивая княжна, проѣзжая мимо Ананура, была схвачена братомъ ананурскаго эристава, насильно увезена въ крѣпость и «une heure après, говоритъ Дюма,—le caleçon dechirè de la pauvre princesse flottait sur le fort en manière d'etandart». Очевидно съ княжной поступили очень грубо, «car», продолжаетъ далѣе Дюма, «lorsqu'elle rentra chez elle sans caleçon, l'eristaw de Ksani fit le serment d'exterminer, depuis le premier jusqu'au dernier tous les eristaws de l'Aragwi». И эриставъ ксанскій сдержалъ свою клятву. Призвавъ на помощь Лезгинъ, онъ взялъ штурмомъ Анануръ и разрушилъ всю крѣпость, разграбивъ всѣ храмы. Цѣлы остались однѣ только

стѣны. Всѣ образа были изуродованы, вся церковная утварь также; во всѣхъ образахъ были выколоты глаза, мужчины и женщины перебиты и сожжены, и уведена въ плѣнъ только одна жена Ананурскаго эристава. Семья погибшаго эристава и онъ самъ похоронены тутъ же въ одной изъ церквей. *) Мы не пошли осматривать развалины крѣпости и покатили дальше къ Душету, оставивъ въ сторонѣ долину Арагвы.

Вся мѣстность отъ Ананура до Душета чрезвычайно холмиста и эффектна. Отъ Ананура до Душета по прямому пути считается не болѣе шести, семи верстъ; почтовая же дорога благодаря холмистости, дѣлаетъ такія извилины, что ѣхать приходится цѣлыхъ двадцать верстъ. Когда мы выѣхали съ Ананурской почтовой станціи, то вскорѣ обогнали какого-то человѣка, обратившаго на себя наше вниманіе своимъ костюмомъ, необычнымъ для встрѣчающихся на Военно-грузинской дорогѣ путниковъ. Человѣкъ былъ одѣтъ въ черную пару и, помахивая тросточкой, бодро и быстро подвигался впередъ пѣшкомъ по тропинкѣ, извивавшейся въ этомъ мѣстѣ близъ самаго шоссе.

*] Церковь эту относятъ къ первымъ временамъ христіанства въ Грузіи [IV вѣкъ], и для археологовъ она несомнѣнно представляетъ большой интересъ. Другая церковь, въ которой и понынѣ совершаютъ богослуженіе, выстроена гораздо позже, именно въ XV вѣкѣ.

Мы заинтересовались такимъ путешественникомъ и шутя порѣшили, что это долженъ быть какой-нибудь странствующій актеръ, пробирающійся, по недостатку средствъ, по образу пѣшаго хожденія. Но каково же было наше изумленіе, когда, пріѣхавъ въ Душетъ и усѣвшись обѣдать, мы въ прислуживавшемъ намъ лакеѣ узнали нашего путешественника. Мнимый актеръ, оказавшійся скороходомъ, еще весь красный отъ скорой ходьбы, объяснилъ намъ, что онъ шелъ напрямки, горной тропинкой, которая чуть ли не втрое сокращаетъ путь и дала ему возможность обогнать нашъ почтовый четверикъ.

Дѣйствительно, грузины замѣчательные ходоки; разсказываютъ, что въ послѣднюю поѣздку нашего Государя на Кавказъ (1888 года) былъ назначенъ смотръ гдѣ-то въ 75 верстахъ отъ Тіонетъ, гдѣ ночевалъ Государь, и вотъ первая и вторая пѣшія грузинскія дружины за ночь изъ Тіонетъ двинулись къ мѣсту смотра и поспѣли туда раньше пріѣзда Государя. Говорятъ, что было велѣно занести этотъ форсированный переходъ въ лѣтописи полка. Въ минувшую компанію тѣ же дружины вели себя настолько образцово и доблестно, что заслужили себѣ серебряныя трубы и Георгіевскія знамена.

На половинѣ дороги отъ Ананура виднѣется большое красивое озеро Лимасъ. По преданію нѣкогда здѣсь стоялъ городъ Душетъ,

но послѣ землетрясенія на мѣстѣ города появилось озеро, а городъ исчезъ въ синихъ въ его волнахъ. Нынѣшній городъ остается въ двухъ верстахъ въ сторонѣ отъ Душетской станціи и издали, въ бинокль, имѣетъ очень привѣтливый чистенькій видъ, благодаря бѣлымъ стѣнамъ своихъ домиковъ. Однако холера заглянула и въ Душетъ, и въ день нашего пріѣзда здѣсь умерло трое отъ этой болѣзни.

Нѣкогда Душетъ служилъ мѣстопребываніемъ для арагвскихъ эриставовъ, которые, проживая въ этомъ городѣ, лишь во время войнъ отсиживались въ Ананурской крѣпости. Особенно пострадалъ Душетъ въ 1688 г. во время междуусобной войны; сами грузины не оставили въ немъ тогда камня на камнѣ, и потому отъ древняго Душета имѣется въ городѣ лишь нѣсколько каменныхъ развалинъ,— и съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія онъ занесенъ въ число русскихъ уѣздныхъ городовъ.

Увѣряютъ, что до сихъ поръ въ одну изъ часовенъ, близъ Душета, въ храмовой праздникъ приносятъ драгоцѣнныя иконы времени царицы Тамары.

Муравьевъ въ своей книгѣ *Грузія и Арменія* разсказываетъ, что для храненія этихъ иконъ «приставлены особенные деканозы», которые наканунѣ праздника «съ величайшею тайной извлекаютъ святыни изъ подземелья, ибо сами связаны страшною клятвой. Тотъ, кто мнѣ это

сказывалъ, старался разспросить у нетрезваго деканоза, гдѣ хранится завѣтняя святыня. Когда вино развязало ему языкъ, онъ сказалъ, что для достиженія тайнаго склепа надобно спуститься сквозь тѣсный проходъ изъ одной пещеры въ другую верхомъ по скользскому бревну и тамъ отвалить камень, лежащій надъ ямой, но никакъ не согласился указать въ горахъ устье первой пещеры. Народъ едва не побилъ камнями пытливаго посѣтителя сельскаго праздника за то, что онъ хотѣхлъ списать древнія надписи съ иконъ. Вотъ до какой степени онѣ недоступны образованному міру».

Возлѣ Душетской почтовой станціи стоитъ громадная каменная усадьба-крѣпость нѣкоего Чиляева. Крѣпость эта выстроена въ двадцатыхъ годахъ, но, пожалуй, и тогда уже не было никакай надобности въ постройкѣ подобнаго рода. Живетъ ли теперь кто-нибудь въ этомъ замкѣ, я такъ и не могъ дознаться.

За Душетомъ начинаются виноградники и персиковые сады, и мы несмотря на холеру, закупили тутъ же на дорогѣ у какого-то сморщеннаго старика-грузина цѣлую корзину персиковъ за пятиалтынный. Персики оказались незрѣлыми и кислыми, хотя на видъ и были великолѣпны. За душетомъ же поворотъ въ долину Мухрана, считающуюся центромъ Карталинскаго винодѣлія, которое, какъ мы упоминали выше, совершенствуется теперь якобы на еврейскія денежки.

Какъ извѣстно съ А. С. Пушкинымъ именно въ Душетѣ произошелъ довольно комичный инцидентъ, разсказанный только недавно въ *Русской Старинѣ*. Во время своей поѣздки по Грузіи и Закакавказью нашъ поэтъ имѣлъ спутниковъ молодаго графа Мусина-Пушкнна, съ которымъ поссорился въ дорогѣ, и такъ какъ экипажъ принадлежалъ Мусину-Пушкину, то поэтъ взялъ свои вещи и отправился пѣшкомъ до первой станціи, которая и была городъ Душетъ.

Придя страшно усталый и измученный въ городъ и не найдя здѣсь ничего кромѣ отвратительнаго грязнаго духана, Пушкинъ рѣшилъ отправиться прямо въ домъ городничаго, твердо разсчитывая найти у него обычное русское гостепріимство. Городничаго не было дома; путешественника встрѣтила ключница и ввела его въ комнаты. Пушкинъ едва добрался до дивана, упалъ, какъ полумертвый, снялъ съ себя платье и въ однихъ кальсонахъ растянулся на диванѣ. По просьбѣ его, ключница подала ему для утоленія жажды стакана два краснаго вина, и онъ уже началъ засыпать.

Внезапно возвращается хозяинъ дома и, узнавъ отъ людей о неизвѣстномъ человѣкѣ, расположившемся въ его гостиной, съ шумомъ и яростію врывается туда и спрашиваетъ у Пушкина, чтѣ онъ за человѣкъ и какъ смѣлъ войти къ нему. Тотъ, преспокойно и не думая одѣваться, разсказываетъ ему все, какъ случилось, и проситъ извиненія въ своей смѣлости и нецеремонности.

Городничій, не внимая ничему, требуетъ, чтобъ онъ въ ту же минуту оставилъ домъ, грозя въ противномъ случаѣ вывести незванаго гостя. Тутъ уже Пушкинъ рѣшился объявить ему свое имя, надѣясь, что ужь это, конечно, измѣнитъ дѣло.

Каково же было его замѣшательство, когда городничій не измѣняя своего тона, объявилъ ему, что ему нѣтъ никакого дѣла до Пушкина, и что много ихъ братьевъ-сочинителей таскается тутъ, и что не принимать же ему всякаго. Разумѣетоя, послѣ такихъ словъ Пушкину не оставалось ничего дѣлать, какъ встать и уѣхать.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, Пушкинъ шутя разсказалъ про этотъ случай Геслингу—товарищу поэта по лицею, бывшему въ то время правителемъ канцеляріи военнаго губернатора. Геслингъ послалъ предписаніе душетскому городничему явиться въ Тифлисъ для объясненій по дѣламъ службы. Можно себѣ представить, что было съ бѣдняжкой и какъ ему досталось отъ неумолимой молодежи. Его напоили до-пьяна и заставили просить прощенія у поэта, котораго больше всѣхъ забавляло приключеніе.

Кромѣ персика въ душетскихъ садахъ растутъ розы, орѣхи, миндальное дерево, вишня, слива, словомъ, такая благодать, что для

любителя фруктъ это уже благословенная страна. Однако, вся Карталинская долина, въ которой стоитъ и слѣдующая станція Цилканы, имѣетъ репутацію крайне лихорадочной, а слѣдовательно нездоровой мѣстности.

На серединѣ дороги снова приходится ѣхать Арагвой, съ которой уже не растаешься вплоть до ея слiянiя съ Курой, близъ Мцхета, —тамъ, «гдѣ слились, обнявшись будто двѣ сестры, струи Арагвы и Куры».

Сами Цилканы не представляютъ ничего интереснаго и названіе свое получили отъ большаго селенія, которое лежитъ верстахъ въ пяти отъ станціи. Нѣкогда въ Грузіи была даже особая каѳедра цилканскихъ епископовъ, изъ коихъ первымъ по времени считался Іессей, одинъ изъ числа 13 сирійскихъ отцовъ, переселившихся сюда въ пятомъ вѣкѣ. Отъ Цилканъ до Мцхета дорога идетъ сперва по берегу рѣчки Гартискаръ, а затѣмъ снова долиной Арагвы.

Мцхетъ—древняя и многострадальная столица Грузіи, основанная сыномъ легендарнаго Картлоса — Мцхетосомъ, считающимся праправнукомъ Ноя. И какихъ только воиновъ не видалъ у себя древній Мцхетъ: здѣсь былъ и дикій Скиѳъ, и воины Кира, и солдаты Александра Македонскаго.

Въ многострадальномъ Мцхетѣ безконечныя военныя разграбленія не оставили камня на камнѣ, и отъ древней столицы Иверіи теперь имѣется небольшое дрянненькое поселеньеце. Изъ всѣхъ старинныхъ памятниковъ здѣсь остались лишь два, да и тѣ значительно реставрированы въ позднѣйшія эпохи,—это соборъ двѣнадцати Апостоловъ и Самтаврскій монастырь. Мцхетъ для всякаго грузина такая же святыня, какъ для русскаго богомольца Троице - Сергіевская Лавра или Кіевскія пещеры и ихъ знаменитый монастырь.

Переставъ быть столицей Грузіи, Мцхеты все же остались навсегда первымъ пунктомъ Грузіи по историческимъ и религіознымъ воспоминаніямъ. Здѣсь была первая христіанская часовня, воздвигнутая въ Грузіи, здѣсь жила святая Нина (въ началѣ IV вѣка), здѣсь короновались цѣлыя фаланги грузинскихъ царей, и многіе изъ нихъ нашли вѣчное успокоеніе подъ широкими плитами Мцхетскаго собора. Кромѣ всѣхъ этихъ буйныхъ Давидовъ, Симоновъ и Вахтанговъ, здѣсь же покоятся послѣдніе два царя Грузіи Ираклій II и Георгій XIII, надъ которыми Россія воздвигла богатыя мраморныя усыпальницы. Здѣсь покоится прахъ высшаго грузинскаго духовенства и многихъ великихъ людей націи. Это настоящій Пантеонъ Грузіи. Здѣсь, по преданію, близъ алтаря похороненъ плащъ Св. Иліи, здѣсь же въ золотомъ кувшинчикѣ хранится волосъ Спасителя и капля Его крови и, наконецъ, здѣсь же долгое время хранился

хитонъ Спасителя, купленный послѣ его смерти евреемъ Еліозомъ и подаренный шахъ-Абассомъ (въ XVII столѣтіи) русскому царю Михаилу Өеодоровичу, помѣстившему его въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ сохраняется и понынѣ.

Мцхеты, въ качествѣ нѣкогда грозной пограничной крѣпости Грузіи, конечно, неизмѣримо старѣе всѣхъ своихъ религіозныхъ достопримѣчательностей, и если Мцхетскій соборъ старше нашей Кіевопечерской Лавры на VII вѣковъ, а нашего Успенскаго собора на цѣлыхъ XI вѣковъ, то, что сказать про городъ Мцхеты, который возникъ, повидимому, въ такой сѣдой старинѣ, что возрастъ его считаютъ чуть ли не на 500 лѣтъ старше вѣчнаго города, то-есть Рима. Передъ такой стариной нашъ Кіевъ и Новгородъ просто малыя ребята.

Въ этомъ городѣ кипѣла жизнь ключомъ въ то время, когда не родились еще самые старые народы Европы. Вотъ ужъ гдѣ именно можно сказать sic transit gloria mundi; теперь Мцхетъ даже не городъ, а плохая никуда не годная грузинская деревушка, и если бы не двѣ указанныхъ выше церкви, то тутъ нечего было бы и смотрѣть.

Соборъ двѣнадцати Апостоловъ, какъ я говорилъ, выстроенъ въ IV вѣкѣ первымъ христіанскимъ царемъ Грузіи Миріаномъ; но было бы жестокимъ заблужденіемъ считать теперешній соборъ за памятникъ зодчества IV вѣка: уже въ V вѣкѣ онъ былъ перестроенъ и затѣмъ много разъ былъ разрушаемъ и передѣлываемъ. При Георгіи VI (1318 г.) отъ собора не осталось камня на камнѣ по случаю сильнаго землетрясенія а спустя сто лѣтъ вновь отстроенный храмъ былъ снесенъ съ лица земли свирѣпымъ Тамерланомъ, завладѣвшимъ Грузіей. Теперешній соборъ отстроенъ заново при грузинскомъ царѣ Александрѣ (1440 г.),—правда, по старому плану,—и подвергался значительнымъ передѣлкамъ и въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ общемъ это одна изъ лучшихъ грузинскихъ построекъ типичнаго древне-армяно-грузинскаго стиля, повторяющагося во всѣхъ старинныхъ церковныхъ памятникахъ Грузіи.

Зданіе собора своимъ зеленоватымъ порфиромъ мощно выдѣляется среди окружающихъ его темныхъ сакель; оно давитъ своимъ величіемъ весь аулъ и являетъ собою какъ бы торжественный протестъ противъ ничтожности и банальности окружающей ее обыденной жизни. Въ Грузіи до сихъ поръ сохранилось преданіе, что соборъ двѣнадцати Апостоловъ былъ соединенъ цѣпью съ церковью, выстроенной на горѣ за Курой.

Такою же цѣпью преданіе соединяетъ между собою и другія церкви Грузіи (напримѣръ, Гелатскій монастырь близъ Кутаиса съ церковью Св. Давида); по этимъ цѣпямъ сооб-

щались между собой церкви, и святые монахи обыкновенно на рукахъ перебирались по этой необычайной дорогѣ.

Однажды, говоритъ легенда, по этой цѣпи въ нагорную церковь, гдѣ совершалось богослуженіе, перебирался діаконъ, извѣстный своею набожностью. Это былъ мужъ голубиной невинности и змѣиной мудрости. Творя молитвы и распѣвая священные псалмы, діаконъ добрался до серединѣ цѣпи, и вдругъ какой-то голосъ посовѣтовалъ ему взглянуть внизъ. Благочестивый діаконъ оглянулся и обомлѣлъ: на берегу Куры сидѣла только-что вышедшая изъ воды красавица-монахиня. Это была чудная роза Грузіи, во всемъ блескѣ и прелести этого цвѣтка. Кажется, что

... Ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росою,
Не брызгалъ на подобный станъ;
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела...

Грузинская дѣва была такъ хороша, такъ обольстительна, прекрасна своею сверкающей на солнцѣ наготой, такъ соблазнительно и картинно позировала передъ эквилибрирующимъ діакономъ, что онъ остановился и, затаивъ дыханіе, повисъ на своей трапеціи... И

вдругъ... крахъ!—Цѣпь лопнула, и несчастный діаконъ навсегда скрылся въ быстрыхъ и глубокихъ водахъ Куры... (Филипповъ С.,—Поволжье, Донъ и Кавказъ, стр. 648). Съ тѣхъ поръ отъ цѣпи остались только обрывки.

Почтовая станція находится за Курой въ недалекомъ разстояніи отъ Мцхета; еще дальше, въ сотнѣ шаговъ отъ станціи, расположенъ желѣзнодорожный вокзалъ, такъ какъ Мцхеты стоятъ на линіи «Закавказской желѣзной дороги» (Баку-Тифлисъ-Поти). Дезинфекція пассажировъ и ихъ вещей, ѣдущихъ въ Тифлисъ, производится на вокзалѣ, и мы, не заѣзжая на почтовую станцію, прямо поѣхали на желѣзную дорогу. Главнымъ руководителемъ дезинфекціонныхъ работъ на Мцхетской станціи въ это время былъ д-ръ Пастэръ, извѣстный бактеріологъ состоящій на службѣ въ одной изъ большихъ петербургскихъ больницъ.

Почтенный товарищъ является на станцію раннимъ утромъ и оставляетъ ее позднимъ вечеромъ, и тѣмъ не менѣе всѣ проѣзжающіе ропщутъ на дезинфекцію, недовольны задержкой и съ худо скрываемымъ раздраженіемъ подчиняются требованіямъ врача. Какъ и всегда особенно раздражены и будируютъ интеллигентные и преимущественно чиновные проѣзжающіе. Съ ними просто сладу нѣтъ: каждаго нужно уговаривать и чуть не упрашивать.

Дезинфекція производится слѣдующимъ образомъ. Вещи путешественниковъ, которыя не портятся отъ дѣйствія высокой температуры, особенно же грязное бѣлье, постельныя принадлежности, помѣщаются въ особыя дезинфекціонные цилиндрическіе котлы, обошедшіеся желѣзной дорогѣ по 5.000 р. сер. Котлы эти размѣщены тутъ же, на одномъ концѣ станціонной платформы, возлѣ рельсъ, и наполняются паромъ по кишкѣ отъ локомотива, отданнаго въ распоряженіе дезинфекціоннаго отряда. Внутри котловъ устроена деревянная рѣшетка, дабы мягкія вещи, приходя въ соприкосновеніе съ нагрѣтой до 120—140° Ц. металлическою поверхностью котла, не подвергались сожженію. Такимъ образомъ дезинфекція производилась не текучимъ, а неподвижнымъ паромъ, подъ давленіемъ нѣсколько бо̀льшимъ атмосфернаго.

Въ герметически замкнутыхъ котлахъ вещи оставались около получаса, и все неудобство заключалось въ томъ, что всѣ онѣ сильно промокали, и сушка ихъ требовала не менѣе полутора, двухъ часовъ времени. Вещи, которыя портятся и измѣняются отъ дѣйствія высокой температуры (напримѣръ, шелкъ, мѣхъ, даже кожа и пр.), натурально не помѣщались въ камеру, а дезинфецировались сулемой при помощи пароваго распылителя.

Особенно курьезна была картина, когда Пастэръ дезинфецировалъ грязныхъ аробщиковъ, везущихъ различный товаръ въ Тифлисъ. Этихъ грязныхъ молодцовъ выстраивали цѣлой шеренгой безъ рубахъ и просто вымывали, обдавая массой сулемовой пыли изъ гигантскаго пароваго spray, я. Зажмуривъ глаза, они съ видимымъ удовольствіемъ, особенно въ жару, подвергались этой операціи, доставляющей просто физическое наслажденіе въ странѣ, гдѣ человѣкъ моется зачастую чуть ли всего не два раза въ жизни: одинъ разъ при рожденіи, а другой послѣ смерти. Лохмотья аробщиковъ дезинфецировались особо.

Знакомясь со всей процедурой Мцхетской дезинфекціи, испытавъ на себѣ дѣйствіе исполинскаго spray' я,—мы не замѣтили, какъ совершенно стемнѣло, а между тѣмъ намъ оставалось сдѣлать до Тифлиса на лошадяхъ добрыхъ двадцать верстъ, такъ, какъ поѣздъ отходилъ въ Тифлисъ со Мцхетской станціи только поздно вечеромъ и мы не хотѣли его ожидать такъ долго.

Было совершенно темно, когда мы тронулись въ путь въ нашемъ экипажѣ, который также былъ тщательно вымытъ и продезинфецированъ растворомъ сулемы.

Говорятъ, что переѣздъ отъ Мцхетъ до Тифлиса представляетъ значительный интересъ для археологовъ. Не берусь судить объ этомъ, потому что весь переѣздъ пришлось совершить въ темнотѣ; поднялся вѣтеръ, загремѣлъ громъ, и разыгралась такая гроза, что намъ всѣмъ

пришлось жутко. Яркіе зигзаги молніи по временамъ освѣщали дорогу, и тогда можно было успѣть различить обрывистый берегъ рѣки, по которому извивался нашъ путь, и встрѣчныя вереницы арбъ. Нашъ ямщикъ какъ сумасшедшій оралъ во все горло «хабарда» (берегись), и до сихъ поръ для меня остается загадкой, какимъ образомъ мы въ эту темную ночь никого не только не раздавили, но даже не зацѣпили, хотя, несмотря на мои увѣщанія, ямщикъ немилосердно гналъ своихъ бойкихъ лошадей, и мы неслись точно на крыльяхъ.

Огни Тифлиса показались чуть ли не за десять верстъ, они то скрывались, то снова появлялись и точно дразнили насъ, измученныхъ впечатлѣніями долгаго дня. Наконецъ, вотъ и Верійское предмѣстье, и новая молнія освѣтила намъ знаменитый памятникъ поставленный надъ крутымъ берегомъ рѣчки Веры. Здѣсь въ 1837 году лошади понесли Императора Николая Перваго. Коляска опрокинулась, и Государь только какимъ-то чудомъ остался цѣлъ и невредимъ. Памятникъ — большой гранитный съ металлическимъ крестомъ на верху, на немъ высѣчена слѣдующая знаменательная надпись:

«Живый въ помощи Вышняго
Въ крови Бога небеснаго водворится.»

12 октября 1837 года.

Верійское предмѣстье, особенно ночью, показалось намъ крайне невзрачнымъ и пустыннымъ, и только когда мы выѣхали на Головинскій проспектъ, то насъ обхватило шумное движеніе и жизнь большаго города. Дождь перестала, на улицахъ сильное движеніе, всѣ магазины ярко освѣщены, все вокругъ такъ ново и привлекательно, что мы, забывъ про усталость, высунулись изъ экипажа и съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣли по сторонамъ. Вотъ и неизбѣжная конка, которая портитъ цѣльность впечатлѣнія и своимъ суетливымъ звономъ напоминаетъ оставшуюся позади культуру пріѣвшихся европейскихъ городовъ; еще одинъ поворотъ, снова крутая гора, и наши неугомонные кони маршъ-маршемъ съ трескомъ и грохотомъ подкатили насъ къ подъѣзду лучшей гостиницы Тифлиса, къ «Лондону».

VI.

Тифлисъ, этотъ Азіатскій Теплицъ, считается однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ на свѣтѣ. По-грузински Тифлисъ называется Тбилиси, и, по преданію, городъ возникъ, благодаря случайному открытію здѣсь однимъ грузинскимъ царемъ теплыхъ сѣрныхъ минеральныхъ источниковъ. «Тбилиси» по грузински и означаетъ «теплыя воды». Легенда о приключеніи царя-охотника очень несложна и повторяется съ маленькими варіантами для многихъ заграничныхъ курортовъ съ теплыми водами.

Охотясь какъ-то въ лѣсу, царь ранилъ оленя. Благородное животное, истекая кровью и изнемогая отъ усталости, бросилась къ скрытому у скалъ источнику, и погрузившись въ него, выскочило какъ встрепанное, подобно сказочноау Иванъ Царевичу, окунувшемуся въ кипятокъ. Выскочивъ изъ цѣлебнаго ключа, олень, не замѣчая своей раны, мгновенно исчезъ изъ глазъ изумленнаго охотника. Царь повелѣлъ изслѣдовать горячій ключъ, и,

убѣдившись въ его цѣлебности, приказалъ заложить здѣсь поселеніе, изъ котораго и выросла столица Грузіи, а нынѣ губернскій городъ Тифлисъ.

Тифлисъ много старѣе древнѣйшихъ городовъ русскихъ, и возрастъ его единогласно опредѣляется всѣми историками немало немного какъ въ 1.500 лѣтъ. Грузинская столица перенесена была сюда въ V вѣкѣ по Р. Х. изъ Мцхетъ, и съ тѣхъ поръ вплоть до присоединенія къ Россіи славный городъ какъ бы сконцентрировывалъ въ себѣ всѣ бѣдствія, которыя исторія отвела на долю маленькой Грузіи.

Исторія Тифлиса та же, что и исторія Грузіи. Читая описанія всѣхъ этихъ безконечныхъ и невѣроятныхъ Варфоломѣевскихъ ночей и Вифліемскихъ избіеній младенцевъ, которымъ подвергалась несчастная Грузія и многострадальная ея столица въ теченіе чуть ли не 13 столѣтій подъ-рядъ, нужно удивляться этому фениксу-городу и этому удивительно живучему народу, который чуть не поголовно вырѣзывался разными Абдулъ-Казимами, Джелалъ-Эддинами, Тимурами и тому подобными страшилищами рода человѣческаго.

Никакая чума, никая черная смерть не производила въ Тифлисѣ такихъ ужасовъ, такихъ жестокихъ опустошеній, какъ эти свирѣпыя полчища мусульманъ, у которыхъ какъ бѣльмо на глазу сидѣла маленькая, но стойкая

христіанская столица. За то и никакая чума не оставила въ сердцѣ грузинскаго народа такого ужаснаго воспоминанія, какъ воспоминаніе о кровавыхъ драмахъ борьбы съ исламизмомъ и его безсердечными воинами. Общимъ счетомъ Тифлисъ разрушали 29 разъ, причемъ послѣдній разъ въ 1795 году, т.-е. на порогѣ текущаго столѣтія,—и слѣдовательно должны еще сохраниться если не сами очевидцы этого событія, то, по крайней мѣрѣ, люди, которые помнятъ объ этомъ кровавомъ эпизодѣ изъ разсказовъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся моментовъ былой исторіи Тифлиса заслуживаютъ краткаго перечня.

Еще Тифлисъ не былъ столицей Грузіи, а только отстраивался, какъ Персы разрушили возникающій городокъ, который вновь выстроился и сталъ царской резиденціей лишь въ концѣ V вѣка, когда столица была перенесена изъ Мцхетъ, оставшихся резиденціей для архіепископовъ католиковъ.

И кто только не разорялъ Тифлисъ; въ 7 и 8 вѣкахъ его разрушаютъ Хозары и Греки, въ 8 же сюда являются и Арабы, затѣмъ снова Хозары и опять Арабы, которые владѣютъ столицей Грузіи вплоть до конца X столѣтія, когда грузинскіе цари изъ династіи Багратидовъ отнимаютъ городъ отъ Арабовъ и прогоняютъ ихъ изъ страны. Никакіе ужасы современной войны, никакіе разрывныя пули и

снаряды не могутъ идти въ параллель съ тѣмъ, что творилось въ тѣ отдаленныя свирѣпыя времена. Всѣ потрясающія эпопеи войны, разсказанныя *Золя* въ его «La Debacle» или гр. *Л. Н. Толстымъ* въ его романѣ «Война и миръ», становятся блѣдными игрушками сравнительно съ ужасами того времени, разсказанными безхитростнымъ языкомъ правдиваго лѣтописца. Вотъ какъ описываетъ, напримѣръ, лѣтописецъ взятіе Тифлиса Хозарами и Греками въ 626 году.

Тогда въ Тифлисѣ былъ персидскій намѣстникъ, который, совмѣстно съ мѣстнымъ грузинскимъ княземъ, изображалъ изъ себя верховную власть, такимъ образомъ Хозары и Греки побѣдили соединенныя силы Персовъ и Грузинъ. Стоны и вопли матерей къ дѣтямъ, говоритъ лѣтописецъ, раздавались подобно блеянію многочисленнаго стада овецъ къ ягнятамъ своимъ.

За ними вслѣдъ бросались враги немилосердные, руки ихъ проливали потоки крови, ноги ихъ давили трупы. Когда прервались голоса, вопли и стоны, и когда ни одинъ не остался въ живыхъ, тогда только узнали хищники, что насытились мечи ихъ. Тогда привели двухъ правителей, выкололи имъ глаза, содрали съ нихъ кожу, тѣла потопили, а кожу выдѣлали и, наполнивъ сѣномъ, повѣсили сверху стѣнъ. *)

*) Краткій историческій очеркъ города Тифлиса. Глава XIII, VI тома Сб. свѣдѣній о Кавказѣ. Тифлисъ 1880 г.

Въ 11 вѣкѣ Тифлисъ вырѣзываютъ Турки-Сельджуки, а въ 13-омъ Хоросанскій султанъ Джелалъ-Эддинъ не оставилъ въ немъ камня на камнѣ. По словамъ лѣтописца, нѣтъ словъ, чтобы описать его неистовства, вызванныя тѣмъ, что грузинская царица — знаменитая красавица Русудана отказалась принять руку и сердце этого сына своего времени. «Въ безграничномъ звѣрствѣ своемъ мусульмане истребляли христіанъ до того, что всѣ улицы, овраги и ямы были наполнены убитыми. Большую часть избитыхъ бросали въ рѣку. Этимъ они не удовлетворились. Они изобрѣли другое звѣрство, которое я описать отъ стыда не могу...

Султанъ велѣлъ разломать всѣ церкви до основанія, и дерзость его дошла до того, что онъ велѣлъ снять куполъ съ Сіонскаго храма, устроить на высотѣ храма сѣдалище и для входа туда сдѣлать мостъ длинный, высокій и удобный. Онъ велѣлъ взять иконы Спасителя и Сіонскія Божіея Матери и поставить посрединѣ моста надъ рѣкою. Связанныхъ попарно обоего пола приводили къ мосту, приказывали попирать иконы и отказаться отъ вѣры Христовой и на случай отказа отсѣкать имъ головы. Весьма многіе отказывались отъ поруганія святынь, и мы имѣемъ великое сонмище исповѣдниковъ и мучениковъ, котораго исчислить нельзя: я же полагаю, что ихъ было до 100.000 жертвъ».

Вся Грузія въ это время была такъ опустошена, что не уцѣлѣло ни одного жилища, кромѣ цитаделей и укрѣпленныхъ мѣстъ. Въ 13 и 14 вѣкѣ въ Грузіи начинаютъ хозяйничать Монголы, и когда дикій Тимуръ взялъ Тифлисъ, то буквально не оставилъ въ немъ камня на камнѣ. Разсказываютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ церковь Св. Георгія, рядомъ съ военной гауптвахтой, Тимуръ велѣлъ собрать дѣтей и на гумнахъ, существовавшихъ вокругъ этой мѣсности, пройтись своей дикой кавалеріи.

Съ XV вѣка Тифлисъ опять начинаютъ разорять Персы и мучаютъ несчастный городъ цѣлыя два столѣтія, причемъ городъ то переходитъ въ руки Персовъ, то въ руки грузинскихъ царей, которые тоже не кладутъ охулки на руку и, отвоевывая назадъ свою столицу отъ мусульманъ, уливаютъ ее потоками вражеской и своей крови. Особенно досталось Тифлису при царѣ Теймуразѣ отъ шаха Аббаса I, который, взявъ Тифлисъ, обратилъ обоихъ сыновей царя Теймураза въ евнуховъ, а мать его, за отказъ измѣнить вѣрѣ отцовъ, послѣ жестокихъ пытокъ, подвергъ мученической смерти.

По словамъ мусульманскаго историка Искандеръ-Мунджи, «никогда еще Грузія не испытывала такихъ бѣдствій, какія испытала при шахъ-Аббасѣ». Павшихъ на мѣстѣ онъ

насчитываетъ до 70 тысячъ, а выселенныхъ до 100 тысячъ.

XVII и XVIII вѣка не ослабляютъ изувѣрства Персіянъ, и къ нимъ начинаютъ присоединяться мучительства со стороны Турокъ. Грузинскіе цари становятся настоящими Персіянами. Персидское вліяніе начинаетъ сказываться во всемъ: и въ роскоши, и въ любви къ удовольствіямъ, и въ одеждѣ, и въ музыкѣ. Цѣлый рядъ грузинскихъ царей изъ династіи Багратидовъ (родомъ евреи) совсѣмъ отказывается отъ христіанской вѣры, носитъ мусульманскія имена и утрачиваетъ всякую связь съ обычаями и религіей собственной страны, и только Вахтангъ VI осмѣливается вновь всенародно принять христіанскую вѣру (1722 г.).

Тотчасъ же поднимается рядъ междоусобицъ, которыя оканчиваются полнымъ разграбленіемъ Тифлиса при помощи призванныхъ въ страну Лезгинъ. Вахтангъ, какъ извѣстно, обратился съ просьбой о покровительствѣ къ Петру Великому и даже подъ конецъ со всею семьей переселился къ намъ въ Россію на вѣчное жительство. Обращеніе Вахтанга къ Россіи—своей великой и естественной союзницѣ—составляетъ какъ бы прологъ къ великому событію, совершившемуся въ 1800 году, то-есть къ окончательному сліянію Грузіи въ одно цѣлое съ мощнымъ тѣломъ своей стародавней союзницы. Но, пока совершилось это сліяніе, кромѣ Персовъ, Турки успѣли въ нѣсколько

пріемовъ такъ надругаться надъ несчастною страной, что память объ этомъ хозяйничаньѣ не изсякнетъ никогда изъ души порядочнаго грузина и турецкое имя долго еще съ проклятіемъ будетъ произноситься въ этой странѣ.

Въ послѣдній разъ, именно въ 1795 году, не Турки разорили Тифлисъ, а старые ихъ пріятели Персіяне, которые, подъ предводительствомъ шаха Ага-Магометъ-хана, буквально превратили городъ въ груду развалинъ. Желающихъ познакомиться подробнѣе съ этимъ сравнительно недавнимъ событіемъ отсылаемъ къ превосходному разсказу Дубровина «Разореніе Тифлиса и его окрестностей Ага-Магометъ-ханомъ». Шесть дней Персіяне разоряли Тифлисъ. Неистовства солдатъ хана превосходили всякое вѣроятіе и напоминали ужасы суднаго дня. «Солдаты отнимали у матерей грудныхъ дѣтей, хватали ихъ за ноги и разрубали пополамъ съ одного разу для того, чтобы попробовать, хороши ли ихъ сабли.»

Вся дорога къ лагерю была усѣяна дѣтьми моложе трехлѣтняго возраста, а вся Кура была загромождена трупами. Немудрено, что вслѣдъ за этимъ Тифлисъ пораженъ былъ чумой; но это уже были послѣдніе дни испытаній; близился день окончательнаго присоединенія маленькой Грузіи къ своему богатырю-союзнику, то-есть къ Россіи. «Подъ могучимъ напоромъ великаго единовѣрнаго народа»,—говоритъ Е. Марковъ въ своихъ замѣчательно-

хорошихъ «Очеркахъ Кавказа»—«Грузія теперь сама смѣло двинулась на встрѣчу давившему ее отовсюду азіатскому исламу, слила воедино древнія, разрозненныя части свои, возвратила въ свое лоно Арменію и всѣ предѣлы когда-то обширнаго царства своей славной царицы Тамары, и Тифлисъ, обращенный въ груды окровавленныхъ камней азіатскимъ варваромъ на самомъ порогѣ XIX столѣтія, сталъ въ самое скорое время тѣмъ блестящимъ, богатымъ и цивилизованнымъ Тифлисомъ, какимъ я теперь увидѣлъ его и какимъ онъ могъ сдѣлаться только подъ сѣнію мира и безопасности».

Тифлисъ лежитъ въ глубокой котловинѣ, по стѣнкамъ которой, въ видѣ исполинскаго амфитеатра, раскинулись всѣ городскія постройки. По вечерамъ, когда въ домахъ зажгутся огни, получается зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Огоньки располагаются въ видѣ многоярусныхъ неправильныхъ линій одинъ надъ другимъ и издали напоминаютъ какую-то грандіозную иллюминацію горныхъ скатовъ и вершинъ. Когда мы, пріѣхавъ вечеромъ въ Тифлисъ, вышли на балконъ и увидали эту иллюминацію, то не хотѣли вѣрить, что огни принадлежатъ домамъ, до такой степени фантастично и непривычно для нашего глаза представляющееся зрѣлище. Тифлисъ славится издавна хотя и чисто-азіатскою грязью, но въ общемъ—репутаціей очень здороваго города.

Прежде всего это не настоящая котловина, а скорѣе котелъ, въ которомъ не хватаетъ двухъ кусковъ, двухъ стѣнокъ, вынутыхъ для того, чтобы пропустить Куру. Черезъ одну стѣнку рѣка входитъ въ городъ, черезъ другую она выходитъ изъ него. И это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе въ смыслѣ улучшенія общихъ гигіеническихъ условій города.

Тифлисская котловина, какъ полагаютъ геологи, образовалась на мѣстѣ прежде бывшаго здѣсь озера; почва въ этой котловинѣ крайне сухая, и Кура, прорѣзывающая амфитеатръ города, играетъ роль огромной очистительной трубы, проведенной какъ бы умышленно для стока міазмовъ и нечистотъ городскихъ. Благодаря тому обстоятельству, что Тифлисъ расположенъ амфитеатромъ, даже при бездождіи и при безвѣтріи, весь дурной, а слѣдовательно потому самому тяжелый воздухъ и всѣ міазмы опускаются къ Курѣ, которая пересѣкаетъ весь городъ, и съ нею вмѣстѣ уходятъ изъ Тифлиса.

Дожди всюду и вездѣ благодѣтельны въ дѣлѣ очищенія городскаго воздуха, а въ Тифлисѣ и того болѣе. Благодаря указанному расположенію городскихъ построекъ въ видѣ амфитеатра, дождь быстро очищаетъ городъ, снося въ Куру тѣ матеріалы и всяческие отбросы, которые, лежа на мѣстѣ, конечно, развили бы свою долю міазмовъ. Если къ этому

добавить, что частые въ Тифлисѣ вѣтры идутъ главнымъ образомъ по направленію теченія Куры, то мы поймемъ, сколько здѣсь дано чисто естественныхъ условій, благопріятствующихъ очищенію города отъ вреднаго воздуха, дурныхъ испареній и міазмовъ.'

Тифлисъ лежитъ на одной широтѣ съ Римомъ и Константинополемъ, а между тѣмъ въ немъ далеко не такъ часты случаи лихорадокъ, какъ въ вѣчномъ городѣ и знаменитой столицѣ Оттоманской имперіи. Объясняется это очень простымъ обстоятельствомъ, что, если средняя лѣтняя температура всѣхъ этихъ городовъ и совершенно одинакова (18, 3 R.) за то зима въ Константинополѣ и особенно въ Римѣ гораздо теплѣе Тифлисской. Тогда какъ и въ Римѣ и даже въ Константинополѣ разложеніе органическихъ веществъ совершается и зимою, то-есть круглый годъ, у насъ въ Тифлисѣ, да повсюду на Кавказѣ, зима настолько сурова, что почва хорошо замерзаетъ, и всѣ процессы разложенія въ ней и на ней временно пріостанавливаются. Въ Тифлисѣ нерѣдкость морозъ въ 12 градусовъ,—происшествіе котораго отъ роду не бывало въ Римѣ,—оттого здѣсь отлично культивируется и лихорадка и апельсинъ, а Тифлисъ не имѣетъ ни того, ни другаго. Такимъ образомъ довольно сильные морозы зимой и крайнія засухи лѣтомъ и, что важно, также рѣзкіе переходы отъ зноя къ холоду, все это создаетъ такіе моменты,

которые наблюдаются въ Тифлисѣ чуть ли не въ продолженіе 3/4 года и отнюдь не благопріятствуютъ развитію въ городѣ міазмъ.

Знатоки края увѣряютъ, что въ Тифлисѣ силы самой природы дѣлаютъ такъ много для освобожденія города отъ той кучи разнообразныхъ міазмъ, которыя и наносятся сюда и образуются на мѣстѣ, что искони городъ имѣетъ репутацію весьма здороваго мѣста, хотя и расположенъ въ краѣ, санитарное реноме котораго въ общемъ весьма незавидно.

Люди не прибавили ничего хорошаго къ работѣ самой природы и наоборотъ завалили Тифлисъ образцами такой патріархальной грязи, что онъ не скоро еще способенъ будетъ принять физіономію европейскаго города и долго еще будетъ стоять во главѣ типичныхъ азіатскихъ городовъ нашего отечества. Однако, справедливости ради, отмѣтимъ, что Тифлисъ въ ожиданіи холеры такъ основательно почистился, а когда пришла холера, такъ дѣятельно поилъ и кормилъ своихъ бѣдняковъ, что пострадалъ отъ эпидеміи крайне ничтожно и удостоился получить просьбу отъ главы муниципалитета столицы Европы, то-есть Парижа, сообщить подробно тѣ мѣры, кои приняты были въ городѣ для борьбы съ грознымъ врагомъ. Просьбу эту тифлисскія власти должны повѣсить въ рамкѣ, какъ лучшій аттестатъ, оцѣнивающій ихъ работу на пользу городскихъ обывателей.

Кто-то нашелъ, что въ Тифлисѣ Европа подаетъ руку Азіи. Я совсѣмъ съ этимъ не согласенъ, это чистая Азія, безъ всякой примѣси, да и вообще Европы совсѣмъ не приходится искать въ нашихъ русскихъ городахъ. Я даже готовъ согласиться съ Берне, что въ Россіи нѣтъ ни одного большаго города, и всѣ большіе города похожи на провинціальные. Правда, Берне сказалъ это про Германію, но для Россіи этотъ афоризмъ имѣетъ еще большую силу.

Въ первый же день я осмотрѣлъ пол-Тифлиса. Рѣка Кура, какъ мы уже сказали, дѣлитъ его на двѣ части. По правую руку идетъ предмѣстье Вера, черезъ которое мы совершили свой въѣздъ въ городъ, затѣмъ Мтацминда съ церковью св. Давида, Гаретубани, Сололаки,—кварталъ съ лучшими, на европейскій ладъ домами, почти въ родѣ Сергіевской у насъ въ Петербургѣ, наконецъ Харпухи и Орточалы. Зелень, то-есть виноградные и фруктовые сады имѣются только на Верѣ и въ Орточалахъ, все же остальное голо, сѣро и желто и не имѣетъ ни деревца, ни травки.

На лѣвой сторонѣ Куры лежитъ знаменитый садъ Муштаидъ, старыя и новыя Куки, Чугуреты, Авлобаръ съ Метехскимъ замкомъ, нѣкогда исправлявшимъ обязанности королевскаго жилища, а теперь превращеннымъ по волѣ судебъ въ губернскую тюрьму, и наконецъ, предмѣстье Навтлугъ, слившееся съ городомъ и дающее пріютъ военному госпиталю и разнымъ интендантскимъ складамъ.

Дѣленіе города на азіатскій и европейскій не выдерживаетъ строгой критики. Кромѣ двухъ, трехъ улицъ это все сплошь такая глубокая Азія, такой глубокій Востокъ, что мы поминутно останавливались въ восхищеніи передъ этой древне-азіатской обстановкой. Въ Тифлисѣ, какъ въ одномъ стаканѣ воды, вы видите смѣшанными самые разнообразные элементы восточныхъ народностей: тутъ и Персы, и Грузины, и Армяне, и Татары, наконецъ Русскіе, Мингрельцы, горцы всякаго рода, Турки, Арабы и Богъ вѣсть какія эфіопскія физіономіи и лица.

Такое же смѣшеніе сословій видѣлъ Берне въ Парижѣ: здѣсь также, какъ въ одномъ стаканѣ воды, вы видите смѣшанными всѣ слои гражданскаго общества; они притягиваются другъ къ другу, отталкиваются, волнуются, шумятъ и пѣнятся и въ концѣ-концовъ каждый долженъ отречься отъ своихъ особенностей, и въ свою очередь, усвоить себѣ что-нибудь чужое.

Женщинъ совсѣмъ не видно въ этомъ хаосѣ, а то бы получилась картина, еще болѣе пестрая, еще болѣе оригинальная, а главное гораздо болѣе изящная. Вообще восточная женщина, какъ извѣстно, рѣдко показывается на улицѣ, и въ Тифлисѣ эта особенность рѣзко бросается въ глаза. Можно подумать, что

все населеніе состоитъ изъ однихъ мужчинъ.

На улицѣ встрѣчаются европейскія женщины, да старыя уродливыя грузинки съ неизбѣжными двумя локонами, напоминающими жидовскіе пейсы, возлѣ ушей. Хорошенькія грузинки и другія красавицы Востока куда-то такъ запрятаны, что мнѣ не удалось полюбоваться и кончикомъ ихъ носа, а казалось бы русскіе должны были сумѣть разрушить древнюю азіатскую патріархальность нравовъ и скинуть совсѣмъ чадру съ восточной женщины.

Конечно, все дѣло случая, и если я на порогѣ XX столѣтія не имѣлъ возможности лицезрѣть восточную красоту, за то другіе туристы были гораздо меня счастливѣе. Въ какія времена былъ Пушкинъ въ Тифлисѣ, да и то ему удалось зайти въ бани осмотрѣть случайно, конечно, цѣлую коллекцію восточныхъ женщинъ и даже au naturel.

«Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе не одѣтыхъ, сидя и стоя, раздѣвались и одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ; я остановился.

«Пойдемъ, пойдемъ! сказалъ мнѣ хозяинъ. —сегодня вторникъ, женскій день. Ничего не бѣда!.. Конечно, не бѣда, отвѣтилъ я ему.— Напротивъ.»

«Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться

и разговаривать между собой. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрою; ни одна не перестала раздѣваться. Казалося я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны. За то не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ: это вѣдьма. (Изъ путешествія въ Арзрумъ.)»

За то иностранцевъ мнѣ удалось видѣть въ Тифлисѣ великое множество. Тутъ развелись цѣлые колоніи Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ. Особенно много Нѣмцевъ. Извѣстно, что «чужіе края» это истинное отечество Нѣмцевъ, гдѣ они пользуются всѣми правами гражданства и не знаютъ никакихъ его обязательствъ. Нѣмцы перенесли за собою въ Тифлисъ дрянное пиво и шумныя кегли; Французы—кондитерскія, кафе, модныя мастерскія и парикмахерскія. «Любовь изобрѣла почту, а торговля пользуется ею,» но Французы и Нѣмцы, эксплуатируя по своему нашъ Востокъ, далеки отъ дидактической дружбы. Востокъ и благодѣтельствующіе его иностранцы говорятъ пока на разныхъ языкахъ, и сознаюсь, что я очень не высокаго мнѣнія объ ихъ взаимной дружбѣ.

Но не одни кафе и «биргале» развели здѣсь понаѣхавшіе иностранцы: не мало имѣется теперь уже здѣсь всевозможныхъ «Компаній,» которыя эксплуатируютъ естественныя богатства страны. Многія имѣнія грузинскаго дворянства перешли въ руки этихъ

«Компаній»; таковы огромныя имѣнія князей Шервашидзе, князей Тагіевыхъ, у коихъ земли славятся залежами фарфоровой глины, и пр. А предпріятія иностранца Ротшильда съ кавказскимъ винодѣліемъ и кавказской нефтью извѣстны всякому.

Что стоитъ попробовать въ Тифлисѣ, такъ это азіатскую кухню. Особенно понравились мнѣ персидскія кушанья. Персы—эти гордые нѣкогда властители Тифлиса и Грузіи—играютъ здѣсь теперь чуть ли не роль вьючнаго скота, исполняющаго всѣ наиболѣе черныя и тяжелыя работы городскаго поденщика и чернорабочаго. Изъ «вкусныхъ» профессій за ними осталась только одна—кормить базарную толпу въ своихъ аппетитныхъ, чистенькихъ на свой ладъ кухонькахъ.

По случаю холеры эти кухни особенно прибрались и, проходя въ 12 часовъ по Армянскому базару, я ни разу не могъ устоять, чтобы не испробовать персидскаго варева изъ большихъ оловянныхъ кострюль, вмазанныхъ въ печь и распространяющихъ по всему базару особое пикантное благоуханіе. Обстановка персидскихъ кухонь самая элементарная; въ рѣдкой изъ нихъ имѣется даже особая комната, гдѣ бы посѣтитель могъ присѣсть и отдохнуть, и всѣ изготовленныя здѣсь вкусныя вещи истребляются или стоя или просто чуть не находу. Изъ персидскихъ блюдъ назову кебабъ и пловъ или пилавъ. Кебабъ это рубленая на тонкіе ломтики баранина, вываленная въ мукѣ и посыпанная лукомъ или барбарисомъ. Получается нѣчто въ родѣ лепешки, которую слегка поджариваютъ на салѣ, какъ шашлыкъ на вертелѣ.

Пловъ извѣстенъ каждой хозяйкѣ, но вкусный пилавъ умѣютъ приготовлять только азіаты. Въ уличныхъ кухняхъ пилавъ изготовляется изъ обрѣзковъ баранины и хорошо промасленнаго жаренаго, непремѣнно жаренаго, а не варенаго, риса. Искусство поджарить рисъ и толково его промаслить (въ уличной кухнѣ просалить) и даетъ весь вкусъ пилаву.

Извѣстно, что у насъ, въ Россіи, особенно простой народъ, совсѣмъ почти не знаетъ и не ѣстъ риса, и это обстоятельство, главнымъ образомъ, объясняется тѣмъ, что мы не умѣемъ ни жарить, ни тѣмъ болѣе варить рисъ, то есть не умѣемъ обращаться съ этимъ веществомъ, изъ котораго персы, китайцы и японцы умѣютъ приготовлять такія вкусныя блюда.

Изъ европейскихъ народовъ только итальянцы и въ частности миланцы умѣютъ обращаться съ рисомъ, изготовляя изъ него знаменитое «ризото», отвѣдавъ котораго можно легко обратиться въ вегетеріанскую вѣру. Въ обѣденный часъ персидскія базарныя кухни просто осаждаются толпой проголодавшагося люда. Всѣ предварительно запасаются или горячимъ, тутъ же испеченнымъ, пшеничнымъ чурекомъ или тонкимъ, какъ блинъ, громаднымъ

левашемъ, которымъ не только заѣдаютъ душистый кебабъ, но утираютъ какъ салфеткой засаленые губы, усы и пальцы.

На базарѣ всѣ обходятся безъ вилокъ и ножей, и тотъ же левашъ служитъ въ одно и то же время и въ качествѣ салфетки и въ качествѣ обертки для относимаго домой кебаба или пилава. Вонъ темнобронзовый, босоногій, съ открытою черной грудью персіянинъ-носильщикъ или какъ ихъ здѣсь называютъ *муши* съ изсиня темной бритой головой набралъ себѣ цѣлую горсточку жирнаго кебаба и съ блаженной улыбкой на потномъ лицѣ медленно обсасываетъ свои засалившіеся желтые пальцы. Онъ и стоитъ такъ, какъ будто еще у него на спинѣ лежитъ громадная тяжесть, весь перегнулся впередъ, разставилъ могучія ноги и не разстается даже теперь съ эмблемой своей профессіи—особой трехгранной подушкой набитой шерстью, которая помѣщается на спинѣ.

Для тифлисскаго муши эта подушка играетъ ту же роль, что крюкъ для нашего крючника. «Муши» и нашъ крючникъ родные братья, которые носятъ на своихъ спинахъ черезъ весь городъ цѣлые дома и во всякомъ случаѣ баснословныя тяжести. Рядомъ съ муши расположился тифлисскій водовозъ или *тулухча*. Въ рукахъ у него исполинскій горячій левашъ и какое-то жидкое варево въ мискѣ, которое онъ, очевидно, думаетъ истребить

дома. Тутъ же покорно остановилась его небольшая лошадка, вся закрытая большими, черными, кожаными мѣшками съ длинными завороченными кверху и завязанными рукавами. Мѣшки эти наполнены водой, которая выглядитъ крайне неаппетитно въ своихъ кожаныхъ вмѣстилищахъ, и тифлисцы съ радостью привѣтствуютъ открытіе у нихъ водопровода съ родниковою водой, который упразднитъ и грязную воду Куры, и живописныхъ тулухчей съ ихъ непривлекательными черными «тулухами,» кожаными ведрами и всей ихъ неопрятной обстановкой.

Вонъ цѣлая компанія свирѣпыхъ татаръ въ чудовищно-громадныхъ шапкахъ, съ которыми они не разстаются въ самую сильную жару, расположились прямо на улицѣ, поджавъ ноги вокругъ огромной дымящейся миски съ пловомъ, и съ самымъ невозмутимымъ, серьезнымъ видомъ макаютъ пальцы въ общее блюдо. У каждаго подъ мышкой по огромному ломтю чурека. Это копачи, которые работаютъ тутъ гдѣ-то неподалеку, и только лохматые папахи придаютъ имъ такой грозный видъ. Масса народа тащитъ себѣ по домамъ миски съ различными супами, соусами со всѣми этими душистыми соцеви и чихи, у многихъ въ рукахъ зелень, фрукты; оборванные мальчишки снуютъ тутъ же и чуть-чуть при мнѣ не сшибли съ ногъ пузатаго, откормленнаго, съ необыкновенно важнымъ видомъ армянина;

торговцы всякой всячиной, знаменитые тифлисскіе «кинто», надрываются изо всѣхъ силъ, расхваливая высокимъ гортаннымъ голосомъ свой уличный товаръ; надъ всѣмъ базаромъ стоитъ такой непринужденный гамъ, шумъ и визгъ, что непривычный человѣкъ можетъ не на шутку перепугаться и вообразить, что здѣсь кого-то рѣжутъ или по крайней мѣрѣ грабятъ.

Брюхо Тифлиса шумитъ самымъ отчаяннымъ образомъ; кажется, стонъ стоитъ надъ всѣмъ городомъ, точно его берутъ приступомъ непріятели. Недостаетъ только женщинъ и женскихъ голосовъ, чтобъ эта картина представила полную физіономію утоляющаго голодъ восточнаго человѣчества. Однако, не слѣдуетъ думать, что пища простыхъ персіянъ также разнообразна, какъ составъ блюдъ въ базарной персидской кухнѣ въ Тифлисѣ.

Простой народъ въ Персіи питается крайне однообразно и скудно, и всѣ эти вкусные кебабы да шашлыки извѣстны имъ больше по наслышкѣ, такъ какъ лакомиться ими приходится лишь по большимъ праздникамъ да въ особо торжественныхъ случаяхъ. Простые персюки такіе же вегетеріанцы по-неволѣ, какъ и нашъ русскій крестьянинъ, съ тою лишь разницею, что для одного природа доставляетъ какъ подспорье къ хлѣбу финики, виноградъ, персики и грецкіе орѣхи, а для другаго волнухи, сыроѣжки, да опенки.

Не малое число тифлисскихъ извощиковъ

рекрутируется изъ русскихъ сектантовъ, преимущественно молоканъ, но нерѣдко на козлахъ засѣдаетъ такая азіатская бестія, что обясниться съ ней нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Кричишь «на право», а онъ поворачиваетъ налѣво, просишь ѣхать «тише», а онъ начинаетъ гнать лошадей вскачь, чуть ли не во весь махъ.

Но тѣмъ не менѣе, въ общемъ, тифлисскіе извощики производятъ куда лучшее впечатлѣніе, чѣмъ московскіе и петербургскіе «ваньки». Всѣ они крытые, парные, снабжены таксой и куда благообразнѣе своихъ сѣверныхъ да еще столичныхъ коллегъ.

На западной сторонѣ города громаднымъ шатромъ возвышается Мта-Цминда, то-есть «гора святыхъ». На половинѣ горы выстроена церковь въ честь святаго Давида, и такъ какъ въ этихъ странахъ ни одна святыня не обходится безъ легенды, то и объ святомъ отцѣ, построившемъ эту церковь, разсказываютъ слѣдующее преданіе. Одна барышня изъ очень хорошей фамиліи согрѣшила съ однимъ юношей, и когда почувствовала себя въ интересномъ положеніи, то до того растерялась, что обвинила мта-цминдскаго старца Давида въ совращеніи ея съ пути истиннаго. Отшельника привели на судъ, но Господь не позволилъ обвинить невиннаго. Святой отецъ прикоснулся своимъ посохомъ до обманщицы и громко потребовалъ, чтобы ребенокъ назвалъ своего

отца. И вотъ изъ чрева матери раздался голосъ, назвавшій истиннаго обольстителя, и обвинительница тутъ же произвела на свѣтъ кусокъ камня. И до сихъ поръ еще суевѣрныя грузинки стекаются со всей Грузіи въ церковь св. Давида, берутъ кусочки камней съ этой горы и этимъ облегчаютъ свои страданія во время родовъ.

Св. Давидъ, одинъ изъ 13 сирійскихъ отцовъ, считается въ Грузіи не только разрѣшителемъ женскаго безплодія, котораго грузины боятся не менѣе, чѣмъ наши евреи, но и устроителемъ счастливыхъ браковъ, а потому не удивительно, что весь прекрасный полъ въ Грузіи частенько заглядываетъ въ эту горную церковь, которая слышала въ своихъ стѣнахъ много наивныхъ и горячихъ молитвъ.

Мы совершили очень нелегкій подъемъ въ эту церковь пѣшкомъ; впрочемъ, ни одинъ тифлисскій извозчикъ и не берется въѣзжать на эту кручу, хотя дорога, ведущая въ гору, достаточно широка и хорошо утрамбована. По краямъ дороги разставлено множество скамеекъ, которыми мы и пользовались самымъ усерднымъ образомъ. Впрочемъ, на все восхожденіе потребовалось всего лишь около получаса, и съ церковной площадки, висящей на высотѣ 2.400 футовъ надъ уровнемъ моря, открывается чудесная панорама на огромный амфитеатръ Тифлиса, на его мосты, церкви и развалины. Къ сожалѣнію, сѣверная часть го-

рода заслонена отъ взоровъ уступомъ горы и, чтобы увидать Верійское предмѣстье, нужно подняться надъ церковью еще выше до самой вершины Мта-Цминды, подвигъ, на который мы уже не рѣшились изъ-за усталости, хотя подъемъ туда, повидимому, не представляетъ ни малѣйшей трудности, ибо на нашихъ глазахъ сверху чуть не бѣгомъ спустилась навстрѣчу къ намъ цѣлая компанія кадетиковъ тифлисскаго корпуса, и все изрядныхъ малышей и карапузиковъ.

Съ западной стороны церкви въ небольшомъ гротѣ за рѣшеткой покоится прахъ дорогаго для всей Россіи творца *Горе отъ ума*. Грибоѣдовъ былъ женатъ на грузинкѣ, Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе,—этимъ и объясняется, что прахъ знаменитаго русскаго писателя положенъ въ чужой землѣ, далеко отъ родины, которую онъ такъ любилъ и такъ хорошо понималъ. Рядомъ съ нимъ положена и его супруга, пережившая свою потерю на цѣлыхъ 27 лѣтъ и не вышедшая вторично замужъ за этотъ долгій, не только для женщины, періодъ времени. Надъ скромною могильною плитой Грибоѣдова стоитъ плачущая колѣнопреклоненная женская фигура изъ бронзы. Фигура въ позѣ отчаянія обхватила обѣими руками большой металлическій крестъ.

Подошедшій во время нашего осмотра грузинскій священникъ обяснилъ намъ, что фигура лицомъ представляетъ подлинную ко-

пію съ супруги погибшаго писателя и что никакой аллегоріи, никакого намека на плачущую Россію здѣсь искать и видѣть не полагается. Съ трехъ сторонъ гробовая доска украшена золотыми надписями, которыя мы и перенесли въ нашу записную книжку. Вотъ онѣ: *Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 1795 года января 4 дня, умеръ въ Тегеранѣ 1829 г. января 30 дня.—Незабвенному его Нина.—Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя*! И какъ ни поэтиченъ уголокъ, гдѣ покоится прахъ знаменитаго русскаго писателя, намъ сдается, что именно изъ уваженія къ русскому обществу, которое такъ цѣнитъ своего писателя, слѣдовало бы положить его не въ чуждой ему странѣ, а въ милой сердцу Россіи, напримѣръ, въ Москвѣ, которую онъ такъ зналъ и такъ хорошо понималъ.

Изъ-подъ стѣны церковнаго храма въ двухъ мѣстахъ сочится родниковая вода, хотя по правдѣ сказать, одинъ изъ ключей почти совершенно изсякъ, а другой тоже не обиленъ водой и показался намъ не достаточно холоднымъ и мало вкуснымъ. Грузинскія дамы, жаждущія продолженія своего вида, именно и пьютъ эту воду, которая и славится своимъ чудотворнымъ дѣйствіемъ, въ этомъ собственно направленіи.

Несмотря на сентябрь мѣсяцъ, въ Тифлисѣ стояла чисто тропическая жара, которая

изрядно мѣшала совершенію нашихъ пѣшеходныхъ экскурсій по городу. Евгеній Марковъ сравниваетъ городъ Тифлисъ съ громадною каменною сковородой, прикрытой сверху, какъ глухимъ колпакомъ, раскаленнымъ, вѣчно безоблачнымъ, синимъ сводомъ; и дѣйствительно въ Тифлисѣ стоитъ такое пекло, такая геенна огненная, что немудрено, что всѣ зажиточные обыватели выбираются на лѣто въ горы, въ Коджоры, въ Манглисъ, Бѣлый ключъ и Боржомъ.

Въ этомъ году Тифлисъ особенно опустѣлъ, благодаря страху предъ холерой, которая, впрочемъ, почти оставила городъ въ покоѣ и унесла здѣсь едва лишь двѣ три сотни жертвъ, количество вполнѣ ничтожное для такого города, гдѣ по зимамъ набирается не менѣе 200.000 обитателей. Впрочемъ, въ маленькихъ узенькихъ и кривыхъ уличкахъ Тифлиса все же не такъ жарко, какъ на открытыхъ мѣстахъ, и я, несмотря на страшную жару, цѣлые дни, весь мокрый, бродилъ по городу, забирался во всю его трущобную азіатскую дичь и видѣлъ въ немъ много интереснаго. Недаромъ, кажется, Беръ сказалъ, что Россія единственная страна въ мірѣ, гдѣ скучены колоссальныя ботатства по части антропологіи, археологіи и исторіи.

На улицахъ Тифлиса почти не встрѣчается толстяковъ, и по большому чреву и чрезмѣрной упитанности можно безошибочно отгадать

въ обладателѣ этихъ прелестей сына меркантильной Арменіи. Многіе охотно сравниваютъ нелюбимыхъ на Кавказѣ за ихъ торгашескіе инстинкты армянъ съ евреями, но уже во всякомъ случаѣ внѣшняго сходства мы напрасно стали бы искать между этими народностями. Армянинъ не только упитанъ, но скорѣе прямо таки раскормленъ и нерѣдко до неприличія розовъ и свѣжъ. Движенія его плавны, спокойны безъ нервной суетливости, которая такъ непріятно поражаетъ въ отпрыскахъ колѣна Израилева.

Грузина и горца на улицѣ можно прямо узнать по стройности членовъ и необыкновенно тонкой таліи. Дѣйствительно по понятіямъ всякаго горца красивый мужчина долженъ имѣть широкія плечи и тонкую въ рюмочку талію. У Черкесовъ существуетъ даже пѣсня, гдѣ поэтъ, восхваляя мужскую красоту восклицаетъ: его талія такъ тонка, а плечи такъ широки, что когда онъ лежитъ, кошка проходитъ подъ его бокомъ не касаясь таліи.

Антропологи находятъ у всѣхъ кавказскихъ горцевъ на покровахъ живота довольно рѣзкое углубленіе. Окружность живота у нихъ всегда значительно меньше чѣмъ окружность груди. И кто бы подумалъ, что суровое дитя природы, кавказскій горецъ, уродуетъ свой животъ ничуть не меньше европейскихъ барынь, перетягивающихъ талію модною кирасой. Но горецъ корсета не носитъ, а перетягиваетъ

свой животъ болѣе или менѣе затѣйливымъ съ украшеніями ремнемъ. Весьма вѣроятно, что горскій обычай затягивать животъ ремнемъ ведетъ свое начало отъ того хроническаго голоданія, которое испытываетъ постоянно всякій порядочный горецъ. Горецъ всегда голоденъ и наѣдается досыта развѣ только, когда попадаетъ въ гости. Тогда можно и распустить поясъ.

Но шутки въ сторону, впалый и втянутый животъ горцевъ несомнѣнно объясняется не только обычаемъ стягиванія ремнемъ, но и плохимъ по качеству и недостаточнымъ по количеству составомъ его пищи. Наоборотъ, у дикарей Африки и Австраліи, которые отличаются прожорливостью и набиваютъ свое брюхо чѣмъ попало, путешественники и антропологи неоднократно видѣли огромные и дажe отвислые животы, отъ которыхъ съ ужасомъ отвернулся бы всякій горецъ, а тѣмъ болѣе горская дама. Извѣстно, что и наши самоѣды, которые не грѣшатъ по части воздержанія отъ пищи, также имѣютъ большіе животы.

Особенно любилъ я забираться въ Тифлисѣ на его «базары». Ихъ считается два: «армянскій» и «татарскій», или майданъ. Восточный рынокъ удивительно живописенъ, и развѣ только языкъ Флобера могъ бы сдѣлать достойное описаніе этой яркой, необыкновенно подвижной толпы, которая до поздняго вече-

ра снуетъ по узенькимъ уличкамъ армянскаго базара.

Здѣсь вы встрѣтите жителей чуть ли не всего азіятскаго Востока, который высылаетъ сюда всѣхъ своихъ пестрыхъ представителей: тутъ и тихіе, степенные персы съ аршинными барашковыми шапками и такими же аршинными бородами; тутъ и горластые армяне съ красными носами и въ московскихъ картузахъ на головѣ; тутъ и горцы въ своихъ неизбѣжныхъ буркахъ и лохматыхъ, какъ собачья шерсть, папахахъ; тутъ и величественный турокъ въ громадной чалмѣ, и граціозный юркій грузинъ съ тоненькими усиками; тутъ и бритые полуголые татарченки; тутъ и сердитые съ окрашенными бородами и ногтями взрослые татары изъ-подъ Арарата; тутъ и дикіе воинственные лезгины и вѣроломные курды—эти россійскіе баши-бузуки, въ своихъ крайне живописныхъ яркихъ разбойничьихъ костюмахъ; тутъ и верховые казаки на своихъ маленькихъ иноходцахъ съ неизбѣжною нагайкой въ рукѣ и плутоватымъ выраженіемъ быстро бѣгающихъ глазъ; тутъ и россійскій служивый съ запахомъ махорки и печенаго хлѣба и съ парой старыхъ вынесенныхъ для продажи изношенныхъ подметокъ подъ мышкой; тутъ и неуклюжій осетинъ съ небольшимъ круглымъ кускомъ войлока вмѣсто головной покрышки.

Евреевъ и женщинъ совсѣмъ не видно въ этой шумной толпѣ, гдѣ къ реву людей присоединяются дикіе крики ишака—этого умнѣйшаго звѣря Востока, почему-то снабженнаго обидною кличкой осла, скрипъ арбъ, свистки городовыхъ и дикіе вопли извощиковъ, везущихъ на своихъ фаэтонахъ господъ въ теплыя ванны, расположенныя вблизи отъ армянскаго базара *) Продолженіемъ улицъ, но только въ ширину, служатъ безконечныя лавочки, которыя тянутся непрерывною лентой вдоль всего базара. Жизнь бьетъ здѣсь также полнымъ ключомъ, но картины здѣсь ежеминутно смѣняется какъ въ калейдоскопѣ.

И какихъ только лавокъ нѣтъ въ этихъ узенькихъ улицахъ, чѣмъ только не торгуетъ азіятскій базаръ? Тутъ и оружейники, и мѣдники, и сѣдельники, тутъ и винныя лавки, и булочныя, и склады фруктъ, тутъ и кожевенники, и сапожники, портные, брадобрѣи, москательщики, шапочники, тутъ и персидскія кухни и шашлычныя. Все это шумитъ, продаетъ, зазываетъ, пьетъ, ѣстъ, торгуется, работаетъ, моется, брѣется, стрижется, шьетъ, стучитъ,—словомъ, производитъ чуть ли не всѣ функціи жизни, въ открытую, ни мало не стѣсняясь нескромными взорами постороннихъ наблюдателей.

Дальше этого «опрощенія» жизнь уже идти не можетъ: ничего скрытаго, ничего та-

*) Верблюдовъ я не видалъ въ Тифлисѣ ни одного: съ проведеніемъ Тифлисско-Бакинской желѣзной дороги они въ городъ почти не заходятъ.

инственнаго, все явно, все открыто, на виду у всѣхъ, такъ что поневолѣ можно согласиться, что человѣкъ самое общественное животное на цѣломъ свѣтѣ.

Освѣщенъ Тифлисъ премерзко, уличное освѣщеніе до неприличія слабо, и даже близость Баку и его керосиноваго богатства не вывела тифлисцевъ изъ ихъ некультурнаго мрака. Электрическій свѣтъ проникаетъ къ намъ очень туго, и наша азіятская косность играетъ здѣсь, конечно, главную роль. Да, признаюсь, эта темнота какъ нельзя болѣе идетъ къ окружающей обстановкѣ, а то сами согласитесь, съ одной стороны Азія, съ другой электрическое освѣщеніе—это такая дисгармонія, которая буквально рѣзала бы глазъ.

Тифлисцы очень не прочь повеселиться; кромѣ двухъ театровъ у нихъ имѣется безчисленное количество садовъ, напоминающихъ польскія «огрудки». Здѣсь пьютъ мѣстное дешевое вино, ѣдятъ рыбу, до которой грузины большіе охотники, лакомятся орѣхами, миндалемъ, фисташками и виноградомъ и восторгаются музыкой зурны и бубна. Грузинская національная музыка—это верхъ нелѣпости и безвкусія. Нужно имѣть совсѣмъ особыя уши, чтобы восхищаться какофоніей ихъ «сазандаровъ» (пѣвцовъ) и пискомъ визгливой зурны, имѣющей въ своемъ распоряженіи двѣ, много три ноты. Я не большой поклонникъ цыганскаго пѣнія, но цыгане на столько же музыкальнѣе грузинъ, на сколько оркестріонъ у Палкина сложнѣе сопѣлки пастуха.

Грузинская музыка до такой степени дика и лишена всякой гармоніи, что я предпочитаю ей индѣйскій оркестръ, который мнѣ довелось какъ-то услыхать въ Парижѣ въ Jardin d'Acclimatation. То же полное отсутствіе музыкальности, тотъ же нестройный шумъ и громъ, въ которомъ развѣ только особенно счастливо организованное ухо можетъ уловить что-либо музыкальное, какъ можетъ оно уловить «музыку» въ шумѣ колесъ проѣхавшей кареты или проскрипѣвшей арбы. Разсказываютъ же, что Глинка ввелъ въ интродукцію къ *Руслану* стукъ ножей, вилокъ и тарелокъ, поразившій его во время обѣда по случаю бракосочетанія В. К. Маріи Николаевны.

Только парижскіе индѣйцы съ такимъ одушевленіемъ, съ такимъ «brio» колотятъ въ свои барабаны и наяриваютъ въ свои дудки, что могутъ дать двадцать очковъ впередъ меланхолической мелодіи грузинской зурны. Вообще всѣ кавказскія музыкальныя инструменты, какъ и всѣ вообще восточныя измышленія этого рода, скорѣе представляютъ собою орудіе пытки для уха, нежели истинно музыкальный инструментъ.

Отцомъ и родоначальникомъ всѣхъ ихъ является пузатый турецкій барабанъ, затѣмъ идутъ всѣ эти грузинскіе бубны, грузинскія и

курдскія волынки, татарскій кеманъ, глиняные барабаны, называемые димплипито, мингрельскія дудки, бывшія, какъ говорятъ, въ употребленіи у древнихъ грековъ подъ названіемъ syrinx, грузинскіе саламури (родъ трехструнной скрипки) и, наконецъ, верхомъ совершенства является мингрельскій рогъ, горотото, употребляемый для созыва народа во время опасности. Музыкальной фантазіи грузинъ хватило лишь на созданіе залихватской «лезгинки», вся прелесть которой въ огромной мѣрѣ опредѣляется не музыкой, а прищелкиваніемъ рукъ всѣхъ присутствующихъ.

Вся Михайловская улица вплоть до Муштаида раздирается по вечерамъ воплемъ зурны, которой угощаются всѣ эти посѣтители безконечныхъ жиденькихъ садовъ, носящихъ болѣе или менѣе остроумныя названія въ родѣ «Садъ кахетинское время», «Садъ гулянія для золотыхъ гостей», садъ «Ваза» и т. д. Во всѣхъ этихъ садахъ садовъ-то именно и нѣтъ, а есть вино, буфеты и зурна. За то Муштаидскій садъ на концѣ Михайловской улицы очень хорошъ. Здѣсь масса зелени, очень мало публики, много свѣжести и громадныхъ древесныхъ великановъ. Тутъ же въ саду пріютилось роскошное зданіе мѣстной школы шелководства. Садъ содержится весьма неопрятно и составляетъ даръ, принесенный городу богатымъ татариномъ Муштаидомъ, убившимъ на него все свое состояніе.

Изъ числа тифлисскихъ достопримѣчательностей нельзя пройти молчаніемъ «Кавказскаго музея», который, въ общемъ, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ предметовъ, хотя злые языки и увѣряютъ, что онъ «могъ» бы заключать ихъ во сто разъ больше. Музей помѣщается въ просторномъ зданіи, нижній этажъ котораго занятъ четырьмя обширными залами, столько же помѣщается въ верхнемъ этажѣ и еще нѣсколько комнатъ отведено въ мезонинѣ подъ отдѣленіе орнаментовъ и древностей. Въ нижнемъ этажѣ собрана геологія Кавказа и его фауна, на верху этнографія, флора и небольшой этнологическій отдѣлъ.

Особенно хороша и эффектна отдѣлка главнаго входа и лѣстницы. Главный входъ представляетъ собою восьмиугольную постройку со сводами, украшенными богатыми лѣпными украшеніями въ персидскомъ стилѣ съ четырьмя заостренными кверху нишами, изогнутыя вѣтки которыхъ покрыты фацетками. Бѣлые орнаменты весьма эффектно вырисовываются на голубомъ фонѣ. Ниши окрашены нѣсколько темнѣе, а ребра потолка и фацетокъ вызолочены.

Сегменты вогнутыхъ граней покрыты замысловатыми гипсовыми украшеніями и зеркальными стеклышками. Направо отъ входа, на стѣнѣ—золотая надпись «Viribus unitis», а подъ нею портретъ Государя Императора и двѣ панорамы Тифлиса и Военно-Грузинской дороги.

Стѣны лѣстницы покрыты большими фресками, имѣющими сюжетомъ древнія сказанія о Кавказѣ и портреты царя Давида Возобновителя и царицы Тамары. Картины эти исполнены по особому заказу римскимъ художникомъ Зимомъ (въ 1881 году), причемъ живопись выполнена на поверхности, сдѣланной изъ такъ называемой гажи. Особенно удачна картина, изображающая Прометея, прикованнаго къ одной изъ кавказскихъ скалъ и оплакиваемаго океанидами, выплывающими изъ волнъ Понтійскаго моря. Въ картинѣ много воздуха, краски довольно сочны, и лица океанидъ проникнуты неподдѣльнымъ состраданіемъ. За то съ лицомъ Прометея художникъ совсѣмъ не справился. Безсильнаго гнѣва не найдешь въ этихъ чертахъ, искаженныхъ однимъ животнымъ чувствомъ боли, причиняемымъ клювомъ хищной птицы.

Вторая картина, изображающая прибытіе аргонавтовъ въ знойную Колхиду, совсѣмъ не удалась художнику, и ее не скрашиваетъ даже сходство Язона съ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. И волны Фазиса (нынѣ Ріонъ) и кони Аэта, выѣхавшаго на встрѣчу чужеземцамъ, и самая прекрасная Медея, списанная съ одной грузинской княжны, и небо, и тучи, все здѣсь неудачно, безцвѣтно и не колоритно.

Также неудачна и третья картина, на которой изображены Язонъ и Медея въ храмѣ

Гекаты; но за то Ной, сажающій виноградную лозу, очень удался художнику. Фигура праотца человѣчества вышла очень натуральной; вдали виднѣются снѣговыя шапки обоихъ Араратовъ. *Амазонки верхомъ* вышли также болѣе чѣмъ посредственно, лошади выписаны очень плохо, старшая амазонка похожа на вѣдьму, а младшая сидитъ какъ манекенъ на лошади.

Царица Тамара, говорятъ, списана съ оригинала, найденнаго въ Гелатскомъ монастырѣ. Художникъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ не гнался за точною копіей, а создалъ что-нибудь поэтичное, возвышенное, соотвѣтствующее грузинскимъ представленіямъ объ этой геніальной царицѣ.

Замѣчательно, что народная толпа, уважая въ царицѣ Тамарѣ умъ, энергію и талантъ, и преклоняясь предъ душевными качествами другой популярнѣйшей въ Грузіи женщины, Св. Нины, тѣмъ не менѣе держитъ своихъ женщинъ, своихъ женъ и дочерей, своихъ Нинъ и Тамаръ въ черномъ тѣлѣ восточнаго рабства и деспотизма. Вотъ по истинѣ трудная задача для всякаго психолога! Съ одной стороны идеаломъ мудрости и нравственной силы для грузина являются женщины, а съ другой стороны онъ третируетъ всякую женщину, свою собственную подругу, забывая, что онѣ то и создали все то, что онъ почитаетъ великимъ и хорошимъ.

Славная царица изображена во весь ростъ,

но лицо этой грузинской Семирамиды напоминаетъ скорѣе лубочную картину, нежели чувственную фигуру этой истребительницы мужскаго пола.

Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ—коварна и зла.—

А у этой Тамары не только не видно желанья и страсти, не только не замѣтно всесильныхъ чаръ, но видна какая-то расплывчатая улыбка, точно на лицѣ хлыстовской богородицы. Руки какъ-то неестественно подняты, точно она собирается пуститься въ плясъ, что уже совсѣмъ не пристало ни къ ея высокому головному убору, ни къ богатому парчевому одѣянію.

Залы музея набиты биткомъ разными интересными предметами, изъ коихъ отмѣчу кости кита, выброшеннаго въ маѣ 1880 года у береговъ Чернаго моря, близъ Батума. Это несомнѣнно большая рѣдкость для Чернаго моря, и весьма жаль, что имѣющійся скелетъ черноморскаго чудовища на половину не полонъ и разрозненъ.

Изъ Каспійскаго моря въ Куру заходятъ метать икру многія рыбы (стерлядь, севрюга и крупные лососи), и почти всѣ онѣ отлично представлены въ Кавказскомъ музеѣ; особенно поражаетъ своими громадными размѣрами бѣлуга, пойманная у Божьяго Промысла, въ Курѣ. Рыба эта безъ внутренностей вѣсила 35 пудовъ и содержала шесть пудовъ икры,

полный же вѣсъ ея доходилъ до шестидесяти пудовъ.

Очень хороши въ музеѣ картины Айвазовскаго и Мещерскаго. Нашъ извѣстный маринистъ подарилъ музею большое полотно—видъ Петербурга съ Троицкаго моста; картина исполнена съ большимъ мастерствомъ, но въ Кавказскомъ музеѣ она совсѣмъ не умѣстна. Картина Мещерскаго, наоборотъ, даетъ прелестный видъ истоковъ Ріона близъ Чіура и служитъ истиннымъ украшеніемъ мѣстныхъ сокровищъ.

Дендрологическія коллекціи Кавказа очень обширны, но, къ сожалѣнію, не всѣ еще опредѣлены. Интересна часть ствола Темиръ-агача (Parottia persica) изъ Ленкоранской низменности. Дерево это названо въ честь проф. Парото, который *первый* вошелъ на вершину Арарата, гдѣ, по слухамъ, недавно французскимъ туристомъ найдены остатки Ноева ковчега.

Дерево это очень цѣнится на Востокѣ, благодаря желѣзной твердости своей древесины, причемъ, якобы, оно отличается свойствомъ своихъ вѣтвей сростаться при соприкосновеніи, такъ что въ развѣтвленіяхъ и между стволами образуются большія петлеобразныя отверстія. Выставлено также нѣсколько экземпляровъ нашей милой березы съ Малаго Арарата, гдѣ это неприхотливое дерево растетъ довольно густо на высотѣ 9.000 футъ надъ

уровнемъ моря. Любопытенъ, какъ обращикъ игры природы, расколотый кусокъ дерева Carpinus betulus изъ Боржомскаго лѣса съ отпечаткомъ креста по плоскости распила. Крестъ этотъ нѣкогда былъ нарубленъ и впослѣдствіи совершенно заросъ деревомъ. Мистики здѣсь, конечно, нашли бы широкое поле для всякихъ догадокъ и предположеній.

Наконецъ, цѣлая витрина занята выставкой фруктовъ отъ главнѣйшихъ плодовыхъ деревьевъ, разводимыхъ на Кавказѣ. Оказывается между прочимъ, что на Кавказѣ имѣется до 123 различныхъ сортовъ яблокъ, 99 сортовъ грушъ и 29 сортовъ костянковыхъ плодовъ. Вотъ ужъ поистинѣ колоссальное разнообразіе плодовъ земныхъ! Къ сожалѣнію, описаніе къ плодамъ издается какимъ-то Арнольди въ Готѣ съ гарантіей какого-то г. Лукасъ, обитающаго въ Тюрингенѣ. Неужели же въ самомъ дѣлѣ у насъ не нашлось ни одного своего серьезнаго помолога, и нужно было обращаться для этихъ опредѣленій въ Готу и Тюрингенъ?

Директоромъ музея состоитъ д-ръ Г. И. Радде, котораго я не имѣю чести знать лично и потому, судя по одной фамиліи, не въ правѣ заподозрить въ тяготѣніи къ мало симпатичному для русскаго человѣка «Vaterland,у».

Изъ музея я отправился освѣжиться въ пресловутыя тифлисскія бани, описанныя еще великимъ Пушкинымъ. Бани, дѣйствительно,

хороши и освѣжаютъ въ жаркіе лѣтніе дни лучше всякаго рѣчнаго купанья. Тифлисскія бани не топятся, а прямо ведутъ въ свои бассейны горячую сѣрную воду, которая бьетъ ключемъ изъ сосѣдней горы. Температура воды доходитъ до 36 градусовъ, и съ непривычки въ такую воду сѣсть мудрено, не разбавивъ ее предварительно холодною водой.

Ни банные корридоры, ни сами бани не имѣютъ оконъ, а получаютъ дневной свѣтъ изъ особыхъ люковъ въ потолкѣ, затянутыхъ стелкломъ. Раздѣвальная комната довольно просторна, но не безъ азіатской грязцы. Я былъ въ лучшихъ баняхъ извѣстнаго богача Мирзоева и князя Ираклія и вездѣ нашелъ одинаковые порядки. Самая баня состоитъ изъ одной высѣченной изъ бѣлаго мрамора комнаты, съ такимъ же бассейномъ въ формѣ довольно вмѣстительнаго четырехъ-угольнаго ящика. Бассейнъ раздѣленъ перегородкой на двѣ клѣтки, и глубина его доходитъ до плечъ человѣку высокаго роста. Бассейны полны прозрачной, какъ слеза, теплою съ не рѣзкимъ сѣрнымъ запахомъ водой, которая двумя непрерывными струями вливается изъ пасти льва, вдѣланнаго въ стѣну. По правиламъ бань послѣ каждаго посѣтителя бассейнъ опорожняется до дна и наполняется новою водой. Но главное—greatt traction—тифлисской бани это ея персидскіе баньщики.

«Одного изъ такихъ маговъ и волшебниковъ удалось заполучить и мнѣ, и я долженъ

отдать полную справедливость, что по части массажа и всякихъ растираній и истязаній персидскіе баньщики не имѣютъ себѣ соперниковъ.

Персидскій кудесникъ даетъ цѣлое представленіе, причемъ всѣ эволюціи его отличаются такою чисто-акробатскою ловкостью и точною увѣренностью, что въ пріемной комнатѣ развѣшаны фотографическіе снимки со всѣхъ позъ, которыя продѣлываютъ со своею жертвой восточные массажисты. Наши русскіе массажисты и массажистки, съ которыми мнѣ не мало приходилось имѣть дѣла на своемъ вѣку, просто малые ребята сравнительно со своими персидскими коллегами.

Овладѣвъ мною и уложивъ на мраморную скамью, устланную мокрою, грубою простыней, персіянинъ въ какія-нибудь 5 минутъ не только изрубилъ все мое тѣло въ самую отчетливую отбивную котлету, но повывихнулъ и размялъ всѣ мои суставы, расправилъ всѣ косточки и заставилъ даже щелкнуть, къ великому моему ужасу, всѣ суставы моихъ шейныхъ позвонковъ, которые отъ самого рожденія не подозрѣвали даже за собою такой способности.

Мало того, баньщикъ вскочилъ мнѣ на спину и съ граціей и легкостью настоящей сильфиды протанцовалъ какой-то дикій танецъ огнепоклонниковъ на моемъ позвоночномъ столбѣ. И долженъ сознаться, что ни одна изъ этихъ изумительныхъ манипуляцій, которая со стороны, представилась бы пляскою бѣсноватаго, не только не причинила никакого болѣзненнаго ощущенія, но разлила по всему тѣлу чувство безконечной истомы и въ то же время огромной бодрости и свѣжести.

За массажемъ послѣдовало растираніе всего тѣла грубой и жесткой руковицей, а затѣмъ мой Боско окружилъ меня цѣлымъ облакомъ душистой мыльной пѣны, которую онъ съ изумительнымъ искусствомъ выпускалъ изъ длиннаго, тонкаго холстянаго мѣшка. Я увѣренъ, что если бы наши россійскіе доморощенные баньщики, съ вѣчнымъ запахомъ перегорѣлой сивухи изо рта, увидали бы всѣ манипуляціи моего чародѣя, то безповоротно рѣшили бы, что дѣло тутъ не спроста и что безъ участія нечистой силы персіянину врядъ ли удались бы всѣ его штуки. Послѣ мыла еще одинъ прыжокъ въ теплый бассейнъ—и человѣкъ выходитъ изъ бани свѣжимъ какъ хорошее майское утро.

Тифлисъ такъ очаровалъ меня своею оригинальностью, что мнѣ не хотѣлось уѣзжать изъ него и такъ и тянуло подольше насладиться своеобразною жизнью этого быстро растущаго города. Со времени присоединенія Грузіи къ Россіи, народонаселеніе Тифлиса увеличилось чуть не въ десять разъ, съ 20.000

дошло до 200.000, весь городъ перестроился заново, и взамѣнъ старыхъ домишекъ съ земляною плоскою крышей появились домики, крытые желѣзомъ и съ неизбѣжными галлерейками вдоль всякаго этажа, Галлерейки и балкончики вытѣснили и замѣнили собою прежнія крыши, и съ заходомъ солнца на нихъ высыпаетъ отъ мала до велика весь Тифлисъ и, какъ прежде, на крышѣ кейфуетъ здѣсь до поздней ночи.

Тифлисъ ночью, послѣ одуряющей дневной жары, весь точно оживаетъ: со всякаго балкончика несется смѣхъ, шопотъ, бренчанье гитары и тѣ неуловимые таинственные ночные звуки, которые издаетъ всякій крупный городъ, полный жизни, восточной нѣги и обаянія.

Тифлисъ, говорятъ, сдѣлалъ громадные успѣхи въ культурномъ отношеніи за эти 90 лѣтъ. Судите сами: когда Грузія присоединилась къ Россіи, въ ней не было вовсе школъ, и грамотность была такъ слаба среди населенія, что при дворѣ мингрельскаго царя Соломона ни одинъ придворный чинъ не умѣлъ ни писать, да и самъ царь былъ неграмотенъ. Теперь въ Грузіи не мало школъ, въ Тифлисѣ чуть ли не половина армянъ и грузинъ научились русской грамотѣ, и всѣ учебныя заведенія города переполнены туземцами, которые во времена оны, при насажденіи въ

Грузіи первыхъ корней познанія, разбѣгались въ горы и не шли въ русскія школы. Теперь отъ туземцевъ, жаждущихъ вкусить отъ древа познанія, отбоя нѣтъ, и всѣ десять среднихъ учебныхъ заведеній города переполнены учащимися сверхъ всякой мѣры.

Въ Тифлисѣ, кромѣ кадетскаго корпуса, казенной мужской гимназіи, казеннаго реальнаго училища, классической прогимназіи, женской прогимназіи и учительскаго института, процвѣтаютъ четыре частныхъ заведенія съ курсомъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Начальныхъ училищъ и городскихъ школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ имѣется цѣлая серія. Что̀ плохо въ Тифлисѣ, такъ это ея пресса: армянскихъ и грузинскихъ газетъ я не умѣю читать, а русскихъ— не могу — до того онѣ безсодержательны, скудны свѣдѣніями и богаты старыми перепечатками; но это уже общій удѣлъ нашей провинціальной періодической печати, и, конечно, самый Тифлисъ тутъ рѣшительно не причемъ, и причины этого явленія нужно искать въ иномъ мѣстѣ.

Незамѣтно подкрался день отъѣзда изъ Тифлиса; опять нужно приниматься за укладку, опять дальняя дорога, опять станціи, вокзалы, душные вагоны, встрѣчи, пересадки, —вся эта желѣзнодорожная безтолочь, которая такъ сильно утомляетъ путешественника,

но которая все же неизбѣжна, и сердце болѣзненно сжималось не отъ радостнаго чувства свиданія съ забытою Европой, а отъ мучительнаго сознанія, что надолго разстаешься съ оригинальною красавицей—Азіей, въ которой такъ много свѣжаго, нетронутаго и величественнаго.

Отъ Варшавы до Кавказа.

„Ты знаешь-ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ?..“

Миньона.

„Россіи нужна правда.“

С. Аксаковъ.

I.

Весною позапрошлаго года мнѣ удалось впервые посѣтить нашъ знаменитый отечественный курортъ—Кавказскія минеральныя воды. Пришлось сдѣлать большое путешествіе, и отъ нашей крайней западной границы—изъ Варшавы, пересѣчь всю Европейскую Россію, съ крайняго запада переѣхать на крайній югъ.

Варшава еще спала, когда я ѣхалъ на вокзалъ. Спящій городъ похожъ на спящаго человѣка. Есть люди, которые хороши только во снѣ, но для города этотъ афоризмъ не имѣетъ никакого значенія. Улицы, оживленныя людскимъ движеніемъ, скрываютъ всѣ свои непривлекательныя свойства. Изъ-за вѣч-

ной сутолоки варшавскихъ улицъ можно не замѣтить ихъ крайне непривлекательныхъ рейнштоковъ (мощеныя канавки вдоль тротуаровъ для спуска всевозможныхъ нечистотъ), облупленныхъ фасадовъ домовъ и крайне незавидной архитектуры всѣхъ новѣйшихъ построекъ этого большого, но далеко не опрятнаго города. Правда, канализацiя обѣщаетъ городу долголѣтнее и мирное житiе, но пока-то Улита ѣдетъ... въ городѣ сильно разгуливаетъ тифозная эпидемiя, оспа и тому подобныя мерзости.

Недавно постоянный варшавскiй санитарный комитетъ опубликовалъ первый томъ своихъ трудовъ по изученiю санитарнаго благополучiя города Варшавы. Трудъ этотъ, къ сожалѣнiю, остался неизвѣстнымъ большинству русской публики, а между тѣмъ онъ заслуживаетъ сугубаго вниманiя, такъ какъ въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются темныя черты, свойственныя и другимъ большимъ городамъ русскимъ. Варшавскiе санитары на первый разъ раскрыли и обнажили язвы нашего квартирнаго неблагоустройства. Вотъ нѣсколько голыхъ цифръ, взятыхъ нами изъ только-что упомянутыхъ «трудовъ» варшавскаго санитарнаго комитета.

Всѣхъ домовъ въ Варшавѣ считается 4.854, изъ нихъ въ 1.707 оказались подвалы, въ которыхъ проживаетъ почти тридцать тысячъ человѣкъ, то-есть цѣлое населенiе довольно

крупнаго русскаго города. Общее число подвальныхъ квартиръ доходитъ до 5.623, причемъ въ 72% случаевъ квартира состоитъ изъ одной комнаты; подвальныя квартиры въ двѣ комнаты встрѣчаются гораздо рѣже, и, наконецъ, многокомнатныя квартиры въ подвалахъ едва составляютъ 5% общаго числа.

Такимъ образомъ, типичная подвальная квартира состоитъ всего лишь изъ одной комнаты, въ которой жильцамъ приходится и спать, и готовить кушанье, и стирать бѣлье, и работать. За послѣднiя *девять лѣтъ* число подвальныхъ жилищъ въ Варшавѣ не только не уменьшилось, но увеличилось на 27,1%, въ нѣкоторыхъ участкахъ города это увеличенiе дошло до 64%. Одновременно увеличилось и число подвальныхъ жильцовъ, и въ настоящее время подвальное населенiе въ Варшавѣ, относительно общаго населенiя города, является болѣе многочисленнымъ, чѣмъ та же группа населенiя, напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ въ подвалахъ и мансардахъ ютится 70.000 человѣкъ, то-есть 8% всего населенiя. Оба города между тѣмъ богатѣютъ; торговля и промышленность въ нихъ развиваются.

Подвальныя жилища населены обыкновенно гораздо тѣснѣе остальныхъ квартиръ города. Въ варшавскихъ подвалахъ на одну комнату приходится среднимъ числомъ отъ 4—5 жильцовъ, и это переполненiе жилищъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Десять лѣтъ то-

му назадъ на комнату приходилось всего лишь 3,5 человѣка. Такая тѣснота натурально влечетъ за собою загрязненіе воздуха и всяческую неопрятность, какъ физическую, такъ и духовную, нравственную. Любопытно, что въ этихъ подвàлахъ на каждые 100 человѣкъ обитателей оказалось всего лишь по 49 кроватей или ихъ суррогатовъ. Уже отсюда ясно, какъ ужасны въ санитарномъ отношеніи должны быть условія жизни въ подвалахъ, коими изобилуютъ наши большіе города, въ родѣ Петербурга, Москвы, Кіева и Варшавы.

На каждаго обитателя варшавскихъ подваловъ приходится едва 3—4 кубическихъ метра воздуха; средняя вышина подвальныхъ помѣщеній также крайне неудовлетворительна, именно—она ниже средняго роста жильцовъ (2,3 метра) и ниже того минимума, который требуется въ этомъ отношеніи отъ подвальнаго жилища въ Англіи (2,44 метра). Освѣщаются подвалы самымъ плачевнымъ образомъ. Обыкновенно большая часть подвальныхъ оконъ приходится ниже уровня улицы; въ подвалахъ, обращенныхъ окнами на сѣверъ (28 проц.), жильцы не получаютъ никогда солнечныхъ лучей въ комнату.

Почти всѣ подвалы сыры и настолько плохи, что бережливый хозяинъ затруднится держать въ нихъ хорошія дрова, изъ боязни, чтобы они не отсырѣли и не загнили. Людей же пускаютъ жить охотно. Сырость подваловъ

обусловливается поднятіемъ почвенной воды, раннимъ дозволеніемъ жить во вновь отстроенныхъ домахъ, производимою въ нихъ стиркой бѣлья и переполненіемъ подваловъ жильцами.

Не разъ уже въ литературѣ раздавались голоса, требовавшіе безусловнаго воспрещенія обращать подвалы въ жилыя помѣщенія; въ послѣднее время, при общей чисткѣ русскихъ городовъ, не мѣшало бы вспомнить это положеніе и если не безусловно закрывать всякое подвальное жилье, то во всякомъ случаѣ обращать сугубое вниманіе на эти логовища, гдѣ свили прочное гнѣздо горе, болѣзнь и всяческая нищета.

Знаменитая суворовскимъ штурмомъ Прага еще грязнѣе, еще хуже Варшавы. Не будь здѣсь сравнительно широкихъ улицъ, вонь этого еврейскаго предмѣстья Варшавы была бы просто не выносима. Варшава еще спала, когда я ѣхалъ на вокзалъ, но Прага, то-есть ея юркое, бойкое населеніе, уже было давно на ногахъ, и развѣвающіяся полы жидовскихъ лапсердаковъ мелькали въ воздухѣ, подобно крыльямъ какихъ-то огромныхъ фантастическихъ птицъ. Подвижность еврейской націи извѣстна всякому, но польскій еврей, кажется, одинъ изъ самыхъ юркихъ представителей этой типичной національности, которая, благодаря колонизаціоннымъ стремленіямъ Гирша, того и гляди осчастливитъ насъ своимъ мас-

совымъ выселеніемъ изъ предѣловъ нашего отечества.

Варшавское уличное движеніе вообще поражаетъ своею интенсивностью даже пріѣзжихъ изъ такихъ центровъ, какъ Москва и Петербургъ. Что особенно бросается въ глаза—это равномѣрность уличнаго движенія. Куда ни взгляни—всюду толпы: и на Краковскомъ предмѣстьѣ, и на Маршалковской, и въ чудесномъ Саксонскомъ саду, и за Желѣзною Брамой, тамъ гдѣ начинается жидовское царство. А въ старыхъ чуть-ли не средневѣковыхъ уличкахъ древней Варшавы вѣчно такая суета и давка,—что имъ могутъ позавидовать даже самые бойкіе центры европейской жизни.

Съ точки зрѣнія гигіениста, старая Варшава—никуда негодный городъ: узкія улицы, внутренніе дворы въ видѣ глубокихъ грязныхъ колодцевъ, нигдѣ ни кустика, всюду смрадъ, соръ и мерзость, скопившаяся и наросшая вѣками; но, отбросивъ смѣшныя претензіи гигіениста, нельзя безъ восхищенія смотрѣть на эту сѣдую древность. «Старое Място» все сплошь обставлено этими старинными узенькими домами въ 5—6 этажей и всего два-три окошка по этажу; по серединѣ площади, превращенной нынѣ въ грязный еврейскій рынокъ, находится небольшой водоемъ, украшенный гербомъ Варшавы, то-есть Сиреной съ обнаженнымъ мечомъ и со щитомъ.

Женщина всегда играла слишкомъ большую роль въ исторіи и судьбахъ Польши, чтобы не явилось мысли увѣковѣчить ее и запечатлѣть въ гербѣ такого священнаго для поляковъ города, какъ Варшава. На этой площади, ужасно напоминающей по своей декоративности оперныя изображенія средневѣковыхъ городовъ, по преданію была совершена казнь Остапа Бульбы, и здѣсь-то знаменитый Тарасъ Бульба произнесъ свое классическое «слышу» въ отвѣтъ на предсмертный призывъ сына. Хотя Костомаровъ и нашелъ историческія невѣрности и вымыселъ въ этомъ лучшемъ произведеніи Гоголя, но когда я бываю на этой площади и вижу шумящую на ней толпу, мнѣ всегда кажется, что толпа вдругъ зашумитъ, и со всѣхъ сторонъ раздадутся голоса: «ведутъ! ведутъ! казаки!»

«Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами—шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостью; ихъ платья, изъ дорогаго сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лохмотьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ». Я такъ живо представляю себѣ стараго Тараса и ясно чувствую, что долженъ онъ былъ испытать, увидавъ своего Остапа и услыхавъ его громкія слова: «Дай-же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ, чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова».

Варшавяне любятъ и гордятся своимъ «Старымъ Мястомъ», причисляемымъ къ достопримѣчательностямъ этой развѣнчанной столицы; въ домахъ на «Старомъ Мястѣ» никогда не бываетъ свободныхъ квартиръ, и жильцовъ разлучаетъ съ ними одна только смерть.

Евреи держатъ въ Варшавѣ въ своихъ рукахъ всю торговлю и очень много промысловъ. Не даромъ же пріѣзжій, попадая въ Варшаву и особенно въ польскую провинцію, изумленно спрашиваетъ: «Да гдѣ же поляки?» и съ разочарованіемъ узнаетъ, что вмѣсто «польскаго крулевства» передъ нимъ настоящее «жидовское царство». Странно, что у насъ никто не любитъ евреевъ, а между тѣмъ еще Бёрне поучалъ прусскихъ министровъ, что если они хотятъ справиться со своими упрямыми либералами, то не могутъ придумать ничего умнѣе, какъ совершить надъ ними обрядъ обрѣзанія и превратить ихъ всѣхъ въ евреевъ. Тогда они сдѣлаются послушны, какъ овцы, потому что переведутъ всѣ свои деньги въ государственныя бумаги и такимъ образомъ дадутъ добровольную гарантію за вѣчное спокойствіе.

На вокзалѣ я уже засталъ обычную суетню, бѣготню носильщиковъ, гамъ, шумъ и препирательства.

Скучнѣе Московско-Брестской линіи трудно что-нибудь и придумать. Пейзажей никакихъ. Равнодушная природа такъ же спокойно глядѣла на нашъ маленькій курьерскій поѣздъ, промчавшійся безъ остановки черезъ крошечную станцію съ многозначительною надписью «Бородино», какъ спокойно взирала на несмѣтныя полчища иноплеменниковъ, расположившихся на Бородинскихъ поляхъ наканунѣ приснопамятной Бородинской битвы. Маленькая Колоча такъ же невозмутимо катила свои прохладныя воды въ тѣни зеленыхъ береговъ, какъ и въ 12-мъ году, и только моему разгоряченному воображенію почудилось, когда поѣздъ съ адскимъ грохотомъ прошумѣлъ по Колочскому мосту, что вода рѣчки отливаетъ на солнцѣ какимъ-то особеннымъ кровяно-краснымъ оттѣнкомъ.

На станціяхъ, несмотря на приходъ поѣзда, настоящее сонное царство. Вокзалы маленькіе; толкотни и суеты никакой; кормятъ скверно; едва добудешь газету, да и то старую, порыжѣвшую. Чуть ли не въ Гжатскѣ, подъ самой Москвой, буфетчикъ пресеріозно предлагалъ намъ *Московскія Вѣдомости* чуть ли не семидневнаго возраста. Газета только и привлекательна, когда она свѣжа, какъ свѣжеиспеченная булка, и нужно много провинціальнаго мужества, чтобы наслаждаться чтеніемъ листка, успѣвшаго отлежаться до пріобрѣтенія подозрительной желтизны.

Въ Москвѣ, которая, съ новымъ оберъ-полицеймейстеромъ, усиленно чистится и моется, духота и страшная пыль. Эти авгіевы конюшни очистить не легко.

Московско-Рязанская дорога, переименованная нынѣ въ Московско-Казанскую, ничего не выиграла отъ этого переименованія. Та же тѣснота въ вагонахъ, та же вонь и духота. Особенно плохи и плохо содержатся вагоны третьяго класса; въ одномъ изъ нихъ, куда я заходилъ навѣстить своего знакомаго, ѣдущаго лѣчиться на минеральныя воды, на Кавказъ, была такая невообразимая вонь тухлою рыбой, что я не могъ въ немъ просидѣть и пяти минутъ.

Пассажировъ-третьеклассниковъ напихиваютъ въ вагоны безъ стѣсненія, сколько влѣзетъ, самымъ возмутительнымъ образомъ. Въ томъ же вонючемъ вагонѣ съ 32 мѣстами управленіе ухитрилось втиснуть 46 человѣкъ. И при этомъ ни одного крючка, ни одного гвоздика, гдѣ бы злополучный пассажиръ могъ развѣсить свой ручной багажъ. Какой-то острякъ мѣтко охарактеризовалъ наши желѣзнодорожные порядки, сказавъ, что въ третьемъ классѣ поѣздная прислуга груба съ пассажирами, во второмъ классѣ пассажиры грубы другъ съ другомъ, наконецъ, въ первомъ— пассажиры грубы съ поѣздною прислугой.

Дѣйствительно, наши желѣзнодорожные непорядки, о которыхъ написаны цѣлые томы, возмутятъ самаго святого человѣка. Судите сами: въ Москвѣ выдаютъ билеты прямого сообщенія до станціи «Минеральныя Воды» и обратно со скидкой 30 проц. и съ правомъ

пользоваться такими льготными билетами до 30-го сентября, то-есть на весь сезонъ. Казалось бы, выдавъ такой билетъ, желѣзной дорогѣ должно быть безразлично: сколько времени собственникъ билета употребитъ на проѣздъ до Кавказа или обратно. Лишь бы не ѣхалъ далѣе 30-сентября. Казалось бы, что дорога ничего не теряетъ, если я, положимъ, выѣхавъ 1-го сентября со станціи «Минеральныя Воды», проживу недѣли двѣ-три въ Ростовѣ или сдѣлаю какую-либо экскурсію въ сторону. Но не тутъ-то было. Весь путь обязательно вы должны совершать почему-то въ семь дней, ни болѣе, ни менѣе. Почему берутся эти семь дней, потому ли, что египетскія казни продолжались, кажется, такой же періодъ времени, или почему иному—остается тайной, извѣстною немногимъ.

Затѣмъ, далѣе, въ скоромъ поѣздѣ, отходящемъ изъ Москвы на Кавказъ, не думайте имѣть хотя бы одинъ вагонъ прямого сообщенія, который безостановочно шелъ бы до «Минеральныхъ Водъ»: всѣ вагоны мѣняются и притомъ *въ часъ ночи*, по прибытіи въ Козловъ. Если выѣхать изъ Москвы съ почтовымъ поѣздомъ, то вагоны идутъ безъ перемѣны до Воронежа, гдѣ злополучнымъ пассажирамъ предстоитъ все же пересадка въ другіе вагоны. Къ чему нужно подвергать ѣдущихъ на минеральныя воды подобнымъ мытарствамъ? Рѣшительно непонятно,—хотя въ этихъ зло-

ключеніяхъ и нужно отчасти искать объясненія нелюбви россіянъ къ путешествіямъ по своему отечеству и стремленію оставлять рубли на заграничныхъ курортахъ, а не на своихъ.

Начни у насъ путешествовать,—все обходится втридорога, и все скверно и неудобно. Въ Козловѣ, напримѣръ, мнѣ пришлось остановиться ночевать въ одной изъ лучшихъ городскихъ гостиницъ, въ «Славянской». За грязный нумеръ съ меня взяли два рубля, да за лишнюю подушку на диванѣ для моего спутника (кровати въ гостиницѣ не оказалось) взыскали еще 50 коп. За огарокъ свѣчи также не преминули взять 20 коп.

Хорошія гостиницы путешественникъ на югъ можетъ встрѣтить не ранѣе Ростова-на-Дону. Но за то этотъ городъ поражаетъ своею пылью и вообще своимъ удивительнымъ санитарнымъ неблагоустройствомъ. Я не поклонникъ карантиновъ, но, право, для ростовцевъ сдѣлалъ бы исключеніе и устроилъ бы для ихъ города огражденіе, изолирующее ихъ отъ сношеній со всѣмъ свѣтомъ. Прежде ростовское начальство было далеко (въ Екатеринославѣ), но теперь оно, слава Богу, находится подъ носомъ (въ Новочеркасскѣ) и, тѣмъ не менѣе, этотъ богатый торговый городъ, переполненный къ тому же массой переселенческаго рабочаго люда, просто поражаетъ своимъ санитарнымъ неблагоустройствомъ.

За то холера 1892 года и пощипала его изрядно! Я не говорю про отвратительныя помѣщенія для рабочаго люда (напримѣръ, во всѣхъ ростовскихъ булочныхъ, которыхъ болѣе 60, рабочіе спятъ на тѣхъ же столахъ, на которыхъ мѣсятъ и изготовляютъ хлѣбы). Я не говорю о томъ, что городъ скверно поливается, что въ немъ душно какъ въ пеклѣ, что мусоръ и нечистоты развозятся по городу въ открытыхъ телѣгахъ. Я не говорю о томъ, что въ городѣ не имѣется хорошей воды, что грязное тряпье, собранное тряпичниками, хранится въ складахъ, расположенныхъ тутъ же, среди жилищъ ростовскихъ обывателей, я не говорю обо всемъ этомъ, ибо все это такія черты, которыя общи любому порядочному русскому городу. Я хочу сказать объ одной рѣзкой особенности, присущей исключительно лишь Ростову, особенности, которая ставитъ этотъ городъ въ безпримѣрно неблагопріятное положеніе среди другихъ южно-русскихъ городовъ. Петербургу, только-что освободившемуся отъ своей вонючей Лиговки, или Москвѣ съ ея Яузой, эта особенность будетъ вполнѣ понятна.

Представьте себѣ, что почти въ самомъ центрѣ города, пересѣкая его на двѣ неравныхъ части, проходитъ зловонное ущелье (балка и рѣчка Темерникъ), наполненное липкою, черною, вонючею массой. Лиговка или Яуза передъ этою мерзостью имѣютъ видъ

райскаго горнаго потока. Это ущелье, по которому отчасти сочится рѣченка Темерникъ, служитъ ни болѣе ни менѣе какъ отхожею ямой чуть ли не для половины города, который издавна, въ *открытую*, выпускаетъ сюда всю свою грязь, всѣ свои нечистоты.

Жители конкуррируютъ въ этомъ отношеніи съ фабричными заведеніями и съ больницами. Воздухъ этой городской балки не сравнится ни съ какимъ анатомическимъ театромъ, ни съ какою свалкой нечистотъ. Можно прямо сказать, *пока* ростовцы не закроютъ этой гигантской помойной ямы, до *тѣхъ поръ* не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь раціональномъ оздоровленіи города. Намъ передавали, что уже ассигновано 80 т. рублей на закрытіе этой балки, но работы не могли начаться изъ-за наступившей въ городѣ холеры. До чего воспріимчивы ростовцы ко всякаго рода инфекціи, лучше всего видно изъ недавно свирѣпствовавшей здѣсь и не совсѣмъ еще исчезнувшей эпидеміи сыпного тифа. Тифъ занесли сюда тѣ же рабочіе, которые идутъ въ Донскую область, на Кавказъ и въ Черноморье. Отъ тифа перехворалъ чуть ли не весь врачебный персоналъ города; отъ него же, между прочимъ, умеръ предсѣдатель здѣшняго общества врачей, талантливый хирургъ, докторъ Лимбергъ.

А до чего загаженъ «батюшка» Донъ,—и повѣрить трудно. Купанье въ городѣ становится дѣломъ совсѣмъ не привлекательнымъ: просто не вѣрится, что имѣешь дѣло съ синимъ Дономъ, а не съ какою-нибудь вонючею Яузой. Всѣ баржи, приходящія въ Ростовъ, тутъ же въ городѣ спускаютъ въ рѣку свой балластъ, общественные сортиры устроены тутъ же на берегу, и «синій батюшка» оказывается также загаженнымъ, какъ и Волга-матушка, какъ и красавица-Нева.

Вообще пустить въ обращеніе среди публики идею о самоочищающей способности рѣкъ была несчастная мысль. Съ рѣками у насъ и безъ того не церемонились. Вали, вода сама все очиститъ и переработаетъ. А въ результатѣ такихъ завиральныхъ идей получается колоссальное загрязненіе такихъ рѣкъ, какъ Волга, Нева, Донъ и т. д. Говорятъ, ростовская дума обращалась къ наказному атаману съ просьбой разрѣшить вывозъ нечистотъ прямо въ Донскія гирлы, но, къ счастію, оказалось, что кромѣ атамана море находится въ вѣдѣніи екатеринославскихъ властей. И слава Богу, а то бы загадили море также, какъ оно загажено у насъ близъ Кронштадта.

Въ Ростовѣ, въ день моего пріѣзда, стояла такая жара и духота, что мы попали точно въ какое-то пекло; о степени жары легко составить себѣ понятіе, если принять во вниманіе, что въ комнатѣ со спущенными жалюзи, не на солнечной сторонѣ, термометръ показываетъ въ 4 часа пополудни 25 градусовъ по

Реомюру. Обыватели цѣлый день сидятъ взаперти и только вечеромъ вылѣзаютъ за «зеленое поле», но и это не прохлаждаетъ горячія ростовскія головы.

Отъ Ростова въ вагонѣ только и толковъ, что о холерѣ. Вагоны Владикавказской дороги новенькіе, чистенькіе, но тѣснота въ нихъ такая же отчаянная, какъ и на Рязанской дорогѣ, и потому нельзя не привѣтствовать министерскаго распоряженія сажать въ вагоны не полный комплектъ пассажировъ, а лишь три четверти нормальнаго числа. Конечно, особую важность имѣетъ эта мѣра для пассажировъ третьяго и четвертаго классовъ, которыхъ безъ счета набиваютъ въ душные вагоны, нерѣдко уподобляющіеся по качеству воздуха знаменитой собачьей пещерѣ.

Слухи о холерѣ ни мало не останавливали въ этомъ году прилива публики на кавказскія минеральныя воды, и въ серединѣ іюня здѣсь, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, прибыло и лечилось на нѣсколько сотъ человѣкъ больше, чѣмъ въ тотъ же періодъ времени въ 1891 году, когда о холерѣ не было ни слуху, ни духу. За то нѣсколько позже, когда холера вышла изъ Астрахани и Баку, поднялась по Волгѣ и появилась сначала въ ста верстахъ отъ Пятигорска (въ станицѣ Прохладной, а затѣмъ и въ самомъ Пятигорскѣ и на другихъ группахъ,—началась замѣтная паника и на водахъ: публика стала разъѣзжаться, новый приливъ изъ Россіи окончательно остановился, и воды быстро опустѣли.

Въ одномъ поѣздѣ съ нами ѣхало нѣсколько калмыцкихъ священниковъ со своимъ главнымъ для всей Донской области калмыцкимъ архіереемъ. Бабьи физіономіи и чисто опереточный костюмъ этихъ послѣдователей буддійской религіи не позволялъ самымъ серіознымъ людямъ безъ усмѣшки смотрѣть на этихъ господъ, которые тоже собрались въ Пятигорскъ, наслышавшись о великомъ цѣлебномъ значеніи Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Дорога отъ Ростова сперва идетъ берегомъ Дона, который однако, показался намъ крайне неоживленнымъ и мертвымъ. Пассажирскихъ пароходовъ мы вовсе не видали и обогнали всего лишь одинъ жалкій буксирный пароходишко, да нѣсколько мелкихъ барокъ и лодокъ.

Вплоть до самой Кубани идетъ ровная, точно выжженная, скучная степь, но за Кубанью мѣстность значительно оживляется, появляются зелень, люди и животныя. Станція «Минеральныя Воды», предметъ нашихъ вожделѣній, довольно-таки мизерная, особливо для такого курорта, какимъ во истину считаютъ Кавказскія минеральны воды.

II.

Краткая историческая справка о кавказскомъ минеральномъ курортѣ.

Исторія кавказскихъ минеральныхъ водъ очень несложна, и обыкновенно открытіе ихъ относятъ къ 1774 году, хотя имѣется указаніе, что еще Петръ Великій зналъ объ ихъ существованіи.

Петръ Великій, ознакомившись лично съ устройствомъ карлсбадскихъ и пирмонтскихъ водъ, поспѣшилъ открыть въ Россіи липецкія и олонецкія минеральныя воды, а терскія воды, называвшіяся въ то время бештаускими были изслѣдованы лейбъ-медикомъ царя, Жоберомъ. Впрочемъ, Жоберъ составилъ описаніе, въ которое вошли вещи, которыхъ онъ никогда не видалъ и о которыхъ зналъ лишь по наслышкѣ.

Первыя и болѣе точныя описанія водъ сдѣланы Гюльденштетомъ (1773 г.), Палласомъ (1793), впервые точно описавшимъ знаменитый источникъ Нарзанъ, отчасти московскимъ вра-

чемъ Гаазомъ (18 9) и, наконецъ, профессоромъ Медико-Хирургической Академіи Нелюбинымъ (1823 г.), который не только оставилъ намъ подробное описаніе кавказскихъ водъ, но первый указалъ на присутствіе въ Ессентукахъ знаменитыхъ соляно-щелочныхъ источниковъ. Впрочемъ анализы Нелюбина въ настоящее время утратили свою цѣнность.

То, что обыкновенно извѣстно подъ именемъ «Кавказскихъ минеральныхъ водъ»— этихъ русскихъ Пиринеевъ,—по отзывамъ первыхъ знатоковъ, представляетъ собою единственное въ мірѣ и удивительное сочетаніе разнообразнѣйшихъ минеральныхъ богатствъ на относительно маломъ пространствѣ территоріи.

Извѣстный знатокъ бальнеологіи Жюль Франсуа писалъ объ этихъ водахъ, что въ цѣлой Европѣ не существуетъ такого счастливаго сочетанія столь разнообразныхъ ключей; кавказскіе источники представляютъ не только типы главныхъ водъ Германіи и Западной Европы, какъ, напримѣръ, Эмсъ, Маріенбадъ, Аахенъ, Спа, Швальбахъ и пр., но еще и новые типы, напоминающіе источники Карлсбада, Люшоне и Котере (Центральные Пиринеи), минеральныя воды Пильнау и Зейдшютца въ Богеміи. Такъ, тутъ есть сѣрныя воды (Пятигорскъ и Ессентуки) и щелочныя (Ессентуки), и желѣзныя (Ессентуки, Желѣзноводскъ), и горькія—слабительныя, которыя могутъ впол-

нѣ замѣнить столь распространенную въ Россіи венгерскую воду Hunyadi-Ianos и другія иностранныя горько-слабительныя воды (близъ колоніи Каррасъ, въ семи верстахъ отъ Пятигорска и недалеко отъ станицы Лысогорской) и индифферентныя термы (Пятигорскъ) и, наконецъ, минеральная грязь и маточный разсолъ (озеро Тамбуканъ, въ десяти верстахъ отъ Пятигорска).

Правительство начало заботиться объ этомъ цѣлебномъ краѣ чуть-ли не съ самыхъ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, и во всякомъ случаѣ затраты его на эти воды доходятъ за одну послѣднюю половину настоящаго столѣтія до пяти милліоновъ рублей серебромъ.

Еще въ 1837 году кавказскія воды лично посѣтилъ императоръ Николай Павловичъ, и понимая ихъ громадное значеніе для Россіи, приказалъ выдавать имъ ежегодную субсидію въ 200.000 р. сер. Субсидія эта выдавалась въ теченіи семи лѣтъ. При военномъ управленіи, воды, вообще говоря, пришли въ серіозный упадокъ и потому многіе считаютъ, что болѣе счастливый періодъ ихъ развитія, съ чѣмъ мы лично далеко не согласны, начинается съ 1862 года, то-есть, со времени отдачи ихъ въ аренду частнымъ лицамъ.

Такихъ арендаторовъ было собственно два, сперва извѣстный Н. А. Новосельскій и затѣмъ съ 1870 года не менѣе извѣстный ростовскій городской голова и дѣятель А. Байковъ, про котораго одинъ остроумный біографъ сказалъ, что онъ проявлялъ особое умѣнье въ пріемѣ и угожденіи начальству. Новосельскій имѣлъ талантливаго помощника и замѣстителя въ лицѣ извѣстнаго ветерана кавказской бальнеологіи доктора С. А. Смирнова (создавшаго на Кавказѣ первое русское бальнеологическое общество) и пользовался значетильными правительственными субсидіями и льготами. Субсидія, данная Новосельскому, слагалась изъ денежнаго пособія въ размѣрѣ 36.000 р. ежегодно, дарованія права пользоваться рабочею силой въ 125 человѣкъ, даровыми оркестрами музыки, топливомъ, покосами въ 1.000 дес. земли, безплатнымъ отправленіемъ корреспонденціи, безпроцентнымъ пользованіемъ капиталомъ въ 140.000 р. и еще нѣсколькихъ мелкихъ льготъ.

Хозяйство втораго и пока послѣдняго частнаго арендатора Байкова, при содѣйствіи д-ра Милютина, ничѣмъ особенно не зявило себя, воды клонились къ утеку. Источникъ № 17-й, въ Ессентукахъ, доведенъ былъ неумѣлымъ обращеніемъ до никуда негоднаго, мутнаго и грязнаго состоянія, такъ что правительство принуждено было пригласить для переустройства нашихъ водъ извѣстныхъ спеціалистовъ гидротехниковъ Жюля Франсуа *)

*) Собственно говоря, первая мысль о приглашеніи Жюля Франсуа, извѣстнаго тѣмъ, что онъ переустроилъ и создалъ въ Европѣ до пятидесяти минеральныхъ курортовъ, принадлежитъ сотруднику Н. А. Новосельскаго д-ру С. А. Смирнову.

и Леона Дрю, а съ 1884 года отобрало совершенно воды отъ Байкова и передало ихъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, нынѣ Министерства Земледѣлія.

Съ тѣхъ поръ во главѣ управленія кавказскими минеральными водами поставленъ особый правительственный коммисаръ съ цѣлымъ рядомъ помощниковъ (горный инженеръ, врачъ, инженеръ-архитекторъ). Первому коммисарру, каковымъ былъ уфимскій губернаторъ, д. ст. сов. Щепкинъ, было вмѣнено въ обязанность представить подробный отчетъ о положеніи названныхъ водъ и потребныхъ безотлагательныхъ улучшеніяхъ, а также соображенія относительно общаго плана хозяйства водъ. Въ то же время воды перешли изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и были подчинены Министерству Государственныхъ Имуществъ (нынѣ Земледѣлія), имѣющему въ своемъ распоряженіи необходимыхъ спеціалистовъ.

Однако этимъ не былъ окончательно предрѣшенъ вопросъ, въ чьемъ собственно вѣдѣніи должны будутъ находиться кавказскія минеральныя воды по окончательномъ ихъ устройствѣ. Любопытно, что съ перваго же года воды стали давать доходъ казнѣ и въ теченіе девяти лѣтъ существованія казеннаго управленія (1885—93 гг.) расходы по ежегодному

содержанію водъ почти покрывались поступавшими доходами отъ ихъ эксплуатаціи.

Такъ за этотъ періодъ времени поступило въ казну доходовъ отъ кавказскихъ минеральныхъ водъ 1.323.590 р., а израсходовано на содержаніе личнаго состава и на хозяйственные расходы 1.395.302 руб. Но тѣмъ не менѣе съ 1885 по 1895 годъ на поддержаніе существующихъ учрежденій, на нѣкоторыя новыя устройства правительствомъ затрачено 925.000 р. изъ особо ассигнованнаго кредита. Изъ этой суммы львиная доля пришлась на проведеніе прѣсной воды въ Пятигорскъ, Ессентуки и Желѣзноводскъ (304.000 руб.), устройство ваннаго зданія въ Желѣзноводскѣ (184.000 р.) и на разработку и обдѣлку источниковъ минеральныхъ водъ на всѣхъ группахъ (117.000 руб.).

Въ 1887 году воды посѣтилъ министръ Государственныхъ Имуществъ, статсъ-секретарь М. Н. Островскій, который ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ водъ, поручилъ нѣсколькимъ коммиссіямъ выработать проектъ окончательнаго ихъ устройства.

Изъ мѣропріятій, проектированныхъ и утвержденныхъ г. министромъ, къ сожалѣнію, далеко еще не всѣ выполнены, а изъ выполненныхъ нельзя не отмѣтить и не привѣтствовать проведеніе въ Пятигорскъ превосходной и обильной прѣсной воды изъ источника горы Юцы, устройство проѣздной дороги вокругъ

горы Машука, сооруженіе превосходнаго въ мавританскомъ вкусѣ ваннаго зданія въ Желѣзноводскѣ (Островскія ванны, проектъ графа Сюзора) пріобрѣтеніе дезинфекціонной камеры и нѣкоторыя мелкія улучшенія.

Наконецъ, лѣтомъ 1894 года кавказскія минеральныя воды посѣтилъ теперешній министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ. Поѣздка эта была вызвана желаніемъ поставить эти воды на подобающую имъ высоту. Министръ съ изумительною энергіей подробно, въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ утра до вечера осматривалъ воды, подробно ознакомился со всѣми ихъ нуждами и, конечно, не могъ не убѣдиться въ неотложности измѣненій не только порядка управленія, но и цѣлаго ряда реформъ и преобразованій.

Не касаясь пока новой организаціи управленія водъ, отмѣтимъ лишь тѣ крупныя работы, произвести которыя предположено, по иниціативѣ министра въ 1895 году и которыя отчасти въ настоящій моментъ уже и осуществлены. Начну съ Пятигорской группы. Здѣсь выполнены двѣ пристройки къ существующимъ уже ваннымъ зданіямъ (Николаевскому и Сабанѣевскому), и такимъ образомъ, для публики явилось 20 новыхъ ваннъ, что даетъ возможность выкупать въ теченіе 12 часовъ 240 человѣкъ (всего Пятигорскъ можетъ въ день отпустить около 200 ваннъ). Кромѣ всего

этого приступлено къ сооруженію новаго капитальнаго ваннаго зданія, которое обойдется свыше 230.000 руб., а городской бульваръ, пересѣкающій Пятигорскъ, продолженъ до воротъ казеннаго сада.

Въ Кисловодскѣ устроенъ цѣлый рядъ капитальныхъ работъ, проведена прѣсная вода отъ Лермонтовской скалы, устроена водопроводная сѣть, устроены фонтаны, заведено электрическое освѣщеніе, устроено изящное новое ванное зданіе на 16 кабинъ и передѣлано нагрѣваніе ваннъ Нарзана на паровое; наконецъ, въ Ессентукахъ также приступлено къ сооруженію капитальнаго ваннаго зданія и произведено облѣсеніе огромнаго участка земли, носящяго названіе «Качельнаго кургана.»

И этимъ дѣло однако еще далеко не исчерпано. Предположенія министерства пошли гораздо дальше, и на полное переустройство кавказскихъ минеральныхъ водъ испрашивается нынѣ до 4 милл. руб. (въ теченіе 12 лѣтъ). Отмѣтимъ наиболѣе крупныя работы, которыя предположено выполнить на эти милліоны.

Такъ для Кисловодска намѣчено зданіе для гидропатическаго заведенія, для Пятигорска устройство курзала съ открытой галлереей для гулянья больныхъ, театральнымъ заломъ, гостиницей, помѣщеніемъ для библіотеки и пр. пр. Такое же зданіе, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ проектировано и для Ессентуковъ, гдѣ также будетъ воздвигнуто и

гидропатическое заведеніе; проектированы ванныя зданія и для Желѣзноводска и для Кисловодска, всюду предположено улучшить водоснабженіе и расширить существующія водопроводныя сѣти.

Предположено завести грандіозную грязелѣчебницу на берегахъ Тамбуканскаго озера, выстроить тамъ гостиницу, на всѣхъ 4 группахъ устроить электрическое освѣщеніе и сплавную канализацію, всюду улучшить дороги, расширить парки, упорядочить горныя тропинки, устроить приспособленіи для «terrain»— курортовъ, завести альпійскія хижины для туристовъ и т. д.

Такимъ образомъ воды въ настоящее время переживаютъ эпоху кипучей преобразовательной работы и это обстоятельство не должно упускать изъ виду всѣмъ многочисленнымъ ихъ критиканамъ и хулителямъ.

За десятилѣтній періодъ времени казеннаго управленія во главѣ администраціи водъ смѣнилось четыре коммиссара. Оцѣнка дѣятельности этихъ лицъ принадлежитъ исторіи. Послѣ Щепкина съ 2 января 1889 года коммисаромъ былъ назначенъ бывшій профессоръ фармакологіи Императорской Военно-Медицинской Академіи П. П. Сущинскій. Онъ оставилъ по себѣ на водахъ добрую память, какъ человѣкъ мягкій и незлобивый. Его смѣнилъ въ 1894 году лейбъ-медикъ тайный совѣтникъ I. В. Бертенсонъ, человѣкъ облеченный довѣріемъ министра и полный самыхъ благихъ намѣреній. Дѣйствительно, покойный былъ проникнутъ самымъ искреннимъ желаніемъ сдѣлать все возможное, чтобы лучше поставить Кавказскія воды. Къ сожалѣнію, Бертенсонъ пріѣхалъ на Кавказъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и съ зародышемъ тяжкаго недуга. Повидимому работа на водахъ была также одною изъ причинъ рѣзко ухудшившихъ недугъ Іосифа Васильевича; ему пришлось здѣсь при началѣ преобразовательной работы вынести и пережить много тяжелыхъ минутъ и незаслуженныхъ непріятностей и оскорбленій, при чемъ виновниками такихъ непріятностей не рѣдко бывали именно врачи. Обижала покойнаго и періодическая пресса.

Кавказскія минеральныя воды издавна, отчасти благодаря своему неустройству, отчасти по другимъ обстоятельствамъ, считались излюбленной мишенью для всевозможныхъ остротъ и нападокъ со стороны прессы. Бертенсонъ необыкновенно чутко относился къ этимъ нападкамъ и глубоко скорбѣлъ, видя явную тенденціозность этихъ нападокъ и желаніе окунуть въ грязь его незапятнанное имя.

Примѣчательно, что за-границей, когда открываются новыя воды, то всѣ стараются поднять и поддержать ихъ, и геологъ, и химикъ, и кабинетный ученый, и знаменитый клиницистъ и печать, и, наконецъ, само об-

щество, причемъ всѣ наперерывъ хлопочутъ и, такимъ образомъ, содѣйствуютъ не только развитію водъ, но и преуспѣянію на нихъ частной инициативы.

У насъ же исторія развитія нашихъ минеральныхъ курортовъ полна примѣровъ обратнаго свойства. У насъ точно всѣ сговорились нарочно задушить ребенка въ моментъ его рожденія, всѣ нападаютъ на него съ какимъ-то непонятнымъ злорадствомъ и ожесточеніемъ и о поддержкѣ, при благомъ начинаніи, при всякомъ новшествѣ, не можетъ быть и рѣчи. Осмѣять—сколько угодно, помочь, разъяснить—никогда. Да и само общество разсуждаетъ такъ: пока что, пускай дескать они тамъ грызутся и устраиваются, наше дѣло—сторона, мы можемъ и за-границу съѣздить. Это напоминаетъ ту мать, которая, по свидѣтельству Маколея, не отваживалась пустить своего ребенка въ воду, пока онъ не научится плавать.

Бертенсонъ проработалъ на Кавказѣ всего лишь съ мая по ноябрь 1894 года и умеръ въ Петербургѣ въ мартѣ 1895 года. Послѣдній коммиссаръ кавказскихъ минеральныхъ водъ нынѣ директоръ дѣйств. ст. сов. В. А. Башкировъ продолжаетъ преобразовательную работу своего предшественника и своими первыми шагами на новомъ поприщѣ заслужилъ своей энергіей и пониманіемъ дѣла сочувствіе всѣхъ

лицъ, коимъ дорого преуспѣяніе нашего знаменитаго курорта.

Пріѣздъ на воды сравнительно очень не великъ и число посѣтителей здѣсь въ самые лучшіе годы не превышаетъ цифры *6—7* тысячъ человѣкъ, то есть, почти ровно столько, сколько собираетъ какая-нибудь ничтожная баварская Wunderfrau, извѣстная Марія Гогенэстеръ, которую называли «die Frau der Narren und der Russen.» Вотъ свѣдѣнія о пріѣздѣ на Кавказскія воды за послѣднія 13 лѣтъ:

Года.	Число пріѣзжихъ больныхъ.	Года.	Число пріѣзжихъ больныхъ.
1884	4.576	1891	6.308
1885	5.843	1892	5.479
1886	5.914	1893	5.754
1887	6.617	1894	7.574
1888	6.911	1895	8.200
1889	5.978	1896	8.670
1890	6.332		

Пріѣздъ 1895 года на нѣсколько сотъ человѣкъ превышаетъ пріѣздъ 1894 года и такимъ образомъ не оправдалъ легкомысленныхъ предсказаній тѣхъ лицъ, которыя увѣряли, что, пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа привлечетъ на Кавказъ многія тысячи больныхъ; приростъ, правда, получился, но далеко не тысячный. Какой-нибудь жалкій Пирмонтъ собираетъ у себя каждый сезонъ не менѣе 8.000 человѣкъ, а Вильдунгенъ — до 10.000, Карлсбадъ до 40.000.

Наконецъ, однимъ изъ важныхъ шаговъ въ дѣлѣ упорядоченія Кавказскихъ минеральныхъ водъ явилось открытіе въ 1893 году Минераловодской вѣтви Владикавказской желѣзной дороги, которая связала между собой всѣ группы (одинъ Желѣзноводскъ оставался въ сторонѣ еще 2 года отъ своей станціи) и замѣнила собой дорого стоющее шоссейное сообщеніе дешевымъ рельсовымъ путемъ. Но и тутъ неожиданно, впрочемъ, явились недовольные. Авторъ небольшой книжечки «Цѣлебный край», то-есть, Кавказскія минеральныя воды, нѣкій С. Васюковъ, глубокомысленно вопрошаетъ: «зачѣмъ въ сущности эта убыточная вѣтка?! Товара нѣтъ, только пассажиры—курсовые! Между тѣмъ группы соединяетъ превосходное, ровное какъ столъ, шоссе. Лошади чудныя, кормъ дешевый; отчего бы не организовать дешевое сообщеніе на лошадяхъ.» Да и проѣхать въ удобномъ фаэтонѣ на свѣжемъ воздухѣ (это въ 30-градусную жару-то и въ облакахъ пыли), куда пріятнѣе г. Васюкову, нежели въ душномъ, биткомъ-набитомъ, вагонѣ. Вотъ ужъ воистину на всѣхъ угодить невозможно, всегда найдутся господа Васюковы, которые всюду лѣзутъ съ протестомъ и неудовольствіемъ.

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ.

«Вокругъ ручьевъ его (Машуки) волшебныхъ—
Больныхъ тѣснится блѣдный рой—
Кто жертва чести боевой,
Кто погечуя, кто Киприды,
Страдалецъ мыслитъ жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка—злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ—
Помолодѣть хотя на мигъ».

Евгеній Онѣгинъ.

III.

Главныя группы кавказскихъ водъ.

Кавказскія минеральныя воды, какъ извѣстно, расположены на территоріи Терской области, которая въ 1892 году, почти по всему своему протяженію, была застигнута весьма сильною холерною эпидеміей. Въ административно-полицейскомъ отношеніи Терская область дѣлится не на уѣзды, а на отдѣлы и округа. Терская область очень небогата врачебными силами: въ послѣднее время на разныхъ штатныхъ медицинскихъ должностяхъ въ ней числилось 20 врачей и не болѣе 10—12 человѣкъ вольно-практикующихъ докторовъ. Такимъ образомъ въ области, не считая военныхъ врачей, занятыхъ при частяхъ войскъ,

расположенныхъ въ краѣ, на одного врача приходится свыше 25.000 населенія, что, очевидно, крайне недостаточно.

Лѣчебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства въ области—можно сказать, совсѣмъ не имѣется, и лица гражданскаго вѣдомства поступаютъ въ военные госпитали и лазареты на свободныя мѣста за плату, ежегодно утверждаемую командующимъ войсками кавказскаго военнаго округа. Военные госпитали и лазареты устроены на тысячу съ небольшимъ кроватей, что, конечно, едва лишь достаетъ для собственной потребности, при чемъ всѣ эти (8) военно-врачебныя заведенія находятся въ городахъ и только два лазарета помѣщаются въ станицахъ (Шатой и Екатериноградская).

Остаются еще войсковыя больницы въ станицѣ Наурской на 15 кроватей и три пріемныхъ покоя на 5 кроватей каждый, но въ эти больницы поступаютъ лишь лица казачьяго сословія, и больные другихъ сословій принимаются въ нихъ только въ видѣ рѣдкихъ исключеній.

Народное образованіе въ Терской области оставляетъ желать весьма многаго, что и неудивительно, если принять во вниманіе, что на одну душу обоего пола въ области приходится расходовъ на образованіе всего лишь 50 коп. Въ области имѣется 1 гимназія, 1 реальное училище, 1 прогимназія, 1 ремесленное училище, 2 духовныхъ, 3 горскихъ и 5 городскихъ. Низшихъ училищъ для мальчиковъ, въ томъ числѣ церковно-приходскихъ школъ (16), числится 119. Для дѣвочекъ дѣло стоитъ неизмѣримо хуже, и всѣхъ школъ, считая здѣсь и гимназію, въ области имѣется *семь*. Неудивительно поэтому, что среди казаковъ одинъ учащійся да еще мужскаго пола приходится на 3.500 человѣкъ. Кажется, г. Страннолюбскій недавно высчиталъ, что если Россія станетъ ежегодно открывать 3.000 начальныхъ школъ, то и тогда она лишь черезъ 250 лѣтъ насадитъ у себя такую грамотность, которая уже имѣется нынѣ въ передовыхъ государствахъ Западной Европы. Фактъ знаменательный и заслуживающій сугубаго вниманія!

Различныя отрасли частнаго хозяйства, а изъ нихъ на первомъ планѣ хлѣбопашество, также ничѣмъ хорошимъ похвалиться не могутъ. По даннымъ Терскаго областнаго статистическиго комитета урожай 1890 года въ общемъ, за вычетомъ необходимыхъ для посѣва сѣмянъ, хватилъ бы только немногимъ болѣе, чѣмъ для полугодоваго довольствія, и этотъ печальный выводъ смягчался лишь тѣмъ соображеніемъ, что принятая въ вычисленіяхъ комитета нормальная годовая пропорція хлѣба, въ $2^1/_2$ четверти на наличную душу населенія, должна быть признана слишкомъ высокою для всѣхъ туземныхъ жителей, ибо послѣдніе потребляя хлѣбъ въ самомъ умѣренномъ количествѣ, сверхъ того, значительную часть его

замѣняютъ мясною пищей и вообще недостачу хлѣба могутъ пополнить иными статьями дохода.

Къ числу такихъ доходныхъ статей нельзя отнести ни садоводства, на огородничества, но за то можно отнести виноградарство и винодѣліе, которыя особенно процвѣтаютъ въ восточной части Терской области, по лѣвому берегу Терека, и грозятъ даже совсѣмъ вытѣснить здѣсь земледѣльческій промыселъ. Во всей области считается около 11 тыс. садовъ, въ которыхъ было собрано не менѣе 2,3 милліоновъ пудовъ винограда, имѣющаго рыночную стоимость не ниже 20 копѣекъ за пудъ. Въ общемъ мѣстное виноградарство и винодѣліе дало населенію (въ 1890 г.) до милліона рублей, составляя въ среднемъ на душу мужскаго пола свыше двухъ рублей годоваго заработка. Однако, въ послѣднее время терскіе виноградники сильно страдаютъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ и паразитныхъ грибковъ, и пока еще трудно сказать, устранятъ-ли этотъ кризисъ тѣ мѣропріятія, которыя имѣютъ цѣлью поддержать падающее винодѣліе въ станицахъ Кизлярскаго отдѣла.

На первомъ планѣ среди этихъ мѣропріятій поставлено устройство образцовыхъ садовъ и вообще распространеніе среди казаковъ свѣдѣній относительно средствъ улучшенія винодѣльческаго промысла. Мѣстное винодѣліе, находясь подъ гнетомъ рутины, требуетъ обновленія всего лучше путемъ устройства въ Кизлярѣ хорошей винодѣльческой школы, которая выдвинула бы вновь на рынокъ забытое всѣми и превкусное кизлярское вино.

Рыболовный промыселъ въ краѣ пока еще мало изученъ, и Терскій статистическій комитетъ еще съ 1890 года рѣшилъ пополнить этотъ пробѣлъ.

Чтобы покончить съ хозяйственною промышленностью населенія Терской области, добавимъ, что наиболѣе важною отраслью ея является скотоводство и въ частности коневодство. Много писалось о постепенномъ вырожденіи типа казачьей лошади, и намъ остается лишь сожалѣть, если наше государственное коннозаводство не сумѣетъ изыскать средствъ для поддержанія мѣстной терской лошади,— выносливость которой выше всякихъ похвалъ и превосходитъ всякое вѣроятіе.

Горный промыселъ въ Терской области развитъ ничтожно, хотя въ недалекомъ будущемъ можно предсказать громадное развитіе здѣсь нефтянаго промысла, серебро-свинцовыхъ рудниковъ и вообще добычи всякаго рода камня и соли. Фабричная промышленность также еще въ зачаточномъ состояніи. Племенной составъ Терской области весьма разнообразенъ: тутъ и казаки, и Армяне, и Осетины, и Кумыки, и Нагайцы и многое множество различныхъ горскихъ народностей.

Казачьи станицы Терской области всѣ на

одинъ ладъ; достаточно описать одну чтобы познакомиться со всѣми. Ессентукская станица очень велика. Это самая большая станица въ Терской области, въ ней жителей считается не менѣе 10.000. Это цѣлый городъ, изрядно грязный и съ изрядною смерностью (24 на 1.000).

Администрація водъ, въ холерный 1892 годъ пригласивъ на каждую группу въ помощь групповому врачу по одному студенту-медику старшаго курса, поручило ему вѣдать дѣло очищенія и оздоровленія района группаго расположенія. Получилось нѣчто въ родѣ петербургскихъ санитарныхъ попечителей. Но, къ сожалѣнію, группные санитарные попечители получили инструкцію обходить не всѣ дома станицы, что было бы существенно важно, а лишь одинъ такъ-называемый курсовой районъ, то-есть, три улички, гдѣ по преимуществу поселяются курсовые больные. Понятно, что такая полумѣра не ведетъ ни къ чему и не даетъ возможности институту санитарныхъ попечителей проявить вполнѣ свою полезную дѣятельность.

Холера, пощипавшая очень серіозно Терскую область, къ Ессентукской станицѣ отнеслась почему-то милостиво и пощадила ее. Въ Ессентукской станицѣ кромѣ небольшаго деревяннаго православнаго храма имѣется единовѣрческая церковь и двѣ роскольничьихъ молельни. Въ 1896 году выстроенъ еще новый

храмъ близъ вокзала. Почти половина казаковъ—раскольники, между коими не мало послѣдователей фанатической секты шелапутовъ или кадочниковъ (хлысты).

Въ станицѣ двѣ школы: для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Домики подъ школы отведены невзрачные и маленькіе, какъ и большая часть хатъ въ самой станицѣ. Съ каждымъ годомъ тѣсныя казацкія хаты все меньше привлекаютъ къ себѣ курсовыхъ больныхъ, которые предпочитаютъ размѣщаться въ меблированныхъ комнатахъ, гостиницахъ и болѣе благоустроенныхъ домахъ частныхъ предпринимателей. Большая часть казачьихъ хатъ срублены изъ дерева, побѣлены глиной, какъ въ Малороссіи, и покрыты камышемъ. Кирпичныя постройки и желѣзная крыша составляютъ исключенія. Нерѣдки постройки изъ такъ называемаго саманнаго кирпича, то-есть, кирпича, сдѣланнаго изъ глины, смѣшанной съ соломой.

Обстановка хатъ, отдаваемыхъ внаймы курсовымъ больнымъ, конечно, самая жалкая. Мебели никакой, кровати самыя примитивныя, тюфяки грязные, окна и двери плохо прилаженныя, всякихъ мошекъ, мухъ и насѣкомыхъ такое обиліе, что имъ могла-бы позавидовать самая грязная провинціальная гостиница дореформеннаго времени.

Жители станицы, надѣленные въ избыткѣ превосходною степною землей (душевой на-

дѣлъ равняется приблизительно 25 десятинамъ), занимаются особенно охотно всякими побочными заработками, имѣющими центръ—обиранiе курсовыхъ больныхъ. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ *извозный* промыселъ, который на всѣхъ группахъ до проведенiя чугунки организованъ на истинно-грабительскихъ началахъ. Объ упорядоченiи этого вида хищничества теперь не стоитъ, конечно, и говорить, такъ какъ съ открытiемъ желѣзно-дорожнаго пути на всѣ группы, онъ значительно видоизмѣнился и перешелъ въ болѣе безобидную форму обиранiя публики путемъ доставленiя ей прогулочныхъ верховыхъ лошадей. Къ земледѣлiю желѣзная дорога не обратила, конечно, ни одного извощика: больно они уже привыкли къ легкой наживѣ и веселой жизни. Однако, было бы ошибочно предполагать, что станичные извозчики живутъ зажиточно и въ богатствѣ. Большинство изъ нихъ въ неоплатныхъ долгахъ у разныхъ экипажниковъ и продавцевъ лошадей. Кромѣ задолженности извозчики привыкаютъ къ легкой жизни, вертясь постоянно около господъ, участвуя въ пикникахъ и попойкахъ.

Въ минеральной станицѣ всѣ продукты домашняго хозяйства прiурочиваются къ возможно дорогому сбыванiю во время сезона, правильное хозяйство забрасывается, а ремеслами никто заниматься не хочетъ. То же явленiе, какъ извѣстно, съ еще большею рельефностью сказывается въ Швейцарiи, гдѣ вся страна превратилась въ одинъ курортъ, всѣ жители въ проводниковъ и грабителей, а всѣ прiѣзжiе въ дойныхъ коровъ.

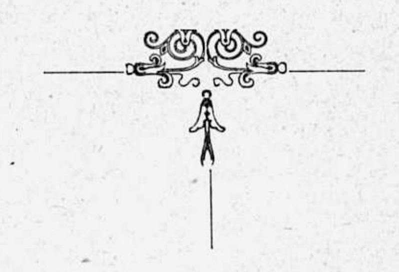
Станичная улица, дворы возлѣ хатъ и особенно задворки запущены и загажены самымъ фундаментальнымъ образомъ и, конечно, въ этомъ отношенiи ничѣмъ не отличаются отъ доброй русской деревни. Несомнѣнно при этомъ, что сколько-нибудь солидное оздоровленiе нашихъ группъ возможно лишь при серьезной затратѣ средствъ на оздоровленiе смежныхъ съ группами станицъ, иначе наши санаторiи могутъ весьма легко превратиться въ очаги разныхъ заразныхъ прелестей.

На первый разъ для очищенiя такихъ станицъ было бы достаточно снабдить ихъ водопроводомъ и устроить хотя бы самый элементарный вывозъ нечистотъ. Эти мѣры такъ же необходимы для кавказскихъ минеральныхъ водъ, какъ какой-нибудь правильный каптажъ извѣстнаго источника и другiя гидротехническiя приспособленiя, регулирующiя правильную эксплоатацiю водяныхъ минеральныхъ богатствъ.

На самихъ казаковъ надежда плоха, и потому отчужденiе казачьихъ земель въ частную владѣльческую собственность является истинною злобой дня для Ессентукской группы кавказскихъ водъ.

Министерство земледѣлiя вполнѣ пони-

маетъ всю важность этого обстоятельства и даже ходатайствуетъ объ отпускѣ особаго кредита для пріобрѣтенія въ Ессентукахъ отъ казаковъ не менѣе 200 десятинъ земли для раздачи на льготныхъ условіяхъ подъ застройки. Безъ этой мѣры здѣсь немыслимо создать поселенія, удовлетворяющаго условіямъ благоустроеннаго курорта. Однако, пока всѣ попытки этого рода разбиваются о казачью косность и силу ихъ привиллегій.

Главныя группы кавказскихъ водъ.

Кавказскія минеральныя воды принято раздѣлять обыкновенно на четыре группы: Пятигорскъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ и Кисловодскъ. Мы начнемъ наше описаніе съ Пятигорска, какъ административно-врачебнаго центра кавказскихъ водъ. Отъ станціи «Минеральныя воды» до Пятигорска, уѣзднаго города Терской области, всего около 20 верстъ и, если въ 1807 году, когда эту мѣстность посѣтилъ Клапротъ, здѣсь былъ всего одинъ плохо выстроенный домъ и всего одна ванна, грубо высѣченная въ туфяной скалѣ [1]) то въ настоящее время это хорошенькій, не русскаго вида живописный городокъ, примостившійся у подножія и по склонамъ горы Машука на лѣвомъ берегу мутнаго Подкумка.

[1]) Туфомъ называютъ слой известковыхъ солей, отложившихся изъ дѣйствовавшихъ раньше минеральныхъ ключей съ примѣсью органическихъ остатковъ. Въ бассейнахъ и въ трубахъ, по которымъ идутъ минеральныя воды, и въ настоящее время совершается отложеніе туфа. Вся горячая гора, на которой отчасти выстроился Пятигорскъ, состоитъ изъ наслоеній туфа.

Вообще наружный видъ города, изъ котораго открывается чудная панорама Кавказскаго снѣговаго хребта съ серебрянымъ Эльборусомъ, близость красавца Бештау, все это дѣлаетъ Пятигорскъ однимъ изъ крайне пріятныхъ и живописныхъ уголковъ земли русской,—уголковъ, которымъ восхищалась отзывчивая на все истинно-прекрасное душа Лермонтова.

Городъ растетъ медленно, но съ тою сказочною быстротой, которая характеризуетъ ростъ американскихъ городовъ, но все же въ немъ считается уже до 17—19 тысячъ жителей, а въ разгаръ лѣтняго сезона вмѣстѣ съ пріѣзжими это число поднимается до 25 тысячъ человѣкъ.

Всѣхъ домовъ въ городѣ считается до полутора тысячъ, такъ что, повидимому, всѣ эти 25.000 обитателей могутъ размѣщаться весьма просторно и свободно (по 16 чел. на домъ), но если отбросить всѣ отвратительныя постройки изъ саманнаго кирпича и турлучныя, то-есть, стѣны которыхъ сложены изъ навоза, то общее число годныхъ для жизни домовъ упадетъ до 600, и такимъ образомъ на каждый домъ придется уже по 33 жильца, что, при маломъ вообще размѣрѣ пятигорскихъ домиковъ, нельзя не признать за крайнее переполненіе и скученность.

Дѣйствительно знатоки дѣла свидѣтельствуютъ, что уже при съѣздѣ больныхъ не превышающемъ 4.000 чел. чувствуется недостатокъ въ удобныхъ помѣщеніяхъ, причемъ большинство квартиръ въ каменныхъ домахъ отличается сыростью. «Въ разгаръ лѣченія въ гостиницахъ трудно получить помѣщеніе, и нерѣдко приходится видѣть, что багажъ пріѣзжающихъ, до пріисканія квартиръ, складываютъ на улицѣ. Въ это время цѣны на помѣщенія возвышаются неимовѣрно; безцеремонность хозяевъ доходитъ до того, что васъ преспокойно просятъ или оставить квартиру, если вы не имѣете никакого письменнаго условія, или платить двойную цѣну. Жалобы на притѣсненія хозяевъ, къ сожалѣнію, остаются безъ всякихъ послѣдствій».

Мнѣ лично пришлось на себѣ испытать разыгравшійся аппетитъ пятигорскаго обывателя, который ничто же сумняся, содралъ съ меня по 4 съ полтиной за крошечную комнату, вымазанную мѣломъ и безъ всякой почти мебели. Квартира помѣщалась, правда, въ центрѣ города, но имѣла ужасное отхожее мѣсто, не имѣла водопровода, и въ корридорѣ стояло страшное зловоніе отъ керосиновыхъ лампъ-коптилокъ. Кроватъ въ комнатѣ никуда не годилась, бѣлья постельнаго къ ней не полагалось, а прислуги дозваться было невозможно.

Особенно плохо устроены дома, расположенные по берегу Подкумка въ балкѣ, въ такъ-называемой Свиной и Кабардинской слободкахъ. А потому неудивительно, что холера, пощипавшая въ 1892 году почти всѣ груп-

пы, всего серьезнѣе похозяйничала въ Пятигорскѣ.

Вообще городъ Пятигорскъ не можетъ претендовать на репутацію здороваго города и, по вычисленіямъ Богословскаго, ежегодная смертность здѣсь доходитъ до 30 человѣкъ на тысячу. Вычисленія эти, впрочемъ, проблематичны. Но для курорта—и даже для русскаго—этого, конечно, слишкомъ много!

Пятигорскъ лежитъ, какъ извѣстно, на одной широтѣ съ Генуей, но климатъ его, въ силу большаго поднятія надъ уровнемъ моря (1.680 футовъ) и близости отъ вѣчныхъ снѣговъ Кавказа, гораздо суровѣе Генуэзскаго и подверженъ довольно рѣзкимъ колебаніямъ. Зимы нерѣдко здѣсь крайне суровы; зимой царствуютъ такіе же туманы, какъ въ Лондонѣ, а лѣто зачастую нестерпимо знойно, причемъ температура способна доходить до 42° Ц.

Кромѣ того лѣто нерѣдко сопровождается явленіемъ такъ-называемаго сухаго тумана или мглы, что такъ же непріятно, какъ и тучи известковой пыли, которыя носятся по всему городу и отравляютъ жизнь въ этомъ курортѣ (вѣтры здѣсь часты, а мостовыя плохи до невѣроятія). Въ общемъ, по новѣйшимъ наблюденіямъ, Пятигорскъ имѣетъ лѣто одинаковое по температурѣ съ лѣтомъ нашей Одессы.

Населеніе Пятигорска живетъ, подобно населенію минеральныхъ станицъ, спеціально за счетъ пріѣзжихъ, и потому время сезона

можно уподобить пробужденію отъ зимней спячки, когда замираетъ всякая дѣятельность и обыватель довольствуется жиромъ, снятымъ съ пріѣзжаго больного. Описаніе пятигорскихъ достопримѣчательностей (передѣланный до неузнаваемости домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, гротъ его же, памятникъ ему же и пр.) и окрестностей не входитъ въ нашу программу, а относительно бальнеологическихъ приспособленій и лѣчебныхъ средствъ этой группы замѣтимъ, что эксплоатируемые здѣсь источники характеризуются содержаніемъ сѣроводорода и сѣрнистыхъ соединеній. Ихъ употребляютъ и внутрь и снаружи, и по своему составу въ Европѣ къ нимъ ближе всего подходятъ знаменитыя Ахенскія минеральныя воды. Изъ окрестностей Пятигорска стоитъ указать *горько-соленое озеро Тамбуканъ*, откуда добывается цѣлебная грязь, *колонію Карасъ* съ извѣстнымъ слабительнымъ источникомъ «Маріи Терезіи», *Юцкій рудникъ*, снабжающій Пятигорскъ прѣсной водой, *Перкальсскій* родникъ—мѣсто дуэли Лермонтова, *Большой провалъ*, *хуторъ б. Больдта* и пр.

Не останавливаясь на вопросѣ о томъ, какія условія гарантируютъ наиболѣе успѣшное развитіе кавказскихъ минеральныхъ водъ, замѣтимъ, что прежде всего населенные пункты, гдѣ расположены всѣ группы этихъ водъ нуждаются въ чисто санитарныхъ, гигіеническихъ улучшеніяхъ.

Въ Пятигорскѣ, прежде всего, слѣдуетъ закрыть Кабардинскую и отчасти Свиную слободки, потому что онѣ до такой степени завалены нечистотами, навозомъ и всякою дрянью, что являются излюбленнымъ мѣстомъ распространенія всевозможныхъ заразныхъ эпидемій, и конечно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія терпѣть присутствіе такихъ очаговъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ отъ лѣчебнаго курорта.

Съ проведеніемъ въ Пятигорскъ прѣсной воды отъ подножія горы Юцы [1]) дѣло оздоровленія этого города несомнѣнно подвинулось впередъ, но мало еще провести воду въ городъ, необходимо обязать всѣ гостиницы, всѣ нумера и квартиры, отдаваемые «курсовымъ», устроить у себя водопроводы, ватеръ-клозеты, а то, кромѣ одной-двухъ гостиницъ, многіе дома въ Пятигорскѣ обходятся ужасными приспособленіями, замѣняющими отхожія мѣста. Во всемъ Пятигорскѣ до сихъ поръ не имѣется сколько-нибудь сносной бани (предположена постройка казенной бани), не говоря уже о купальнѣ съ прѣсною водой.

Вообще городъ Пятигорскъ раздѣляетъ участь огромнаго большинства провинціальныхъ русскихъ городовъ: онъ скверно мощенъ, онъ очень пыленъ, онъ не канализированъ,—въ

[1]) Водопроводъ даетъ до 300.000 ведеръ прекрасной прѣсной воды (можетъ давать и больше). Вода проведена частью по закрытому бетонному каналу, частью по чугуннымъ трубамъ, которыя даютъ въ городѣ семиверстную сѣть.

немъ много улицъ и большая часть домовъ не снабжены водопроводомъ, его отхожія мѣста способны внушать ужасъ всякому свѣжему человѣку, онъ плохо освѣщается, еще хуже поливается, отличается крайнею дороговизной квартиръ во время сезона, не имѣетъ пансіоновъ для помѣщенія посѣтителей водъ, не имѣетъ санаторіумовъ и до сихъ поръ не имѣетъ ни порядочнаго театра, ни концертной залы, ни одной гостиницы, которую можно было бы поставить на одинъ уровень, не говорю, съ первоклассными, но даже второклассными заграничными отелями. (Въ послѣдніе время такая гостиница появилась, именно Европейская, принадлежащая генералу К.).

Городъ не имѣемъ не только постоянной больницы, но никакихъ приспособленій для помѣщенія заразныхъ больныхъ, для изоляціи ихъ, не имѣетъ дезинфекціонной камеры даже самаго простѣйшаго устройства и тратитъ буквально жалкіе гроши на содержаніе себя въ чистотѣ и опрятности. Если для состоятельныхъ людей въ городѣ имѣется такъ мало удобствъ, то для бѣдняковъ, чернорабочихъ, поденщиковъ и пр. не сдѣлано ровно ничего въ облегченіе первыхъ потребностей ихъ жизни.

И вотъ въ этой неприглядной жизненной рамкѣ и приходится дѣйствовать и развертывать свои лѣчебныя средства пятигорской группѣ минеральныхъ водъ,—обстоятельство, которое совершенно не принимаютъ во вниманіе

многіе критики здѣшнихъ порядковъ и которое мы особенно подчеркиваемъ, ибо имъ, этимъ общежительствомъ, всецѣло опредѣляются тѣ неудобства, которыми такъ недовольны посѣтители кавказскихъ водъ и которыя, очевидно, лежатъ внѣ предѣловъ компетенціи управленія водами.

Пятигорскій провалъ, прогулки на Юцу, на Перкалку, къ мѣсту, гдѣ убитъ былъ знаменитый поэтъ—все это не входитъ въ наше описаніе, все это можно найти во множествѣ расплодившихся путеводителей по водамъ. Поѣдемъ на другую группу.

Въ 15 верстахъ отъ Пятигорска расположена упомянутая нами выше Ессентукская станція.

Мѣстность здѣсь со всѣхъ сторонъ открытая, можно сказать, степная. Извѣстно, что ессентукскіе источники долгое время находились въ печальномъ положеніи, и лишь въ семидесятыхъ годахъ начались серьезныя работы по правильному каптажу источниковъ, началась осушка мѣстности, появились частныя гостиницы, и курортъ сталъ принимать болѣе устроенный видъ. На Ессентукской группѣ имѣются троякаго сорта источники. Во первыхъ желѣзисто-соляно щелочные (коренные источники, грифоны), во вторыхъ соляно-щелочные смѣшаннаго типа, сюда относится знаменитый *семнадцатый номеръ* (сѣрно-кислый желѣзисто-щелочный) и въ третьихъ сѣрно-щелочные. Первые два сорта служатъ для внутренняго употребленія, вторыя исключительно для ваннъ. Въ Ессентукахъ воздвигается нынѣ роскошное ванное зданіе на 30 кобынъ, изъ коихъ 12 предназначается для грязеваго леченія. Новое ванное зданіе (стоимостью въ 300 тыс. руб.) будетъ окончено постройкой лѣтомъ 1897 года. Съ 1892 г. Ессентукская группа имѣетъ прѣсный водопроводъ изъ Капельнаго источника, но этой воды мало и существуетъ проектъ снабдить группу водой изъ обильнаго Юцкаго родника, снабжающаго Пятигорскъ чудесной водой. Въ Ессентукахъ имѣется интересная фабрика, изготовляющая превосходныя Ессентукскія лепешки и соль.

Желѣзнодорожный путь, который связалъ нынѣ всѣ группы водъ между собой, конечно, подниметъ значительно весь нашъ кавказскій курортъ, но разумѣется, этотъ важный шагъ не исключаетъ необходимости и другихъ мѣръ.

Весьма вѣроятно, что благодаря открытію между группами желѣзнодорожнаго сообщенія, значеніе нѣкоторыхъ группъ сильно пострадаетъ. Напримѣръ, нѣтъ ничего мудреннаго, что Ессентуки со своими неинтересными окрестностями совершенно опустѣютъ. Дѣйствительно, не всякій станетъ жить въ Ессентукахъ, когда можно съ удобствомъ поселиться въ Кисловодскѣ, откуда ничто не мѣшаетъ за двугривенный, въ прекрасномъ вагонѣ въ какіе-нибудь полчаса съѣздить въ Ессентуки и вы-

пить стаканъ другой изъ его цѣлебныхъ источниковъ! То же самое можно предсказать и Желѣзноводску, если онъ не поспѣшитъ обзавестись хорошими квартирами. И теперь уже по праздникамъ всѣ группы совершенно пустѣютъ и всѣхъ посѣтителей вбираетъ въ себя Кисловодскъ. На ночь поѣзда берутъ штурмомъ и всѣ посѣтители перекочевываютъ въ Кисловодскъ.

Въ Кисловодскѣ, въ этомъ русскомъ Меранѣ, удобства для публики растутъ съ каждымъ годомъ и въ какіе-либо 2—3 года этотъ курортъ ушелъ впередъ до неузнаваемости. Здѣсь теперь и электрическое освѣщеніе и роскошный желѣзнодорожный курзалъ съ превосходнымъ рестораномъ и другими удобствами и изобиліе ваннъ (старые ванны и новое ванное зданіе въ честь А. Скальковскаго, б. директора горнаго департамента), а главное чудный горный климатъ.

Та часть желѣзнодорожнаго пути, которая идетъ между Ессентуками и Кисловодскомъ, особенно живописна. Полотно дороги все время вьется вдоль быстрой каменистой рѣчки Подкумка въ красивомъ горномъ ущельѣ, и поѣздъ подвозитъ путешественниковъ прямо къ Крестовой горѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ знаменитой тополевой аллеи, ведущей къ галлереѣ Нарзана. Несомнѣнно, что желѣзнодорожники, стремящіеся превратить Кисловодскъ въ Кавказскій Павловскъ, пожнутъ хорошіе барыши и будутъ еще привѣтствованы вѣчною благодарностью публики. Въ 1895 году на Минераловодской вѣтви проѣхало 285 т. пассажировъ. Но квартиры въ Кисловодскѣ пока отличаются крайнею дороговизной. Даромъ даютъ только Нарзана, да и тотъ послѣ новой обдѣлки не всѣмъ нравится.

За крошечную комнату дерутъ въ разгаръ сезона по пяти рублей въ сутки, фунтъ масла сливочнаго обходится около рубля, фунтъ плохой, жесткой вядчины оплачивается отъ 65 коп. до одного рубля и даже за фунтъ дряннаго мещерскаго сыра взымаютъ полтинникъ.

Но что требуетъ настоятельной реформы, такъ это прогулочная часть. Она также примитивна и баснословна дорога. Всѣ прогулки на окрестныя горы (къ дальнему водопаду, къ Римъ-горѣ, на Сѣдло-гору, на Бермамутъ, на Кольцо-гору и т. д.) обходятся безумно дорого. Съ одного моего знакомаго, отправившагося въ знаменитый замокъ «Коварства и любви», въ 3 верстахъ отъ Кисловодска, содрали за приборъ къ чаю на нѣсколько душъ чуть-ли не три съ полтиной. Вообще всѣ прогулки изъ Кисловодска, можно сказать, совсѣмъ не разработаны и стоютъ огромныхъ денегъ.

Кисловодскъ, подобно немногимъ счастливымъ мѣстностямъ, въ родѣ Царскаго Села, никогда якобы не видалъ у себя холеры. Холерная эпидемія шестикратно посѣщала въ разное время Кавказскія минеральныя воды и

всякій разъ щадила Кисловодскъ. Въ 1892 году, причемъ и Кисловодскъ не былъ пощаженъ, хотя случаи холеры все же здѣсь довольно малочислены. Собравшаяся въ сезонъ 1892 года на водахъ публика отлично знала этотъ фактъ и почти вся перекочевала въ Кисловодскъ, оставивъ на другихъ группахъ лишь по нѣскольку десятковъ храбрецовъ, которые не боятся холеры. Впрочемъ, въ концу іюля изрядно опустѣлъ и Кисловодскъ, и на водахъ остались главнымъ образомъ армянскія физіономіи и бѣглецы изъ Ростова, Баку, Астрахани и тому подобныхъ злополучныхъ городовъ, гдѣ холера собрала обильную дань.

Прѣсный водопроводъ изъ Лермонтовскаго источника открытъ съ 1894 года и это очень украсило Кисловодскъ. Водопроводъ даетъ около 120.000 ведеръ въ сутки и устроенъ пополамъ желѣзною дорогой и управленіемъ водъ.

Нарзанъ послѣ новаго каптажа даетъ отъ 200—220 тысячъ ведеръ въ день, и потому неудивительно, что эта чудесная вода расходовалась здѣсь самымъ нелѣпымъ образомъ. Нарзаномъ не только умывались, но еще недавно поливали уличную пыль, стирали въ немъ бѣлье, поили скотъ, и все еще много этого «богатыря» (Нарзанъ—Богатырскій источникъ) спускается прямо въ сосѣднюю рѣку.

Лошади такъ привыкаютъ къ Нарзану, что, попробовавъ его, отказываются пить другую воду. Лошадь одного моего здѣшняго пріятеля пьетъ только Нарзанъ, и когда ѣдетъ

въ Пятигорскъ, то ни за какія деньги не станетъ пить тамошней воды, терпѣливо ожидаетъ возвращенія домой и здѣсь уже жадно набрасывается на живительную воду Нарзана.

Несомнѣнно, попади Нарзанъ не во власть широкой русской натуры, его давнымъ давно перестали бы расходовать такъ непроизводительно. Газированный собственнымъ газомъ Нарзанъ составляетъ превосходный напитокъ, съ которымъ не сравнится никакая сельтерская вода, ни даже пресловутый и многорекламированный Гисгюблеръ. А между тѣмъ кто въ Россіи пьетъ или даже знаетъ о существованіи этого напитка, рыночная цѣна котораго притомъ баснословно дорога, что-то около 10 руб. безъ доставки за ящикъ въ 60 небольшихъ бутылокъ.

Та-же исторія повторяется со слабительною водой Маріей-Терезіей. Обильный источникъ этой воды, какъ мы уже упоминали, открытъ Жюлемъ Франсуа близъ Пятигорска и окрещенъ имъ въ честь своей дочери и жены; вода эта по своимъ качествамъ не уступаетъ ни въ чемъ лучшимъ заграничнымъ горькимъ водамъ, а между тѣмъ Россія не знаетъ ея и уничтожаетъ разныя Гуніяди-яносъ иноземнаго происхожденія. И не на всѣхъ-ли нашихъ природныхъ богатствахъ тяготѣетъ тотъ же злой рокъ!

Россія выписываетъ чуть-ли не на 2½ милліона иностранныхъ минеральныхъ водъ, тогда

какъ отпускъ Кавказской слабительной воды и Нарзана во внутреннія наши губерніи въ 1894 году не превышалъ для обѣихъ этихъ водъ 8 т. бутылокъ.

Всякому пріѣзжему въ Кисловодскъ необходимо испробовать двѣ вещи: искусственно газированный Нарзанъ и газированное молоко. Газъ для молока берется также изъ Нарзана.

Газированное молоко—чисто русское изобрѣтеніе, кажется проф. Постернацкаго, составляетъ также прекрасный питательный и освѣжающій напитокъ, который прекрасно приготовляется въ Кисловодскѣ. О Нарзанѣ стоитъ разсказать подробнѣе. Его недавняя обдѣлка вызвала въ общей и спеціальной прессѣ такую яростную полемику, что бѣдная публика совсѣмъ сбита съ толку.

Мы не станемъ приводить всѣхъ нападокъ на современный Нарзанъ. Жалуются и на то, что онъ пересталъ характерно играть и бурлить, что онъ потерялъ однѣ изъ своихъ солей (известковыя, натровыя и хлористыя) и пріобрѣлъ другія (калійныя), что онъ опрѣснѣлъ отъ притока прѣсной воды въ новый колодезь Нарзана, что онъ утратилъ свои цѣлебныя свойства и вообще подурнѣлъ до неузнаваемости.

Изъ всѣхъ этихъ нападокъ, на которыхъ зиждится «вся скорбь по Нарзану», справедливо лишь то, что измѣнилось характерное бурленіе этого источника, и, пожалуй, то, что

обдѣлка новаго источника некрасива и не эстетична. Все остальное не выдерживаетъ никакой серьезной, научной критики. Собственно говоря, до 1894 года Нарзанъ вовсе не былъ серьезно каптированъ. Устроенный въ 1851 году и просуществовавшій до послѣдняго времени большой деревянный шестиугольный срубъ далеко не былъ доведенъ до коренной породы, изъ которой выходитъ самый источникъ, такъ что не было надлежащей защиты отъ потери воды въ сторону и отъ загрязненія источника почвенными водами.

Несовершенство этого устройства повело къ тому, что почва, исподволь подмываемая просачивающимися въ сторону отъ сруба водами источника, стала опускаться. Это опусканіе почвы въ галлереѣ Нарзана впервые было замѣчено 22 августа 1893 года, а семь дней спустя, 29 августа, когда, несмотря на предохранительныя мѣры, провалъ повторился въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, обнаружилась необходимость приступить безотлагательно къ работамъ по переустройству Нарзана.

Опишу вкратцѣ каптажный колодезь Нарзана, устройство котораго окончено въ маѣ 1894 года.

Въ известнякѣ, изъ трещинъ котораго выбивается Нарзанъ двумя главными и шестью второстепенными грифонами (струями), вырублена кольцеобразная выемка, шириной въ 0,35 саж., дно выемки выравнено по ватерпа-

су, и въ ней на цементномъ растворѣ заложенъ первый рядъ каменной стѣны колодца, состоящій изъ чисто обтесанныхъ штучныхъ камней. Внутреннее очертаніе колодца имѣетъ форму круга діаметромъ въ 2 сажени; такой, сравнительно съ прежнимъ, большой діаметръ оказалось необходимымъ придать колодцу съ тою цѣлью, чтобы включить въ него всѣ грифоны минеральной воды; при меньшемъ діаметрѣ нѣкоторые изъ второстепенныхъ грифоновъ остались бы внѣ стѣнъ каптажа или подъ ними, что со временемъ могло бы вредно отразиться на прочности обдѣлки и повести къ образованію новаго провала, подобнаго бывшему въ августѣ 1893 года.

Кладка выведена на цементномъ растворѣ, и сверхъ того отдѣльные клинья въ каждомъ ряду скрѣплены между собою желѣзными скобами. Матеріаломъ для каменной кладки служилъ добываемый въ окрестностяхъ Кисловодска доломитовый известнякъ. Внутреннія стѣны колодца оштукатурены цементнымъ растворомъ. Всѣ промежутки между обдѣлкой колодца и шпунтовыми рядами, составлявшими стѣны каптажной выемки, заполнены плотно утрамбованнымъ цементнымъ бетономъ. Такимъ образомъ источникъ окруженъ нынѣ тремя прочными и водонепроницаемыми оболочками: цементною штукатуркой, каменною кладкой и бетоннымъ слоемъ.

При такой обдѣлкѣ не можетъ происходить ни малѣйшаго просачиванія минеральной воды наружу, ни притока посторонней почвенной воды внутрь колодца; Нарзанъ вполнѣ предохраненъ и отъ загрязненія грунтовыми водами и отъ боковыхъ потерь въ окружающую почву, которыя, то-есть, потери, при прежней обдѣлкѣ источника составляли отъ $1/2$ до $2/3$ всего дебита источника. Каменныя стѣны колодца выведены на 1 арш. 4 верш. выше уровня пола галлереи съ цѣлью предохранить источникъ отъ затопленія водами р. Ольховки, которая въ маѣ мѣсяцѣ 1890 года послѣ сильнаго ливня поднялась въ галлереѣ именно до этой высоты. И хотя всѣ наружные части каменной обдѣлки Нарзана облицованы бѣлымъ мраморомъ, въ общемъ получается нѣчто крайне аляповатое, неграціозное и неизящное.

Насколько выиграла вода Нарзана отъ новаго каптажа, настолько проигралъ внѣшній видъ колодца. Но это дѣло, конечно, легко поправимое: стоитъ лишь снять этотъ неуклюжій, какъ купеческая гостиница, мраморный заборъ и замѣнить его изящною ажурною рѣшеткой, какъ это и было раньше. Нѣсколько труднѣе возстановить прежнюю «игру», «бурленіе» Нарзана, и не легко убѣдить публику, что эта «игра», не заключая въ себѣ ничего цѣлебнаго для нея, вовсе не нужна. Игра эта представляла такое милое явленіе природы, что сохранить его слѣдовало во что-

бы то ни стало. Такъ какъ при каптажѣ Нарзана была снята вся толща гравія и глины, покрывавшихъ устья грифоновъ, то неудивительно, что существенно измѣнился характеръ движенія воды въ колодцѣ, то есть «игра» источника.

Вотъ какъ объясняетъ это дѣло производитель каптажныхъ работъ, горный инженеръ, Ругевичъ: «Въ прежнемъ колодцѣ вода и углекислый газъ по выводѣ изъ сравнительно широкихъ трещинъ доломита проходили по узкимъ и извилистымъ каналамъ, промытымъ въ толщѣ глины; благодаря этому вода пріобрѣтала большую скорость и потому съ большою силой выбивалась со дна колодца на поверхность; свободный газъ, встрѣчая значительное сопротивленіе въ извилинахъ каналовъ, вырывался изъ послѣднихъ не непрерывно, а періодически, но за то большими массами, и, въ свою очередь, приводилъ въ болѣе сильное движеніе воду; вслѣдствіе этого движенія, аналогичнаго размѣшиванія газированной воды въ стаканѣ, часть раствореннаго въ ней углекислаго газа выдѣлялась въ колодцѣ въ видѣ массы мельчайшихъ пузырьковъ, которыя и характеризовали собою прежнюю «игру» Нарзана.

Очевидно, однако, что при этомъ въ самой водѣ газа оставалось меньше, и меньше, слѣдовательно, поступало въ его ванны и въ стаканы потребителей. Въ настоящее время съ

удаленіемъ глины, стѣснявшей грифономъ выходъ, истеченіе воды и газа изъ трещинъ доломита происходитъ безпрепятственно, а потому болѣе равномѣрно и плавно. Благодаря этому и движеніе воды на поверхности колодца приняло болѣе покойный характеръ. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы качество воды источника ухудшилось; напротивъ, вслѣдствіе болѣе слабаго движенія минеральной воды, въ ней остается большое количество раствореннаго углекислаго газа, то-есть, самой существенной въ цѣлебномъ отношеніи составной части.

Все это, конечно, такъ, но задача каптажа вовсе не заключалась въ увеличеніи въ водѣ количества раствореннаго газа, и потому нужно было во что бы то ни стало сохранить эту игру, безъ которой внѣшній видъ источника утратилъ половину своей прелести и превратился въ «лужу», какъ говорятъ поклонники стараго Нарзана, обвиняющіе творца современнаго вида Нарзана чуть-ли не въ совершеніи государственнаго преступленія.

Вотъ какъ описывалъ прежній «Нарзанъ» извѣстный профессоръ П. И. Ковалевскій. Описаніе относится къ 1893 году. «Нарзанъ невольно тянетъ къ себѣ всѣхъ проходящихъ мимо. Это магнитъ для всякаго человѣка. Никто изъ живущихъ въ Кисловодскѣ, хотя бы онъ не пилъ Нарзана, не откажетъ себѣ

въ удовольствіи хоть разокъ въ день заглянуть на источникъ...

«Нарзанъ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ «напитокъ богатырей». Да, пить изъ такого источника не стыдно и богатырямъ, и можно стать богатыремъ, употребляя воду этого источника, ибо Нарзанъ самъ по себѣ источникъ-богатырь.... Это—родникъ около сажени въ діаметрѣ, родникъ не изъ тихо текущей воды, а родникъ бурный, пѣнящійся, покрытый множествомъ крупныхъ пузырьковъ, родникъ вѣчно кипящій...

«Въ каждую терцію вода массою выходитъ изъ нѣдръ земли и массою отводится каналами въ другіе пути... Вы видите, какъ вода прибываетъ волнами, клубится и волнами разливается по зеркалу колодца. Это нескончаемое движеніе, эта постоянная дѣятельность, эта непрерывная жизнь, невольно привлекаютъ каждаго къ себѣ, гипнотизируютъ.

«Такъ бы кажется стоялъ и смотрѣлъ безконечно на эту дивную картину, опершись на перила рѣшетки (огораживающей ключъ). И только благоразуміе и опытъ заставляютъ уйти, чтобы не подвергнуться обмороку отъ вдыханія угольной кислоты. И не пить хочется, а смотрѣть, любоваться на эту мощь, силу, разнообразіе картинъ и неизсякаемость источника».

«Нарзанъ, говоритъ тотъ же профессоръ, былъ несомнѣнно хорошо извѣстенъ черкесамъ и видимо пользовался ихъ почтеніемъ и покровительствомъ. По преданію, записанному Гаазомъ, посѣтившимъ Кисловодскъ въ 1810 году, когда русскіе солдаты пришли въ первый разъ на мѣсто источника Нарзана, то нашли здѣсь вбитый вблизи источника колъ, на которомъ висѣлъ серебряный ковшъ для питья воды. Очевидно, источникъ былъ въ такомъ почетѣ, что воду изъ него достойно было пить не иначе какъ серебрянымъ ковшомъ».

«Но увы, говоритъ другой профессоръ. Вся мощь и красота Нарзана, съ такимъ увлеченіемъ описанная П. Ковалевскимъ, отошла въ область прошедшаго. Теперь, послѣ новаго каптажа источнника, отъ «богатыря водъ» остался какой-то блѣдный призракъ, который столько же напоминаетъ прежній Нарзанъ, сколько плѣненный, искалѣченный и запертый въ клѣтку левъ напоминаетъ свободнаго, мощнаго и гордаго царя звѣрей въ его родной пустынѣ.»

И съ этимъ взглядомъ образованной публики на внѣшность Нарзана до и послѣ каптажа конечно слѣдовало серьезно считаться, приступая къ производству работъ.

Что касается остальныхъ нападковъ на неудовлетворительность новаго каптажа Нарзана, то всѣ они, повторяю, не имѣютъ серьезнаго значенія. Такъ, въ первое время въ Нарзанѣ замѣчалось довольно значительное

уменьшеніе свободнаго углекислаго газа въ сравненіи съ таковымъ же содержаніемъ въ водѣ стараго колодца, но, по мѣрѣ возстановленія прежнихъ условій гидростатическаго равновѣсія, количество углекислоты въ водѣ источника постепенно увеличивалось, и уже 8-го іюля 1894 года превысило прежнюю норму.

Содержаніе въ прежнемъ Нарзанѣ значительныхъ количествъ известковыхъ солей (углекислая и сѣрнокислая известь) было также явленіемъ неблагопріятнымъ, такъ какъ присутствіе ихъ вредно вліяло на здоровье потребителей, способствуя, при постоянномъ употребленіи воды этого источника, образованію камней мочевого пузыря. Значительное содержаніе известковыхъ солей ставило прежде воду Нарзана ниже воды такого пользующагося общею извѣстностью углекислаго источника, какъ Appolinaris, въ которомъ содержаніе окиси кальція почти въ пять разъ меньше нежели въ Нарзанѣ прежняго каптажа. Новый каптажъ измѣнилъ воду Нарзана въ благопріятномъ смыслѣ и въ этомъ отношеніи. Наконецъ, что касается увѣренія нѣкоторыхъ критиковъ, что Нарзанъ разжижается прѣсною водой, то это очевидное недомысліе, ибо при опрѣсненіи Нарзана не могло бы произойти увеличенія процентнаго въ немъ содержанія углекислоты, какъ то доказываютъ точные анализы, а наоборотъ—произошло бы паденіе процентнаго содержанія этого газа, кромѣ того и другіе спеціальные факты убѣждаютъ въ несправедливости этого увѣренія.

Такимъ образомъ, вся шумная полемика по вопросу о Нарзанѣ, поднятая въ прошломъ году, въ общемъ сводится къ ряду недоразумѣній. Гора родила мышь, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что первый авторитетный спеціалистъ, котораго правительство найдетъ нужнымъ командировать въ Кисловодскъ, своимъ трезвымъ словомъ успокоитъ расходившіеся нервы публики, увѣряющей, что старый Нарзанъ уничтоженъ и навѣки загубленъ.

Кисловодская климатическая станція расположена ближе другихъ группъ къ главному Кавказскому хребту и лежитъ въ какихъ-нибудь 60 верстахъ отъ гиганта—Эльборуса. Дно ущелья, въ которомъ расположенъ Кисловодскъ, находится на высотѣ 2.700 футъ надъ уровнемъ моря, то-есть, слѣдовательно, почти на одномъ уровнѣ съ вершиной Машука. Благодаря своему высокому положенію, климатъ Кисловодска очень пріятенъ лѣтомъ, и жара здѣсь не бываетъ сильнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Все Кисловодское ущелье, идущее по теченію рѣчки Ольховки, представляетъ собой роскошный паркъ, представляющій многообразныя удобства для собирающейся здѣсь публики.

Въ Кисловодскъ обыкновенно принято пріѣзжать долѣчиваться и, какъ говорятъ, оканчивать любовные дуэты, начатые на другихъ

группахъ. Не знаю—на сколько послѣднее вѣрно, однако, полагаю, что Кисловодскъ заслуживаетъ болѣе серьезнаго къ себѣ отношенія, и послѣднія изслѣдованія съ несомнѣнностью доказываютъ, что Кисловодскъ должно разсматривать не только какъ пріятный дачный уголокъ, но какъ превосходную горную климатическую станцію, гдѣ слабогрудые и чахоточные могли бы съ успѣхомъ оставаться даже на зиму, подъ условіемъ, конечно, если въ этомъ курортѣ будутъ заведены соотвѣтствующіе дома и квартиры.

Населеніе Кисловодской слободы, кромѣ чиновничества, владѣющаго лучшими домами и дачами, и купечества пришлаго и мѣстнаго, слагается изъ слободскихъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и всякаго пришлаго сброда. Нивеллировки всего этого разношерстнаго элемента не имѣется, конечно, никакой, все это тянетъ врознь и въ разныя стороны и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что всю эту компанію трудно объединить во имя проведенія въ жизнь принциповъ раціональнаго оздоровленія и ассенизаціи Кисловодска. Нужна сильная власть, твердая иниціатива на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, которая могла бы ввести санитарное однообразіе во всѣхъ этихъ казачьихъ слободскихъ и барскихъ усадьбахъ.

Кисловодскъ повторяетъ на себѣ исторію всѣхъ минеральныхъ станицъ, и слобожане здѣсь также точно исключительно живутъ за

счетъ заработковъ отъ пріѣзжихъ курсовыхъ больныхъ. Въ силу этого порядка вещей все остальное хозяйство слобожанъ (хлѣбопашество, садоводство, огородничество, скотоводство) запущено до послѣдней степени, такъ что, не будь вблизи отъ Кисловодска большой казачьей станицы, всему курорту грозила бы голодная смерть.

Всѣ лѣчебныя приспособленія Кисловодска сводятся, какъ мы уже упоминали, къ знаменитому источнику Нарзану, который пьютъ и больные и здоровые, и купанье въ которомъ дѣйствуетъ сильно возбуждающимъ образомъ. Причиною этого обстоятельства является не столько температура этого источника (10,5 по R), сколько присутствіе углекислаго газа. Въ Кисловодскомъ паркѣ имѣется холодный прѣсный источникъ съ 9^0 температуры, но онъ далеко не имѣетъ того дѣйствія, какое присуще Нарзану (землисто-углекисло-желѣзистая вода).

По своему рѣзко возбуждающему дѣйствію купанье въ цѣльномъ Нарзанѣ охотно практикуется въ томъ возрастѣ, для котораго Браунъ-Секаръ изобрѣлъ свои впрыскиванія. Поэтому Нарзанъ въ шутку называютъ «могилой» старцевъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, не разъ уже было замѣчено, что при неосторожномъ купаньѣ въ этомъ богатырѣ наступала столь сильная реакція, что уносила въ гробъ неосторожнаго паціента. Въ общемъ,

Кисловодскъ сильно нуждается въ устройствѣ хорошаго со всѣми новѣйшими приспособленіями гидропатическаго заведенія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣдней группѣ—Желѣзноводской.

Желѣзноводскъ пріютился между горой Желѣзной и Бештау, въ мѣстности гористой и густо-поросшей лѣсомъ. Разстояніе этой станціи отъ Ессентуковъ по сокращенной дорогѣ, около Бештау, не превышаетъ 15 верстъ и столькихъ же отъ Пятигорска.

Для характеристики благоустройства этой группы достаточно сказать, что здѣсь до сихъ поръ не имѣется ни одной гостиницы съ номерами, и пріѣжему больному предоставляется устраиваться хоть подъ открытымъ небомъ. Это уже что то совсѣмъ первобытное и пахнетъ тѣмъ добрымъ старымъ временемъ, когда пріѣзжіе на Кавказъ курсовые больные располагались какъ номады въ кибиткахъ, и окрестныя горы были полны поэтическими, но грозными черкесами, готовыми не только ободрать, но и убить презрѣннаго гяура.

Желѣзноводску, кромѣ гостиницъ, (въ послѣднѣе время казенное управленіе думаетъ дать Желѣзноводску барачную гостиницу, переносимую съ Нижегородской выставки, да по частной иниціативѣ рѣшила постройку богатой гостиницы) недостаетъ мостовыхъ, недостаетъ освѣщеніи улицъ и парка, осушенія парка, недостаетъ отхожихъ мѣстъ, бани, словомъ, недостаетъ того, что *можетъ создать* здѣсь, благодаря чудеснымъ природнымъ бальнеологическимъ приспособленіямъ (желѣзноцелочныя воды) и хорошему климату (климатъ среднихъ Альпъ) прекрасный курортъ.

Окрестности Желѣзноводска отличаются большою живописностью. На Желѣзную гору ведетъ недурная пѣшеходная тропа, но къ сожалѣнію, вида съ горы почти никакого нѣтъ, ибо вершина густо заросла лѣсомъ. Никакой будки отъ непогоды, не говоря уже о ресторанѣ на вершинѣ, конечно не имѣется.

Желѣзноводскъ считается почему-то спеціально дамскою и дѣтскою группой, и эти элементы ищутъ здѣсь обыкновенно исцѣленія отъ малокровія и обѣднѣнія крови желѣзомъ. Однако и сердечные больные, и толстяки могли бы съ успѣхомъ получать здѣсь облегченіе, пользуясь удобною для гимнастическихъ восхожденій горой Желѣзною.

Желѣзноводскіе источники всѣ содержать желѣзо и относятся къ группѣ такъ называемыхъ желѣзно-земляныхъ, преимущественно желѣзно-известковыхъ водъ. Всего скорѣе можно сравнить Желѣзноводскіе ключи съ источниками Контрексвиля, съ которыми они имѣютъ полную аналогію, за исключеніемъ сѣрнокислой извести (гипса). Въ желѣзноводскихъ ключахъ не особенно много желѣза, но въ послѣднее время доказано, что для того, чтобы желѣзистая вода дѣйствовала какъ таковая, вѣр-

но не количество содержащагося въ ней желѣза, а цѣлый рядъ другихъ условій и что поэтому источники Желѣзноводска, бѣдные желѣзомъ, дѣйствуютъ экскизитно, и какъ желѣзныя воды ихъ не основательно обзывать «прѣсноводскими», какъ то пытались дѣлать нѣкоторые остроумцы. Весьма важнымъ преимуществомъ желѣзноводскихъ ключей должно признать ихъ высокую температуру. Это обстоятельство имѣетъ особенно существенное значеніе при назначеніи теплыхъ ваннъ, такъ какъ воду не приходится нагрѣвать и, слѣдовательно, не приходится терять составныя ея части. При подогрѣваніи угольная кислота улетучивается, а известь и желѣзо выпадаютъ. При внутреннемъ употребленіи эта особенность также выгодна и лица, которыя не переносятъ холодной воды могутъ пить натуральную теплую воду. Съ 1893 года въ Желѣзноводскѣ окончена постройка великолѣпнаго ваннаго зданія въ честь б. министра государственныхъ имуществъ ст. секр. М. Н. Островскаго. Это безспорно пока лучшее ванное зданіе на всѣхъ группахъ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Мѣсто для постройки избрано Леономъ Дрю (не совсѣмъ удачно), а проэктъ сооруженія, въ выдержанномъ Мавританскомъ стилѣ, принадлежитъ графу Сюзору. При ваннахъ прекрасное гидропатическое заведеніе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ваннъ расположенъ желѣзнодорожный вокзалъ.

Изъ Желѣзноводска можно совершать массу интересныхъ прогулокъ и экскурсій. Таковы экскурсіи на желѣзную гору, о чемъ уже говорили выше, на Бештау (Новенькая караулка), на гору Острую, Медовую, Развалку, Змѣевую, на хутора Евдокимова, Пѣховскаго, Строгонова и пр. Дорога вьется все время среди пригорковъ, полей и массы зелени, напоминая лучшія мѣста Швейцаріи.

IV.

Кавказъ, воспѣтый Лермонтовымъ, пожалуй, извѣстенъ у насъ въ Россіи лучше всѣхъ другихъ окраинъ. А красоты Кавказа, въ смыслѣ пейзажей, пользуются у насъ большею популярностью, чѣмъ пейзажи нашихъ мѣстностей средней Россіи. Крыму и Кавказу очень везетъ въ этомъ отношеніи; кто только ихъ не воспѣвалъ и не описывалъ! Даже въ нашей беллетристической литературѣ можно встрѣтить чудесныя картины грознаго Кавказа и роскошнаго Крыма и очень трудно найти порядочное описаніе красотъ Волги или другой русской рѣки.

Но и дѣйствительно до чего хорошъ даже и Сѣверный Кавказъ, откуда я пишу вамъ эти строки, повѣрить трудно. Изъ моей комнаты открывается чудесный видъ на своеобразную заостренную вершину Бештау, бока которой

заросли густымъ лѣсомъ чинаръ, орѣшника, ясени, бука и черешни. Выйдешь на балконъ — и направо за необозримою гладью открываются посеребренныя вершины главнаго Кавказскаго хребта, а надъ всею этою картиной гордо возвышаетъ голову матово-серебряный конусъ Эльборуса; выйдешь въ степь—картина еще лучше, тишина мертвая кругомъ, утренніе лучи солнца ярко освѣщаютъ снѣжныя вершины гдѣ-то далеко на горизонтѣ; плавно рѣетъ въ воздухѣ громадный сѣрый ястребъ, высматривая въ степной травѣ свою добычу; вдали покажется всадникъ, который ѣдетъ прямо степью, минуя шоссе и телеграфные столбы.

Кажется, что видишь все это на сценѣ— до того все это красиво и оригинально. Всадникъ оказывается горцемъ, лошадь подъ нимъ идетъ необыкновенно щеголевато и спокойно, бурка красиво развѣвается по вѣтру, изъ-подъ башлыка, наброшеннаго на голову, на васъ сверкаютъ темные, великолѣпные глаза какого-то загорѣлаго разбойника, вся фигура котораго дышетъ особою мужественною граціей и изяществомъ.

А подите на Ессентукскій базаръ—до чего онъярокъ и живописенъ. Здѣсь идетъ пора сѣнокосовъ и жатвы, и на базарѣ не протолкаешься отъ нанимателей и охотниковъ наняться на косьбу и на жнитво. Здѣсь вы можете встрѣтить и хорошенькую казачку и су-

тящагося армянина, и разбитнаго грузина, и гордаго кумыка въ своихъ живописныхъ лохмотьяхъ,—все это суетится, гомонитъ, закусываетъ, пьетъ, торгуется, шумитъ, споритъ и ссорится на русскомъ, армянскомъ, грузинскомъ и не вѣсть Богъ на какихъ языкахъ.

Вообще, кавказское многоязычіе извѣстно съ давнихъ временъ. Еще Страбонъ разсказывалъ, что въ городъ Діоскурію, въ нынѣшней Абхазіи, собрались купцы трехъсотъ различныхъ народностей, изъ коихъ ни одинъ не говорилъ на языкѣ своихъ сосѣдей, потому что каждый изъ нихъ, по дикости или гордости, воздерживался отъ сношеній съ чужеземцами. Плиній прибавляетъ къ этому, что въ Діоскуріи торговыя сношенія велись чрезъ посредство 130-ти переводчиковъ (Вейденбаумъ). Арабскіе географы не даромъ даже называли Кавказъ «горой языковъ».

Однако, многоязычіе Кавказа оказалось такимъ-же миѳомъ, какъ и многія другія сказанія изъ области этнографіи Кавказа; всѣ эти миѳы, соприкоснувшись съ точнымъ научнымъ изученіемъ фактовъ, разлетѣлись въ дребезги и оставили послѣ себя одно историческое воспоминаніе. Современная лингвистика насчитываетъ собственныхъ три или четыре группы кавказскихъ языковъ, и въ этомъ отношеніи истиннымъ Колумбомъ кавказской лингвистики считается русскій ученый баронъ Усларъ.

До сихъ поръ на всѣхъ группахъ водъ не

имѣется удобныхъ, не говоря экипажныхъ, но даже пѣшеходныхъ дорогъ для восхожденія на сосѣднія горы и для прогулокъ. О горныхъ желѣзныхъ дорогахъ, подобныхъ тѣмъ, которыя теперь имѣются буквально на каждомъ шагу въ Швейцаріи, конечно, нѣтъ и помина. Нужны дороги и на Бештау, и на Машукѣ, и на Желѣзную гору, и на Бермамутъ, и на другія ближайшія вершины. Въ послѣднее время дѣятельно идутъ всевозможныя преобразованія въ дѣлѣ благоустройства к. м. водъ. Всюду на горахъ ставятся скамейки, разставлены онѣ и по тропѣ, ведущей на Бештау. Я посѣтилъ эту гору въ обществѣ милой семьи одного В—скаго профессора Т.... Мы пріѣхали къ вечеру и остались ночевать у подножія горы въ небольшомъ домикѣ лѣсного сторожа. Домикъ былъ такъ малъ и тѣсенъ, что въ немъ могли размѣститься только дѣти, а всѣмъ взрослымъ пришлось расположиться на ночлегъ на дворѣ на свѣжемъ сѣнѣ и буркахъ. Поужинали чѣмъ Богъ послалъ, и далеко за-полночь все еще не хотѣлось уходить отъ костра, на которомъ жена лѣсника приготовила на вертелѣ вкусныхъ цыплятъ. Ночь была дивная, не вдалекѣ мигали огни Желѣзноводска, и подъ утро стало свѣжо.

Въ пять часовъ утра, мы, подъ предводительствомъ лѣсника, вооруженнаго ружьемъ, двинулись въ путь и, подвигаясь самымъ непозволительнымъ черепашьимъ шагомъ, къ 7-ми

часамъ утра достигли вершины Бештау, откуда открывается дивный видъ на весь главный кавказскій хребетъ.

Дороговизной восхожденій, даже на такія горы, какъ Бештау, объясняется тотъ фактъ, что въ теченіе сезона едва лишь нѣсколько десятковъ лицъ пользуются этимъ превосходнымъ развлеченіемъ. А между тѣмъ въ Швейцаріи гора Риги, болѣе высокая, чѣмъ Бештау, имѣетъ вплоть до вершины три желѣзнодорожныхъ пути. Гора Пилатъ еще выше, чѣмъ Риги, и на нее съ 1889 г. также ходитъ паровозъ. На Риги-Кульмъ въ прошлый сезонъ, съ мая по октябрь, перебывало 140.000 человѣкъ, и ежедневно тысячи людей остаются ночевать въ гостиницахъ, выстроенныхъ на самой вершинѣ горы. Утромъ, по звуку рожка, всѣ спѣшатъ насладиться восходомъ солнца и чудною панорамой окрестныхъ горъ и озеръ.

Въ февралѣ 1893 года мнѣ пришлось сдѣлать изъ Цюриха экскурсію на сосѣднюю гору, называемую «Üetliberg». Поѣздъ (изъ одного вагона-микстъ перваго и второго класса) за три франка (взадъ и впередъ) повезъ меня и молодого моего спутника—студента мюнхенскаго университета. Другихъ пассажировъ не было. На вершинѣ горы мы нашли благоустроенную, хорошо отопленную гостиницу, въ которой за два съ половиной франка (меньше рубля по курсу) намъ дали весьма сносный обѣдъ.

Замѣтьте,—это зимой, когда приливъ туристовъ въ Швейцаріи почти прекращается!

Развлеченія на кавказскихъ минеральныхъ водахъ пока также мало удовлетворительны, какъ и ихъ бытовыя рамки. Военные оркестры, играющіе на водахъ иногда, плохи до невозможности. Недавно было предложено лѣчить всевозможныя болѣзни музыкой. Подобно тому, какъ теперь курсовые больные глотаютъ минеральную водицу подъ аккомпаниментъ разныхъ «Мадамъ Анго» и «Боккачіо», предлагаютъ завести оркестры и въ больницахъ и лѣчить, особенно хрониковъ, музыкой извѣстнаго жанра. Для одной болѣзни нуженъ Вагнеръ, для другой—Верди или Россини, а меланхолію лучше всего излѣчиваютъ Штраусъ, Лекокъ и Оффенбахъ. Повидимому, эта теорія совсѣмъ неизвѣстна водянымъ капельмейстерамъ, которые способны заколотить въ гробъ своею музыкой. Положительно плохіе оркестры скорѣе разстраиваютъ нервы больныхъ, нежели дѣйствуютъ успокаивающимъ образомъ.

Казенная администрація водъ въ вѣчныхъ хлопотахъ о переустройствѣ водъ, конечно, не имѣетъ никакой возможности доставлять курсовымъ больнымъ какія-либо увеселенія. Въ сезонъ 1892 года на всѣхъ группахъ подвизалась недурненькая труппа Ѳ. И. Надлера, извѣстнаго нѣкогда въ провинціи антрепренера. Труппа собрана была на началахъ товарищества и перебивалась буквально съ хлѣба на

квасъ, хотя среди нея и подвизалась такая замѣтная величина, какою по справедливости считается извѣстная на югѣ Россіи артистка А. Я. Некрасова.

Дѣла товарищества были на столько печальны, что за полтора мѣсяца первые персонажи не выработали и полсотни рублей, а несчастные суфлеры, лица на роли лакеевъ и горничныхъ и тому подобный мелкій людъ прямо-таки нуждался въ помощи общественной благотворительности. Всѣ эти бѣдняки не безъ большихъ хлопотъ поразъѣхались съ Кавказа по окончаніи сезона. Администрація водъ при всей доброй волѣ ничѣмъ существеннымъ не могли помочь несчастнымъ артистамъ, хотя и доставляла всяческія льготы этимъ труженикамъ, явившимся развлекать курсовую публику.

Въ Кисловодскѣ не нашлось даже сцены, и несчастнымъ членамъ товарищества, которымъ чуть ли не по этапу пришлось возвращаться обратно въ Россію, приходилось выдѣлять часть изъ своего скуднаго заработка, чтобы соорудить нѣкое подобіе сцены въ казенной минеральной гостиницѣ. Танцовальные вечера даже въ Кисловодскѣ, гдѣ, по традиціи, оканчиваются всѣ романы, начатые на другихъ группахъ, утратили всякое значеніе, и курсовая публика дурѣетъ отъ скуки, карточной игры и ничего-недѣланія.

Но возвратимся къ Ессентукамъ. Пятигорскъ и Желѣзноводскъ давно уже имѣли

своихъ больныхъ, Кисловодскъ также былъ извѣстенъ въ Россіи, а слава Ессентукскихъ источниковъ (или, какъ ихъ называли, Бугунтскихъ, отъ рѣчки Бугунты) не шла дальше предѣловъ Ессентукской казачьей станицы. Знаменитый нынѣ 17 нумеръ—эта жемчужина кавказскихъ минеральныхъ водъ—сталъ входить въ употребленіе не ранѣе конца пятидесятыхъ годовъ. Сами Ессентуки отошли отъ казаковъ лишь въ 1847 году, когда правительство рѣшилось, наконецъ, взять ихъ въ свое собственное распоряженіе, уплативъ казачьему войску за отчужденіе источниковъ и парка 2.791 р. 88 к.

Князь М. С. Воронцовъ, говоритъ д-ръ С. А. Смирновъ, приказалъ принять ихъ и взять въ распоряженіе существовавшей тогда въ Пятигорскѣ строительной коммисіи. Дѣло, конечно, не обошлось безъ нѣкоторыхъ затрудненій. *Казаки смотрѣли на воды, какъ на свою собственность, которою они могли распоряжаться по произволу и которая могла оставаться въ какомъ угодно видѣ, лишь бы приносила имъ доходъ. Болѣе обширныя государственныя соображенія и мысль о необходимости улучшенія состоянія источниковъ—не могли входить въ ихъ расчеты.* И потому они просили черезъ наказнаго своего атамана объ оставленіи бугунтскихъ минеральныхъ водъ въ вѣдѣніи линейнаго войска. Однако же, вопросъ рѣшеный однажды, остался неизмѣненнымъ въ своемъ рѣшеніи.

Князь-намѣстникъ отказалъ въ согласіи на оставленіе этихъ водъ въ казачьемъ вѣдомствѣ, «по неимѣнію достаточныхъ на то причинъ», и 6 апрѣля 1847 г. состоялся формальный передаточный актъ отъ одного вѣдомства къ другому.

Не стоимъ-ли мы и теперь передъ разрѣшеніемъ аналогичной дилеммы и не нуженъли новый указъ, чтобы отчудить казачьи земли и передать ихъ лицамъ, которыя сумѣютъ создать для Ессентуковъ культурную обстановку благоустроеннаго курорта? Князь Воронцовъ не предвидѣлъ тогда этого осложненія, а то онъ, конечно, не остановился бы на полдорогѣ, и однимъ взмахомъ разрубилъ бы вѣковой гордіевъ узелъ.

Большой знатокъ мѣстныхъ условій, д-ръ С. А. Смирновъ, въ своемъ сочиненіи «Ессентукскія щелочныя воды» справедливо замѣчаетъ, что пріѣзжему посѣтителю водъ не всегда бываетъ легко различить, что собственно относится къ водамъ, какъ отдѣльному учрежденію, и что къ обстоятельствамъ внѣшнимъ для нихъ, случайно связаннымъ съ мѣстными условіями или общимъ развитіемъ края. «Входить въ анализированіе, что отъ чего зависитъ,—не всякому легко и не всякому захочется. Но у всякаго существуетъ одно общее и весьма естественное желаніе—встрѣтить какъ можно больше удобствъ и какъ можно меньше препятствій для своего прибытія на воды и

лѣченія ими. И потому неудивительно, если на воды зачастую ложится упрекъ и за трудность дороги къ нимъ, и за неудобства жизни на нихъ, и за дороговизну и некультурность этой жизни, и даже за климатическія условія, и за то, что ихъ районъ заселенъ непроизводительнымъ казачьимъ элементомъ.

«Во всѣхъ этихъ нареканіяхъ, съ точки зрѣнія посѣтителя, есть правда, но при нихъ забывается одно, что кавказскія воды и устройство ихъ составляютъ не самостоятельную какую-нибудь область, а только маленькую частицу края, вліяющаго на развитіе ихъ внѣшней стороны всею силой, какою только можетъ вліять цѣлое на свою часть».

Эти глубокія слова имѣютъ не менѣе глубокій смыслъ и понынѣ, хотя они были написаны четверть вѣка тому назадъ, и огромная часть нареканій задѣваетъ казенное ихъ управленіе лишь рикошетомъ, ибо должна быть адресована дальше,—къ тѣмъ рамкамъ, къ тѣмъ жизненнымъ условіямъ, въ которыя поставлены эти воды. Sapienti sat!

Быстро окончившійся въ 1892 году, по милости холеры, сезонъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, конечно, долженъ огорчать не однихъ только курсовыхъ больныхъ, но и съѣхавшихся лѣчить ихъ врачей. Врачи и въ минувшемъ сезонѣ (1896) съѣхались особенно изобильно, можно сказать, слишкомъ изобильно: ихъ безъ малаго набралось здѣсь свыше

ста человѣкъ, то-есть, по одому на 70—80 человѣкъ больныхъ. Однихъ только профессоровъ собралось 16 человѣкъ, 8 доцентовъ, 28 докторовъ медицины, 3 женщины врача и, наконецъ, около 50 лекарей. Есть пріѣхавшіе издалека, имѣются профессора, прибывшіе изъ Варшавы и даже изъ Сибири изъ Томска, не мало медиковъ прибыло и изъ Петербурга.

Но Петербургъ не отрядилъ ни одной знаменитости, преимущественно все это ассистенты разныхъ крупныхъ и фиктивныхъ знаменитостей. Изъ крупныхъ медицинскихъ тузовъ изъ числа профессоровъ или изъ числа первокласныхъ столичныхъ практиковъ на воды не явилось ни одного, хотя недостатка въ солидныхъ и почтенныхъ именахъ и не чувствовалось; такъ, напр., въ числѣ практикующихъ на группахъ врачей мы встрѣтили такія имена, какъ д-ра Чечота изъ Петербурга, Ф. Трапезникова, А. Хрщановича и др.; изъ провинціальныхъ упомянемъ П. Ковалевскаго изъ Варшавы, Н. Феноменова и Высоцкаго изъ Казани, А. Кузнецова изъ Харькова и другихъ. Только одна Москва вовсе не прислала никого изъ своихъ крупныхъ, въ смыслѣ практики, представителей. Уже одно это обстоятельство a priori свидѣтельствуетъ, что практика на кавказскихъ минеральныхъ водахъ не представляетъ изъ себя на самомъ дѣлѣ ничего заманчиваго и лакомаго.

И дѣйствительно, здѣсь на водахъ повто-

ряется та же исторія, которую мы видимъ ежедневно въ большихъ, особенно университетскихъ городахъ. Одни врачи завалены приглашеніями, осаждены больными, другіе сидятъ у моря и ждутъ погоды. Однимъ некогда ѣсть, другимъ нечего ѣсть, и такіе, къ сожалѣнію, какъ и вездѣ, составляютъ большинство. До какой степени не сладко приходится многимъ изъ здѣшнихъ врачей, видно лучше всего изъ того факта, что многіе изъ нихъ въ 1892 году попринимали мѣста врачей, вызываемыхъ на холерную эпидемію, и разъѣхались съ группъ; такъ, я знаю одного, взявшаго мѣсто по публикаціи Владикавказской желѣзной дороги, двухъ—поѣхавшихъ на вызовъ Тифлисскаго губернатора и т. д.

По поводу реноме врачей на кавказскихъ водахъ В. Богословскій въ своемъ сочиненіи «Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды» утверждаетъ, что репутація врача на водахъ создается не столько его опытностью и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу, сколько знакомствомъ съ содержателями гостиницъ и нумеровъ, которымъ, къ стыду нашему, нѣкоторые изъ врачей даютъ свои визитныя карточки, оплачивая ихъ извѣстнымъ гонораромъ. Другими словами, борьба за существованіе и здѣсь, какъ и повсюду, принимаетъ тотъ отвратительный характеръ, изъ-за котораго общество зачастую забываетъ услуги, оказываемыя ему врачебнымъ сословіемъ.

Особенно сильно нападаетъ докторъ Богословскій на мѣстныхъ врачей, которые, считая, яко-бы, воды своею собственною вотчиной, косо смотрятъ на пріѣзжающихъ товарищей и нисколько не гнушаются пользоваться недостойными средствами, бросая тѣнь на коллегъ. Смотря на практику исключительно какъ на выгодную аферу, нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь установившимся авторитетомъ, набираютъ массу паціентовъ, до 400 и болѣе. При такомъ числѣ не можетъ быть и рѣчи о научномъ и добросовѣстномъ веденіи дѣла, и возможенъ только шаблонный способъ лѣченія. Признавая себя непогрѣшимыми, очень немногіе изъ мѣстныхъ врачей (то-есть, живущихъ на водахъ круглый годъ), придаютъ значеніе мнѣнію врача, пославшаго паціента на воды. Не трудно понять, въ какое смущенное положеніе становится больной, узнавъ, что все предшествующее лѣченіе и совѣтъ, данный врачемъ на дорогу, въ сущности не болѣе, какъ ошибка.

Не берусь судить, насколько правъ проф. В. Богословскій въ своемъ мрачномъ взглядѣ на своихъ мѣстныхъ коллегъ, но рѣшительно утверждаю, что большинству пріѣзжихъ врачей, и притомъ весьма солиднымъ и научнообразованнымъ, живется на водахъ, при господствующей здѣсь дороговизнѣ, далеко не сладко; съ нихъ за все норовятъ сорвать еще дороже, чѣмъ съ курсовыхъ больныхъ, и са-

мыя дорогія квартиры на всѣхъ группахъ оплачиваются врачами. Два слова о новыхъ штатахъ казеннаго управленія водъ.

По новому штату Управленіи Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ во главѣ всего дѣла стоитъ директоръ (нынѣ В. А. Башкировъ). Директору приданъ врачебно-техническій комитетъ въ качествѣ совѣщательнаго органа. Въ комитетѣ пять членовъ. (Врачъ Управленія, старшій горный инженеръ, химикъ водъ, архитекторъ и врачъ изъ числа мѣстныхъ практиковъ). Хозяйство группъ ведутъ самостоятельно особые «завѣдующіе группами». Это лица съ хорошимъ служебнымъ положеніемъ и хорошо вознаграждаемые. Группные врачи вѣдаютъ исключительно врачебное и санитарное дѣло. Всѣ хозяйственныя и административныя заботы съ нихъ сняты. Минувшій сезонъ, повидимому, подтвердилъ всю цѣлесообразность послѣдней реформы казеннаго управленія. Все шло глаже обыкновеннаго и порядокъ на группахъ былъ образцовый.

Было бы излишнимъ доказывать давно сознанную выдающимися финансистами истину, что государство способно съ успѣхомъ вести за свой страхъ и рискъ лишь устроительную работу, лишь подготовку извѣстнаго рода промышленныхъ предпріятій съ цѣлію полученія съ нихъ дохода. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ цѣломъ рядѣ различныхъ мелкихъ предпріятій государство рѣшительно

не можетъ сколько-нибудь успѣшно конкуррировать съ частными лицами.

Къ числу такого рода казенныхъ промысловъ необходимо, конечно, отнести и минеральные курорты, которые нужно держать въ своихъ рукахъ *лишь до тѣхъ поръ, пока они не окрѣпнутъ, не станутъ на ноги и вообще переживутъ свою преобразовательную фазу*. Извѣстно, что съ окончаніемъ этой фазы всѣ эти прдпріятія не только у насъ, но и въ Европѣ всегда шли значительно хуже, чѣмъ частныя, и отставали отъ послѣднихъ даже въ техническомъ отношеніи. Несомнѣнно, что личная предпріимчивость, особенно въ такомъ чисто коммерческомъ дѣлѣ, какимъ является устройство минеральнаго курорта, играетъ громадную роль, и въ частныхъ рукахъ подобное дѣло можетъ дать такіе плоды, какихъ никогда не дастъ, находясь въ рукахъ правительства.

При этомъ желательно было бы, хотя, быть можетъ, это желаніе преждевременно, отдать всѣ группы кавказскихъ водъ отнюдь не въ руки одного лица, одного предпринимателя, а непремѣнно каждую группу порознь, разнымъ лицамъ, и притомъ обязательно на болѣе или менѣе долгій срокъ. Такимъ путемъ прежде всего уничтожится главное зло, замѣчаемое при отдачѣ водъ въ аренду одному лицу. Это зло извѣстно каждому больному, побывавшему на Кавказѣ, и заключается въ необузданномъ стремленіи заставить всякаго

больного полѣчиться понемногу на каждой группѣ, пожить 2 недѣльки въ Пятигорскѣ, потомъ недѣльку-другую въ Ессентукахъ и наконецъ ѣхать долѣчиваться въ Кисловодскъ. Это возмутительное *тасканье* больныхъ по всѣмъ группамъ было бы парализовано отдачей группъ въ аренду посторонним компаніямъ.

Но отдача дѣла въ частныя руки еще далека.

Частнымъ рукамъ *не подъ силу та устроительная, преобразовательная и притомъ безкорыстная работа, которую ведетъ правительство на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, и намъ остается лишь пожелать, чтобы громадныя и щедрыя затраты на нихъ нашего правительства принесли добрые плоды.*

Воды эти имѣютъ существенную важность для всей страны, для всей Россіи не только въ качествѣ первокласснаго лѣчебнаго курорта, но и чисто съ экономической точки зрѣнія какъ мѣсто, откуда можно экспортировать минеральныя воды всѣхъ наименованій для всего нашего отечества и вытѣснить изъ него ненужную намъ иностранную минеральную воду.

Если допустить кромѣ того, что изъ нашего отечества ѣдетъ ежегодно врачевать свои недуги на разныя заграничныя минеральныя воды всего лишь ничтожная цифра въ 25 т. человѣкъ (на самомъ дѣлѣ ихъ ѣдетъ, конечно, гораздо болѣе), и если далѣе допустить, что каждый изъ ѣдущихъ оставляетъ за-границей всего лишь одну тысячу рублей (а оставляетъ на самомъ дѣлѣ, конечно, гораздо больше), то и тогда ежегодная потеря Россіи и русскихъ курортовъ можетъ быть исчислена въ 20—25 мил. рублей сер. (на самомъ дѣлѣ она, конечно, гораздо больше). Эти съ успѣхомъ могли бы остаться внутри страны, на нашихъ курортахъ, а теперь они безслѣдно исчезаютъ изъ народнаго кармана и отдаются въ чужія руки.

Правительство наше такъ щедро, повторяемъ, поддерживаетъ кавказскія минеральныя воды, что нѣтъ никакого сомнѣнія, что русское общество придетъ къ нему на помощь и взамѣнъ за-границы поѣдетъ на Кавказъ, разъ только здѣсь будетъ созданъ неизбѣжный въ подобномъ случаѣ комфортъ и удобства.

Пожелаемъ же теперь спокойной и плодотворной работы тѣмъ лицамъ, которыя призваны вести преобразовательное дѣло нашего знаменитаго, по своимъ природнымъ богатствамъ, курорта, и будемъ надѣяться, что онъ въ возможно краткій срокъ станетъ на ту высоту, которая соотвѣтствуетъ величію и достоинству Россіи.

КОНЕЦЪ.

Замѣченныя важнѣйшія опечатки.

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Нужно читать*
4	13 снизу	Яльта	Ялта
12	2 снизу	пошпѣшно	поспѣшно
13	11 снизу	орентиреватся	оріентироваться
19	14 снизу	Кипрой	Кинжалъ
29	7 сверху	прошлое	пришлое
40	17 снизу	Дярьялъ	Дарьялъ
48	1 снизу	приготоляется	приготовляется
49	4 снизу	имѣнилось	измѣнилось
68	10 снизу	Алатри	Алагиръ
69	16 снизу	Фіагъ-Донъ	Фіалъ-донъ
124	10 снизу	антракнозъ	антракозъ
184	4 снизу	greatt traction	great attraction
212	1 снизу	200	2000
213	15 сверху	облесѣненіе	облѣсеніе
219	4 сверху	по гечуя	почечуя
230	10 сверху	но съ тою	не съ тою